

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы круглого стола,
посвященного памяти доктора филологических наук,
профессора Тамары Степановны Глушак

Минск, 30 ноября 2023 г.

Минск
МГЛУ
2024

УДК 81
ББК 81.0
Ф94

Рекомендованы Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 1(71) от 22.03.2024 г.

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент *О. Л. Зозуля* (БрГУ); кандидат филологических наук, доцент *С. С. Котовская* (БГУ).

Редакционная коллегия: Е. В. Зуевская (*отв. редактор*), Н. Е. Лаптева, О. В. Лущинская, Л. Н. Неборская, А. В. Сытько, В. А. Шевцова

Ф94 **Функциональная лингвистика : проблемы и перспективы :** материалы круглого стола, посвященного памяти доктора филологических наук, профессора Тамары Степановны Глушак. Минск, 30 ноября 2023 г. / редкол. : Е. В. Зуевская [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2024. – 2,27 Мб.

ISBN 978-985-28-0244-4

В сборнике представлены доклады участников круглого стола памяти доктора филологических наук, профессора Тамары Степановны Глушак, состоявшегося в Минском государственном лингвистическом университете 30 ноября 2023 года.

В издании освещаются вопросы функционирования системных единиц языка в тексте и дискурсе, особенности динамики языковых процессов, результаты лингвокультурологических и сопоставительных исследований на современном этапе.

Адресуется специалистам в области общего и сравнительного языкознания, германских и романских языков, аспирантам и магистрантам, студентам и всем тем, кто интересуется дискурсологией и лингвокультурологией.

УДК 81
ББК 81.0

Электронная версия издания доступна в электронной библиотеке МГЛУ по ссылке e-lib.mslu.by или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0244-4

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тамара Степановна Глушак известна многим филологам как основатель и руководитель научной школы функционально-коммуникативной лингвистики в Беларуси. Новаторская по своей сути и глубине осмысления концепция всесторонне разрабатывалась не одним поколением молодых исследователей под руководством Тамары Степановны. И в каждом конкретном случае раскрывались новые, ранее неизведанные аспекты взаимодействия разноуровневых единиц немецкого языка в условиях их текстовой реализации. Отталкиваясь от статики системного устройства языка с характерными для него четко зафиксированными парадигматическими отношениями, функционально-коммуникативная концепция, разработанная Т. С. Глушак, подразумевала обязательный выход исследования на уровень текста, где в вариативном воплощении тех или иных лексических единиц, грамматических явлений, конструкций и категорий проявляется живая, уникальная по своей сути динамика функционирующего языка. В контекстах реализации происходит тонкая игра смыслов, единицы языка проявляют свои скрытые (латентные) свойства и, наоборот, в текстах как бы прочитывается между строк имплицитно сокрытая информация. По своей сути, функционально-семантический подход предполагает изучение языка в его действенной реализации.

Тамара Степановна неоднократно подчеркивала тот факт, что в условиях текстовой реализации возникает и определенная прагматика, а сам прагматический аспект формируется под влиянием авторских интенций в значительной степени с помощью определенной текстовой стилистики. Именно стилистические средства способствуют объемному и многомерному восприятию и интерпретации всей текстовой формации, выходящему за пределы лишь узко предметного понимания текста. В речевой деятельности происходит стилистически нюансированный процесс языкового варьирования.

Описанный подход последовательно реализовывался как в многочисленных публикациях Т. С. Глушак (более 100), монографии «Функциональное взаимодействие разноуровневых единиц языковой системы в диапазоне реализации номинализационных тенденций в немецком языке», так и в кандидатских диссертациях (их более 50) и докторской диссертации, выполненных под руководством Т. С. Глушак. И хотя Тамары Степановны с нами нет, она остается в памяти своими добрыми делами, замечательными мыслями и идеями, научным наследием.

(Рымкевич О.Е.)

ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ДИНАМИКЕ

УДК [811.111+811.161.3]’373

Артёмова О.А., д. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

заведующий кафедрой теории и практики английской речи

Artsiomova O.A., Dr of Sc. (Philology)

(Minsk, Belarus)

MSLU

Head of the Department of Theory and Practice of English Speech

e-mail: artimosha2008@rambler.ru

ДЕЙКТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ БЕЛОРУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу белорусских и английских глаголов перемещения как языковых актуализаторов пространственного дейксиса.

Ключевые слова: дейксис, глаголы перемещения, траектория, префиксально-предложный детерминизм, наблюдатель.

BELARUSIAN AND ENGLISH VERBS OF MOVEMENT: COMPARATIVE ASPECT

The article is devoted to a comparative analysis of Belarusian and English verbs of movement as linguistic actualizers of spatial deixis.

Key words: deixis, verbs of movement, trajectory, prefixal-prepositional determinism, observer.

Глаголы перемещения неоднократно становились объектом многочисленных исследований. Данные единицы являются репрезентантами глагольного дейксиса, так как содержат в своем значении не только указание на приближение объекта (центростремительное движение) или удаление (центробежное движение), но и на присутствие говорящего или его двойника – наблюдателя [1, с. 264]. Рассмотрим ядерные маркеры данного типа указания в сопоставляемых языках: англ. *go* ‘идти, ходить, ехать’, *come* ‘приходить, прийти, приехать’ и их белорусские аналоги *ісці, прыйсці, прыехаць*.

Единица *go* содержит указание на нахождение говорящего в исходном пункте перемещения: *Bosch just looked at her, giving no indication of approval or disapproval of her plan. «Can we go now?»* (M. Connelly. «City of Bones») ‘Босх равнодушно посмотрел на нее: – Теперь мы можем **идти?**’. В отличие от английского глагола *go* белорусская лексема *ісці* не

фиксирует в своей семантике указания на местонахождение говорящего и при отсутствии исходного или конечного пункта траектории движения совместима с любым из них. Говорящий может находиться как в исходном пункте («*Ох і задам жа я ёй потым*», – *падумаў дзед Іван, а ўголас сказаў: – Ну, дык ідзі хутчэй. І Таня пабегла* (В. Зуб. «Таямнічы надпіс»), так и в конечной точке (*Ай! Нехта ідзе. Ён, ён, напэўна ён!* (Я. Купала. «Паўлінка»)). Широкая семантика глагола *ісці* обуславливает его сочетание с существительными, обозначающими виды транспорта. По мнению Е. В. Рахилиной, данное употребление становится возможным при восприятии перемещения как непроизвольного (non-arbitrary) и ориентированного на конечный пункт (goal-oriented). При этом маршрут обычно считается фиксированным, его конечный пункт ясен из контекста или маркируется предложной группой [2]: *Цягнік ідзе з Беларусі ў Балгарыю праз тэрыторыі Украіны, Малдовы і Румыніі* [«БЧ са жніўня адмяняе “турыстычны” цягнік у Варну»]. Данная особенность глагола *ісці* наблюдается в сочетании с другими неодушевленными субъектами: *Вялікая хмара ідзе на Мінск з паўночнага захаду* [«Вялікая хмара ідзе на Мінск з паўночнага захаду. У Ратамцы ўжо грывае»]. В английском языке в таких контекстах употребляется глагол *come*: *Weather reports say a massive storm is coming* ‘Метеорологические сводки говорят, что идет массивный шторм’ [Reverso Context]; *There’s a cyclone coming, Em* (L. F. Baum. «The Wonderful Wizard of Oz») ‘Надвигается ураган, Эм!’.

В белорусском языке движение без заранее заданной траектории передается глаголами, в семантике которых содержится указание на среду движения, в отличие от английских единиц *come, go, travel*: *Усё відаць і без ліхтароў, і ён раз-пораз спыняўся, заміраў у дзіцячым здзіўленні: ружовы кусцік з галінкамі аказаўся жывым! Плыве, сам не ведаючы куды...* (П. Місько. «Грот афаліны»); *Метэоры, каметы ляцяць! Сутыкаюцца і паміраюць!* [А. Кабан. «Шэра-блакітны шар»]; *That stone is coming in like a rocket* ‘Этот камень летит словно ракета’ [Reverso Context]; *The slowest meteorites travel at 25,000 miles per hour* ‘Самые медленные метеориты летят со скоростью 25 000 миль в час’ [Reverso Context]; *“Look at that ship!” said Scrubb. “Why’s it coming on so quickly?”* (C. S. Lewis. «The Chronicles of Narnia. The Silver Chair») ‘– Смотрите! Корабль! – вскричал Юстас. Почему он плывет так быстро?’.

Английский глагол *come* содержит указание на нахождение наблюдателя в конечном пункте перемещения (*Please come as soon after work as possible* (Т. Dreiser. «An American Tragedy») ‘Пожалуйста, приходи сразу после работы’) в отличие от белорусских единиц *прыйсці* и *прыехаць*, которые обозначают, скорее, не сам процесс перемещения, а его результат: *І вось ён, Мікалай Сцяпанавіч, нарэшце прыйшоў* (А. Адамовіч і інш. «Я з вогненнай вёскі...»); *У гэты час у Брэст нарэшце прыехалі прадстаўнікі дэлегацыі ЦВК Саветаў Украіны Мядзведзеў і Шахрай* (І. Шамякін. «Петраград – Брэст») [БПНКРЯ]. Фокус на результате обуславливает смещение процессуального аспекта на состояние в

семантике данных глаголов и исключает возможность их употребления в форме настоящего актуального [3, с. 135]: *Глядзі, ён прыходзіць/прыязджае дадому. Указание на перемещение в конечный пункт и возвращение в исходную точку содержится в семантике белорусских единиц з'ездзіць, збегаць, звазіць, звярнуцца, зганяць, схадзіць, сцягацца 'поехать или пойти куда-нибудь, побыть там с какой-нибудь целью и вернуться обратно': [Пятрэсь:] – Ніхто і не глянуў, што я ў гэтых трантах туды прыйшоў... Ат, дарам толькі **сцягаўся** (М. Арочка); [Рыгорка] **збегаў** дахаты і прынёс іголку (А. Якімовіч). В английском языке данное значение передается аналитически – сочетанием глаголов движения с пространственными наречиями или предлогами: *Winston went to the bar and came back with two more half-litres* (G. Orwell. «Nineteen Eighty-Four») 'Уинстон **сходил** к стойке и принес еще два стакана'; *Ralph trotted into the forest and returned with a wide spray of green which he dumped on the fire* (W. Golding. «Lord of the Flies») 'Ральф **сбегал** в лес, принес зеленую пышную ветку и бросил в огонь'.

Сопоставительный анализ глаголов перемещения показал зависимость способа выражения динамического аспекта пространственного дейксиса от структурно-типологических особенностей двух языков. Их можно дифференцировать на синтетический и аналитический. Флективность белорусского языка обуславливает преимущественно синтетическое выражение направления префиксами в глаголах перемещения (*да-, дабегчы, пад-, пад'ехаць, пры-, прыбыць, с-, сысціся; ад-, ад'ехаць, вы-, выйсці, за-, забегчы, з-, з'ехаць, па-, паехаць, параз-, паразбягацца, раз-, раз'ехацца*) и его семантическое дублирование предлогами – префиксально-предложный детерминизм (*ад'ехаць ад, прыйсці да*). Типологические особенности английского языка предопределяют преимущественно аналитическое выражение направленности предлогами и наречиями с глаголами движения (*get to 'добираться', get near 'приблизиться', go from 'уходить', go away 'уходить', run off 'убегать'*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плуноян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М. : Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
2. Рахилина Е. В. Мы едем, едем, едем // Языки мира. Типология. Уралистика : памяти Т. Ждановой : ст. и воспоминания / сост. В. А. Плуноян, А. Ю. Урманчиева. М., 2002. URL: <http://www.rakhilina.ru/files/exat.pdf> (дата обращения: 20.04.2016).
3. Падучева Е. В. Дейктические компоненты в семантике глаголов движения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2002. С. 121–136.

Булгакова М.П., к. филол. н.
(г. Минск, Беларусь)
МГЛУ
заведующий кафедрой второго иностранного языка (немецкий)

Bulgakova M.P., Cand. of Sc. (Philology)
(Minsk, Belarus)
MSLU
Head of the Department of the Second Foreign Language (German)
e-mail: mpbulgakova@yandex.ru

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ТЕМПЕРАТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ДЕРИВАЦИОННОМ АСПЕКТЕ

Рассматриваются семантические и функциональные особенности температурных имен прилагательных в немецком языке.

Ключевые слова: семантическая деривация; полисемия; метафора; прилагательные температурных характеристик.

ADJECTIVES OF CHARACTERISTICS DENOTING TEMPERATURE IN THE DERIVATIONAL ASPECT

The article examines the semantic and functional features of adjectives of characteristics denoting temperature in the German language.

Key words: semantic derivation; polysemy; metaphore; adjectives of characteristics denoting temperature.

Исследование семантики прилагательных представляет особую сложность. Это обусловлено тем, что, по мнению многих исследователей, значения прилагательного манифестируются обычно расчлененными знаками – лексическими двучленными синтагмами, в силу этого семантика адъективных слов характеризуется, как правило, в связи или на фоне существительного. На этом основана точка зрения, согласно которой прилагательное обладает лишь сигнификативным содержанием, что у него, следовательно, нет собственной денотативной отнесенности [1, с. 329]. Такой позиции придерживаются, например, Н. Д. Арутюнова и Е. М. Вольф. Существует, однако, и другое мнение, заключающееся в том, что «и предметы, и признаки реальны и в этом смысле являются объектами. Признак не менее реален, чем предмет. Реален не только дом, но и то, что он кирпичный и высокий» [2, с. 150]. Прилагательное, таким образом, не лишается денотативных свойств. Такая позиция находит выражение в работах А. А. Уфимцевой, Э. С. Азнауровой и некоторых других лингвистов [3, с. 201; 4, с. 109]. «По типу означивания адъективные слова не отличаются от других типов словесных знаков, <...> специфика их лежит прежде всего в своеобразии того отрезка объективной

действительности, который они называют, то есть в отличии признаков, свойств, качеств от других обозначаемых языковыми знаками сущностей» [5, с. 127].

Этим обусловлен высокий деривационный потенциал имен прилагательных, который основан на переосмыслении первичного значения, базирующегося на актуализации сем. Для исследования механизма возникновения вторичных значений представляется достаточным, в соответствии с классификацией В. Г. Гака, выделить «архисемы (общие семы родового значения), дифференцирующие семы видового значения и потенциальные семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого объекта» [6, с. 371]. Близкий подход обнаруживается и в работах У. Эко [7, с. 46–47]. Однако в силу того, что у разных авторов трактовка сем как потенциальных производится на основании различных критериев (ср., например, «потенциальной надо называть такую сему, которой нет в данном виртуальном значении, но которая может появиться в значении слова» [8, с. 140]), представляется целесообразным семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого объекта, определять как коннотативные. Такое обозначение соответствует традициям изучения полисемии прилагательных, имеющих в своей семантике количественный компонент (параметрические: *большой – маленький*, скорости: *медленный – быстрый*, температуры: *горячий – холодный* и пр. в отличие от, например, прилагательных цвета). Дериваты таких прилагательных часто подразделяются на основании денотативных и коннотативных компонентов значения, послуживших базой семантической производности.

Словарные статьи прилагательных с количественным компонентом в семантике содержат представление об отработанной во времени и социально закреплённой точке отсчёта, то есть о норме, о том, «что в сознании человека, на базе длительной общественной практики и в постоянном взаимодействии с окружающим миром, формируется как представление о естественном проявлении свойств природы или отдельных элементов» [9, с. 46]. Таким образом, денотативный, объективно обусловленный характер семантики прилагательного связан с понятием нормы, выраженной в специальных дефиниционных средствах.

В исследованиях прилагательных, соотносящихся с нормой, часто отмечается тенденция аксиологического переосмысления прилагательных. При этом лексемы, обозначающие степень выраженности признака больше нормы, характеризуют предмет положительно: *глубокий анализ, быстрый ум, теплые отношения*. У адъективных единиц с первичным значением признака ниже нормы развиваются семантические дериваты с отрицательными характеристиками: *мелкие интересы, медленное развитие, холодный расчет*.

Данные разных языков показывают, что подобная тенденция может расцениваться как семантическая универсалия. На примере немецкого языка мы тоже наблюдаем подтверждение данному наблюдению: *die kalte*

Schulter zeigen ‘повернуться спиной; отнестись холодно, пренебрежительно’, *das lässt mich kalt* ‘это меня не трогает, не волнует’, *es läuft mir kalt über den Rücken* ‘меня мороз подирает по коже’. Положительная оценка: *warme Worte* ‘тёплые слова’, *warme Anteilnahme* ‘горячее участие’, *wärmsten Dank!* ‘большое спасибо!’, *das neue Buch des Schriftstellers wurde warm aufgenommen* ‘новая книга писателя была тепло встречена’. Однако обнаруживаются случаи, не вписывающиеся в эту тенденцию: *feinste Nuancen* ‘тончайшие нюансы’, *dicke Luft* 1) ‘опасность’ 2) ‘плохое, подавленное, состояние’. Представляется, что данные факты семантического развития обусловлены положительной семантикой первичного значения прилагательного *fein*, изначально восходящего к латинскому слову *finis*, что обозначает ‘предел’, ‘граница’, ‘рубеж’, ‘вершина’, ‘верх’, ‘высшая степень’, по сути, значение выше нормы.

Данные языковые явления позволяют заключить, что направления развития вторичных значений температурных прилагательных могут быть систематизированы на основе количественного компонента первичной семантики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М. : Наука, 1976. 383 с.
2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972. 216 с.
3. Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М. : Наука, 1986. 240 с.
4. Азнаурова Э. С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи // Языковая номинация. Виды наименований / под ред. Б. А. Серебренникова. М., 1977. С. 86–128.
5. Харитончик З. А. Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование : избр. тр. Минск : МГЛУ, 2004. 367 с.
6. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972. С. 367–395.
7. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб. : Симпозиум, 2005. 502 с.
8. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб : Науч. центр проблем диалога, 1996. 760 с.
9. Моран Лойола Г. А. Лексико-семантическое поле в системе его денотативных и оценочных значений : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Минск, 1988. 173 л.

Горожанов А.И., д. филол. н.
(г. Москва, Россия)
ФГБОУ ВО МГЛУ

профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка

Gorozhanov A.I., Dr of Sc. (Philology)
(Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

Professor in the Department of German Language Grammar and History

e-mail: a_gorozhanov@mail.ru

**ДИНАМИЧЕСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОРПУС
КАК ИНСТРУМЕНТ КОМПАРАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
(на материале текстов немецкоязычных СМИ)**

Описываются предварительные результаты корпусного исследования на материале текстов электронных немецкоязычных изданий Spiegel и FAZ. Приводится пример анализа падежных характеристик собранных текстов. Формулируются выводы о перспективах дальнейшей работы.

Ключевые слова: динамический лингвистический корпус; немецкий язык; обработка естественного языка; Spiegel; Frankfurter Allgemeine Zeitung.

**DYNAMIC LINGUISTIC CORPUS
AS A COMPARATIVE RESEARCH TOOL
(Based on the Texts of German-Language Media)**

The preliminary results of a corpus research based on the material of texts from electronic German-language publications in Spiegel and FAZ are described. An example for the case characteristics analysis of the collected texts is given. Conclusions are formulated about the prospects for future work.

Key words: Dynamic linguistic corpus; German language; natural language processing; Spiegel; Frankfurter Allgemeine Zeitung.

В марте 2023 г. в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования ФГБОУ ВО МГЛУ было инициировано очередное корпусное исследование, целью которого стало получение комплексных характеристик текстов различных изданий, а также апробация авторского метода генерации динамического лингвистического корпуса с высокой долей автоматизации процессов, включая накопление «сырого» текстового материала, его трансформацию в лингвистический корпус и получение данных, в рамках которого человек выполняет операционно-контролирующую и экспертную функции.

В предлагаемой статье кратко приводятся результаты первой фазы исследования, в ходе которой в автоматическом режиме был собран

аутентичный текстовый материал, получены два лингвистических корпуса, которые мы можем охарактеризовать как письменные одноязычные (немецкий язык) литературные публицистические исследовательские динамические размеченные сбалансированные и синхронические [1, с. 205].

Актуальность работы обусловлена необходимостью совершенствования методов корпусной лингвистики, направленных на активное привлечение библиотек обработки естественного языка в качестве программных инструментов исследования, а также на создание шаблонных решений генерации (динамических) лингвистических корпусов, которые могут быть перенесены на тексты различных стилей и жанров, и в целом – потребностью привлечения точных измерений в лингвистическую науку.

В качестве методов обозначим автоматический (программный) и автоматизированный (программный с частичной мысленной интерпретацией результата) анализ текстового материала, статистический анализ (получение формальных количественных данных), компаративный анализ (языковых средств двух корпусов), а также синтез (в части формулирования выводов).

Материалом исследования явились тексты актуальных репортажей электронных версий журнала Spiegel и газеты Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ). Объем материалов по каждому изданию составляет в настоящее время около миллиона словоформ, или токенов. Тексты были собраны и обработаны в период с мая по июль 2023 г. Ведущий тип разметки – морфологическая.

После сборки обоих лингвистических корпусов посредством специализированной авторской программы [2, с. 64] нами был произведен компаративный анализ их смыслового (условно «неформального») и лингвистического (условно «формального») содержания. Пример результата последнего мы приведем ниже.

Рассмотрим распределение токенов каждого корпуса по критерию грамматической категории падежа.

Для этого в специализированном корпусном менеджере, разработанном в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования, реализуем ряд запросов типа:

```
SELECT COUNT (*) FROM tokens WHERE tokenattr LIKE '%=gen%'
```

В результате такого запроса будет получено количество токенов, которым присуща характеристика «родительный падеж». Произведя запросы для каждого падежа, получим следующее (см. Таблицу 1):

Таблица 1. Распределение токенов по падежным характеристикам

Падеж	Spiegel (%)	FAZ (%)
Nom	17,52	17,28
Gen	4,43	4,43
Dat	13,68	13,38
Akk	10,7	11,5

Данные представлены в процентах относительно общего количества токенов в соответствующем корпусе.

В итоге мы получаем почти полное совпадение параметров по всем падежам. Таким образом, подъязык Шпигеля и подъязык Франкфуртер Альгемайне являются идентичными по этому критерию. Ни один из них не проявляет «архаизма», который мог бы быть заметен, например, в более высокой доле употребления родительного падежа относительно дательного.

В будущем планируется, во-первых, увеличить объемы каждого лингвистического корпуса; во-вторых, рассмотреть дальнейшие параметры для анализа их формального и неформального содержания; в-третьих, рассмотреть возможности более глубокой, при необходимости – частично ручной, разметки текстовых массивов.

Более далекая перспектива открывается в масштабировании создаваемого инструмента на различные подъязыки для создания широко востребованных учебных (см. [3]) и исследовательских электронных ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горожанов А. И., Степанова Д. В.* Интерпретация художественного произведения: корпусный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 1. С. 203–208. DOI: 10.30853/phil20220020. EDN TCZLAF.

2. *Горожанов А. И., Шевцова В. А.* Технология определения цветовой характеристики текста художественного произведения (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 6 (874). С. 63–68. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_6_874_63. EDN VOUQHW.

3. *Писарик О. И.* Принципы разработки базы данных подъязыка предметной области "строительство" // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 5 (847). С. 150–160. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_5_847_150. EDN RKPNSU.

Кохнович Т.К., к. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

доцент кафедры фонетики и грамматики немецкого языка

Kohnovich T.K., Cand. Sc. (Philology)

(Minsk, Belarus)

MSLU

Associate professor of the Department of Phonetics
and Grammar of German Language

e-mail: kohnovichtatiana@gmail.com

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

(на материале современного немецкого языка)

В работе рассматриваются вопросно-ответные диалогические единства, состоящие из реплики-стимула и реплики-реакции. На основе практического материала отмечается смысловая и интенциональная связь реплик, особенности их языкового выражения.

Ключевые слова: диалогическое единство; реплики; типы единств; связь реплик; языковые средства.

COMPONENTS OF DIALOGIC UNITY

(based on the modern German language)

The paper discusses the question-response dialogic unities, consisting of a response-stimulus and response-reaction. Based on material analysis, the semantic and intentional connection of the stimuli-responses and the features of their linguistic expression are revealed.

Key words: dialogical unity, types of unities, connection between stimuli and responses, linguistic means

Изучением диалогической речи на протяжении многих лет занимаются отечественные и зарубежные лингвисты, интерес к данной проблеме не ослабевает и в наши дни. Особенности диалогической речи рассматривают в своих работах Арутюнова А. Ю., Бабаян В. М., Кузнецов И. А., Мартыненко Т. И., Михайлов Л. М., Масленников С. В., Ремизова С. А., Цирельсон Н. И. и др.

Одним из важных признаков диалогической речи является принцип ее построения как цепи стимулов и реакций, то есть каждое высказывание является некоторой акцией, вызывающей реплику – реакцию. Обмен репликами происходит в живой диалогической речи быстро, отсюда её спонтанность. Под репликой мы понимаем высказывание, принадлежащее

одному из собеседников и продолжающееся до тех пор, пока оно не прерывается либо говорящим, либо собеседником. Для обозначения сочетания реплик различными авторами употребляются термины: реплика-акция; реплика-реакция; управляющая реплика-зависимая реплика; стимул-реакция.

Основной единицей диалога считается диалогическое единство, рассматриваемое как две реплики, связанные тематически, интенционно и структурно. Реплика-стимул дает начало разговору, направляет развитие темы, способствует построению второй реплики, выражает эмоциональную оценку говорящего. Реагирующий коммуникант занимает более активную позицию, чем инициатор диалога, то есть он слушает, трактует, реагирует.

Следует отметить, что термин «диалогическое единство», введенный в лингвистику Шведовой Н. Ю., успешно применяется в настоящее время. Дискуссионным остается вопрос о количественном составе компонентов, входящих в диалогическое единство. В большинстве лингвистических работ диалогическое единство рассматривается как двучленное, состоящее из одной стимулирующей и одной реагирующей реплики. Они определяются как простые диалогические единства. Объем диалогического единства, однако, не всегда ограничивается двумя репликами, а реплика-реакция служит стимулом для дальнейшего реагирования, и коммуникация продолжается. А. М. Михайлов, рассматривая типологию диалогических единств, выделяет, кроме двучленных, трех-, четырех-, пяти-, шести-, семичастные диалогические единства [1, с. 216–220]. При этом указанный автор отмечает, что при большем количестве реплик в диалоге может быть более полно завершена коммуникация. В этом случае речь идет о сложных диалогических единствах. Характерно, что при большом интересе лингвистов к диалогической речи, наиболее полно изучены двучленные единства.

Мы также используем в нашей работе двучленные диалогические единства, в которых четко прослеживается содержательное единство, а также языковое выражение реплик.

При изучении диалогической речи не существует также однозначного мнения относительно определения принципов классификации диалогических единств. Из множества существующих классификаций Бабаян В. Н. и Круглова С. А. рассматривают активно употребляемые следующие: 1) классификация по видам модальности, 2) по характеру протекания диалога в целом, 3) по вкладу каждого участника диалога в развитие темы и установлению семантической связности в частях диалога, 4) по принципу конвенциональности диалога [2, с. 153–159]. Указанные авторы отмечают, что при всех типах диалогических единств во внимание

принимается степень участия каждого собеседника в диалоге. Несколько ранее на этот факт указывали Блох М. Я. и Поляков С. Я., которые выделяли по этому принципу три группы диалогических единств: 1) оба собеседника активно участвуют в развитии темы единств, 2) тема раскрывается лишь в речи одного коммуниканта, 3) квазидialog – полное несоответствие тематических планов коммуникантов [3, с. 40–41]. Анализ научной литературы показывает, что наиболее употребляемыми типами диалогических единств в лингвистических исследованиях являются следующие: 1) вторая реплика продолжает незаконченную первую; 2) реплики связаны одним предметом мысли и представляют собой высказывания по его поводу; 3) единства, в которых во второй реплике выражается согласие или несогласие с утверждениями, заключенными в первой.

Из двучленных диалогических единств наиболее часто употребляются вопросно-ответные единства. Направленность вопросительной реплики на получение ответа, а также характер ответной реплики обуславливают динамичность развития диалога.

Наше изучение двучленных вопросно-ответных диалогических единств (всего 150) из произведений немецкой художественной литературы показало, что между репликами единств существует смысловая связь: они связаны между собой предметом общения. Вместе с тем, материал показал, что в 26% случаев от всего материала имело место несоответствие ответной реплики иллюкутивной силе реплики-стимула. Причинами такого несоответствия являлись: межличностные отношения коммуникантов, время и тема общения, а также уклонение от прямого ответа, переход на другую тему. В целом, это отражает живую реальную ситуацию общения.

Языковые средства, употребляемые коммуникантами, направлены на усиление воздействия на собеседника. Речь говорящих имеет явно выраженную прагматическую направленность, она характеризуется краткостью высказываний, минимумом вербальных средств. Используются различные экспрессивно-оценочные лексемы, например: *groß* 'большой', *besonders* 'особенно', *kolossal* 'колоссально', *stark* 'сильно' и т.д. При этом способы выражения ответной реплики более разнообразны по сравнению с репликой-стимулом, что может быть связано с коммуникативной нагрузкой реплик-реакций. В этих репликах используются краткие слова-высказывания *ja* 'да', *nein* 'нет', *doch* 'как же' и т.д., а также интенсификаторы с различной степенью оценки: *natürlich* 'конечно', *super* 'супер', *eisern* 'железно' и т.д. В ответных репликах часто используются невербальные средства общения, что является дополнительным средством передачи информации.

Исследование показало, что структура и семантика высказываний в диалогических единствах предопределяются интенциями коммуникантов, их языковой и коммуникативной компетенцией, наличием общих знаний у обоих участников коммуникации.

Следует отметить, что важную роль при характеристике диалогической речи имеют просодические средства, так как для восприятия смысла высказывания важна взаимосвязь просодических средств с лексико-грамматическими. Это является особенно значимым для непринужденной диалогической речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Михайлов Л. М.* Немецкий язык. Грамматика устной и письменной речи. М. : Астрель : АСТ, 2003. 348 с.

2. *Бабаян В. Н., Круглова С. Л.* Основные классификации диалогов и диалогических высказываний-реплик // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 3. С. 155–159.

3. *Блох М. Я., Поляков С. М.* Строй диалогической речи. М. : Прометей, 1992. 155 с.

Лапицкая И.А., к. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

доцент кафедры второго иностранного языка (немецкий)

Скалабан А.И.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

выпускник

Lapitskaja I. A., Cand. of Sc. (Philology)

(Minsk, Belarus)

MSLU

Associate Professor of the Department
of the Second Foreign Language (German)

e-mail: reisenbul@yandex.by

Skalaban A. I.

(Minsk, Belarus)

MSLU,

graduate

e-mail: alex.skln@gmail.com

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШВАБСКОГО ДИАЛЕКТА

Рассматриваются фонетические, грамматические и лексические особенности швабского диалекта по сравнению с литературным немецким языком.

Ключевые слова: немецкая диалектология; швабский диалект; фонетические особенности; грамматические особенности; лексическое своеобразие; сравнительный анализ.

LINGUISTIC FEATURES OF THE SWABIAN DIALECT

The phonetic, grammatical and lexical features of the Swabian dialect in comparison with the literary German language are considered.

Key words: German dialectology; Swabian dialect; phonetic features; grammatical features; lexical specificity; comparative analysis.

Диалект представляет собой полноценную систему речевого общения и характеризуется своеобразием на всех языковых уровнях. Диалекты являются достоянием национальной культуры, они служат источниками культурно-речевой информации, своеобразной памятью народа.

Актуальность изучения диалектов обусловлена возросшим интересом в лингвистике к проблеме форм существования языков, их вариативности, а также необходимостью комплексного описания диалектов для установления характерных особенностей, присущих им на современном этапе развития. Территориальные варианты, являясь одной из форм

существования языка, становились нередко результатом длительного исторического процесса. Так, многовековая феодальная раздробленность Германии обусловила диалектное многообразие. Одним из наиболее вариативных немецких диалектов является швабский диалект, имеющий значительные расхождения с литературным стандартом.

Целью настоящего исследования является установление фонетических, грамматических и лексических особенностей швабского диалекта. Материалом для проведения исследования послужили 250 слов и высказываний, отобранных из онлайн-словаря швабского диалекта методом случайного выбора, а также аудиозаписи данных слов и высказываний. В ходе исследования были использованы как общенаучные методы (описание, сравнение, обобщение), так и лингвистические: сопоставительный метод, метод слухового анализа речи, элементы компонентного анализа.

Анализ материала в фонетическом аспекте позволил выявить 12 типов звуковых модификаций в составе швабских лексем по сравнению с литературными формами:

✓ в области вокализма (изменение ряда или подъема гласного, появление дополнительного гласного, выпадение гласного, монофтонгизация дифтонга, изменение дифтонга, дифтонгизация монофтонга);

✓ в сфере консонантизма (оглушение либо озвончение согласного, выпадение согласного, уподобление согласных, изменение способа образования согласного, появление дополнительного согласного). Было установлено, что самым распространенным вокалическим преобразованием является выпадение гласного (44,8 %): *besonderes – bsonders*, в сфере консонантизма самым частотным изменением является озвончение согласного (52,8 %): *Tannengrün – Dannagrea*.

В ходе исследования были выявлены следующие грамматические особенности швабского диалекта:

✓ изменение формы местоимений (неопределенно-личного местоимения *man*, отдельных личных местоимений). Так, личное местоимение *ich* имеет редуцированную форму *i* в швабском диалекте, форма *man* представлена как *mr*: *Wie man isst, so arbeitet man auch. Wie mr issd, so schaffd mr au*. В результате фонетической ассимиляции – уподобления артикуляции звуков (*gēn+wir* → *gēmər* → *gē(n) + mir*) – личное местоимение *wir* приобрело форму *mir*, используемую в верхненемецких диалектах, в том числе и в швабском диалекте [1];

✓ использование глагола *dāden* для образования сослагательного наклонения в отличие от употребления формы *würden* в литературном немецком языке: *Was würden wir bloß ohne uns machen, wo es ja schon mit uns so schwer ist! Was dādad mir au ohne os, wo's doch mit os scho schwer gnuag isch!* Данная швабская форма восходит, по-видимому, к глаголу *tet* (*tät*), древней форме прошедшего времени глагола *tuon* (совр. глагол *tun*),

которая использовалась в том числе и для образования оптатива (желательного наклонения) в древнегерманских языках [2];

✓ употребление суффикса прошедшего времени *-dr-* / *-d-* в составе слабых глаголов в отличие от суффикса *-t-* в составе эквивалентов литературного языка: *Eine Schraube, die eingehämmert wurde, hält viel besser als ein Nagel, der eingeschraubt wurde! A gnagelde Schraub hebdt emmr no bessr wie an geschraubdr Nagl!*

Лексическое своеобразие швабского диалекта проявляется:

✓ в несоответствии форм отдельных швабских лексем формам литературного немецкого языка: *gscheid – klug, Hafa – Topf*;

✓ в употреблении уменьшительно-ласкательного суффикса *-le-* (так называемого швабского диминутива): *Ländle, Mädle, Männle, Häusle, Sträßle*. Обращаясь к истории развития языка, следует отметить, что суффикс *-il-*, к которому восходит швабский суффикс *-le-*, фиксируется уже в древнегерманских языках в значении уменьшительного. Так, например, его можно встретить в составе готских имен собственных *Wulfila* (досл. ‘волчонок’), *Attila* (досл. ‘батюшка’). Кроме того, В. М. Жирмунский утверждает, что современный немецкий суффикс *-lein-*, восходящий к формам *-il-*, *-le-*, является более древним, чем суффикс *-chen-*, получивший распространение благодаря М. Лютеру [2];

✓ в значительном количестве бытовых лексем, являющихся наименованиями зданий, построек и их отдельных частей: *Fenschdr – das Fenster, Diar – die Tür*; предметов и приспособлений хозяйственного употребления: *Agschd – die Axt*; мебели и бытовой техники: *Baggofa – der Backofen*; одежды: *Huad – der Hut, Schurz – die Schürze*; растений: *Birnabaum – der Birnenbaum*; животных: *Hond – der Hund, Kälble – das Kalb*; продуктов питания и напитков: *Abfl – der Apfel*.

Проведенный диахронический анализ частотности фонетических, лексических и грамматических явлений в выборке выявил преобладание фонетических изменений. Это свидетельствует о значительных модификациях в произношении и звуковой системе швабского диалекта по сравнению с литературным немецким языком и является результатом употребления преимущественно устной формы швабского диалекта. Обращение к истории развития немецкого языка позволило установить, что швабский диалект сохранил многие архаичные формы (суффикс *-le-*, глагол *däden*), что указывает на то, что в целом немецкий язык фиксирует следы своего исторического прошлого в диалектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филличева Н. И. Диалектология современного немецкого языка : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высш. шк., 1983. 192 с.
2. Жирмунский В. М. История немецкого языка : учебник. Изд. 5-е, пересмотр. и испр. М. : Высш. шк., 1965. 408 с.

Овсейчик Ю.В., к. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

доцент кафедры лексикологии французского языка

Auseichyk Yu.V., Cand. of Sc. (Philology)

(Minsk, Belarus)

MSLU

Associate professor of the Department
of Lexicology of French

e-mail: ovsei77@rambler.ru

УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТЬ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ В СРЕДНЕФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются количественные показатели употребительности сочинительных союзов в среднефранцузском языке на материале Национального корпуса французского языка Frantext.

Ключевые слова: сочинительные союзы; корпусные данные; употребительность; среднефранцузский язык.

USAGE OF COORDINATING CONJUNCTIONS IN MIDDLE FRENCH

Quantitative indicators of the usage of coordinating conjunctions in the Middle French language are considered based on the material of the National Corpus of French Frantext.

Key words: coordinating conjunctions; corpus data; usage; Middle French.

Сочинительные союзы относятся к наиболее частотным словам в каждом языке и устанавливают связь между предметами, явлениями, действиями, состояниями на основании соединительных, разделительных, противительных и других отношений. Объектом настоящего исследования являются ядерные сочинительные союзы *et* 'и', *ou* 'или', *mais* 'но', *ni* 'ни', *donc* 'значит', *or* 'итак', *car* 'так как' во французском языке, которые представляют собой простые (одиночные) по строению и непроизводные по способу образования языковые единицы.

Целью данной работы является выявление изменений в употребительности характеристик ядерных сочинительных союзов среднефранцузского языка (1 327–1 548 гг.) по сравнению со старофранцузским (1 119–1 301). Под употребительностью подразумеваются количественные характеристики союзов (количество вхождений в подкорпусе и частотность на один миллион слов). В исследовании используется выборка, которая базируется на данных подкорпусов старо- и среднефранцузского языка Национального корпуса французского языка Frantext.

Установлено, что количество вхождений ядерных сочинительных союзов в подкорпусе среднефранцузского языка составляет 1,89 % от всех словоупотреблений исследовательского подкорпуса, или 212 749 из 11 244 215, (ср.: в подкорпусе старофранцузского языка количество вхождений ядерных сочинительных союзов составило 3,41 % от всех словоупотреблений исследовательского подкорпуса, или 96 376 из 2 829 657).

Наметившаяся в период среднефранцузского языка общая тенденция к уменьшению употребительности ядерных сочинительных союзов сформировалась за счет разнонаправленных процессов: сокращение или увеличение употребительности каждого отдельного союза с разной интенсивностью. Количественные показатели вхождения исследуемых сочинительных союзов в подкорпусах старо- и среднефранцузского языков, а также частотность данных единиц на один миллион слов в каждом подкорпусе представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Общее количество вхождения ядерных сочинительных союзов в подкорпусах старо- и среднефранцузского языка (ед., %)

Союзы	<i>et</i> 'и'	<i>ou</i> 'или'	<i>mais</i> 'но'	<i>ni</i> 'ни'	<i>donc</i> 'значит'	<i>car</i> 'так как'	<i>or</i> 'итак'	Всего
Подкорпус старофранцузского языка								
Из них, ед.	77 197	7448	5 109	51	408	4 054	2 109	96 376
Из них, %	80,1	7,7	5,3	0,05	0,5	4,2	2,2	100%
Подкорпус среднефранцузского языка								
Из них, ед.	100000*	58011	28163	274	1117	23509	1675	212 749
Из них, %	47,0	27,27	13,24	0,13	0,53	11,05	0,79	100%

* при подсчете максимальное количество вхождений в подкорпусах не превышает 100 000

Таблица 2

Частотность сочинительных союзов в старо- и среднефранцузском подкорпусе на один миллион словоупотреблений (ед.)

Союзы	<i>et</i> 'и'	<i>ou</i> 'или'	<i>mais</i> 'но'	<i>car</i> 'так как'	<i>or</i> 'итак'	<i>donc</i> 'значит'	<i>ni</i> 'ни'
Подкорпус старофранцузского языка							
Частота, ед.	27 281	2 632	1 836	1432	745	144	21
Подкорпус среднефранцузского языка							
Частота, ед.	10420	5159	2504	2090	151	102	26

Фиксируется сокращение употребительности в два раза сочинительных союзов *et* 'и' и *or* 'итак' в период среднефранцузского языка по сравнению с периодом старофранцузского языка. Для союза *et* 'и'

характерно существенное сокращение употребительности (с 80,1 % до 47 % от общего количества вхождений всех союзов в каждом подкорпусе). Сравнение частотности данного союза на сегменте в один миллион слов в подкорпусах демонстрирует почти трехкратное сокращение (27 281 vs. 10 420 соответственно). В то время как изменения одного из менее частотных союзов *or* ‘итак’ не столь существенны (с 2,2 % до 0,79 % от общего количества вхождений всех союзов в каждом подкорпусе).

Интенсивное увеличение употребительности в среднефранцузский период характерно для трех союзов *ou* ‘или’, *mais* ‘но’ и *car* ‘так как’. Так, количество вхождений *ou* ‘или’ в подкорпусе увеличивается с 7,7 % в старофранцузском языке до 27,27 % в среднефранцузском языке от общего количества вхождений всех союзов в каждом подкорпусе (или 7 448 и 58 011 вхождений в подкорпусах соответственно). Количественные изменения для союза *mais* ‘но’ и *car* ‘так как’ менее значительные – с 5,3% до 13,24% (или 5 109 и 28 163) и с 4,2 % до 11,05 % (или 4 054 и 23 509) соответственно. Сравнение абсолютной частотности данных союзов на сегменте в один миллион слов в подкорпусах старо- и среднефранцузского языков демонстрирует увеличение в два раза для союза *ou* ‘или’ и в 1,5 раза для союза *mais* ‘но’ и *car* ‘так как’.

Незначительное увеличение употребительности двух союзов *ni* ‘ни’ и *donc* ‘значит’ позволяет говорить о сохранении их количественных показателей. Ср.: с 0,05 % до 0,13 % и с 0,5 % до 0,53 % соответственно.

Для подтверждения репрезентативности подкорпуса проводится сопоставление корпусных данных и употребительности ядерных сочинительных союзов на материале сатирического романа французского писателя XVI в. Фр. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», литературного памятника эпохи Возрождения, когда происходил слом одной культурной парадигмы – средневековой, и возникновение другой – ренессансной. Анализ проводится на второй книге «Пантагрюэль», хронологически представляющей первую часть романа, общим объемом 12 112 словоупотреблений. Ядерные сочинительные союзы составляют 5,66 % от общего количества словоупотреблений в тексте романа. Количественные показатели употребительности сочинительных союзов в тексте романа представлены в табл. 3.

Таблица 3

Употребительность сочинительных союзов
в тексте Пантагрюэль

Союзы	<i>et</i> ‘и’	<i>mais</i> ‘но’	<i>ou</i> ‘или’	<i>ni</i> ‘ни’	<i>donc</i> ‘значит’	<i>car</i> ‘так как’	<i>or</i> ‘итак’	Всего
Из них, ед.	506	61	15	13	16	71	4	686
Из них, %	73,76	8,89	2,19	1,9	2,33	10,35	0,58	100%

Следует отметить, что имеющиеся расхождения между данными подкорпуса и количественными показателями употреблений каждого сочинительного союза в тексте Гаргантюа свидетельствуют об авторском стиле изложения писателя-философа. Характерной особенностью «Пантагрюэля» является обилие крайне подробных и в то же время комичных перечислений блюд трапез, книг, наук, законов, денежных сумм, животных, смешных имён воинов и т. п. Объёмные и скрупулёзные перечни порой образуют целые главы, что закономерно увеличивает количество употреблений союзов *et* 'и' и *ou* 'или'. В тексте Пантагрюэль сочинительному союзу *et* 'и' отводится ведущая связующая роль в 73,76% случаев, что превышает данные подкорпуса в полтора раза, где количество вхождений союза *et* 'и' составляет 47%. Аналогичная ситуация прослеживается с союзом *ou* 'или' (2,19% vs. 27,27%). Два следующие союза *donc* 'значит' и *mais* 'но' в тексте характеризуются большей употребительностью, чем в подкорпусе (2,33% vs. 0,53% и 8,89% vs. 13,24% соответственно). Вместе с тем показатели употребительности следующих трех союзов в тексте Гаргантюа коррелируют с данными подкорпуса и имеют статистически незначимые различия, в пределах 1%. Ср.: *or* 'итак' (0,58% vs. 0,79%), *car* 'так как' (10,35% vs. 11,05%), *ni* 'ни' (1,9% vs. 0,13%).

Таким образом, ведущая роль в установлении сочинительной связи принадлежит союзу *et* 'и', который, как показало исследование, сохраняет статус самого употребительного союза, существенно превосходя частотность других союзов в старо- и среднефранцузском языке.

Предполагаем, что изменения количественных характеристик (сокращение и увеличение употребительности сочинительных союзов) являются результатом дифференциации сочинительных отношений в данный период развития языка и как следствие расширения семантических и функциональных характеристик реляционных единиц, устанавливающих сочинительную связь, что требует верификации в последующем исследовании.

Паремская С.В.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

преподаватель кафедры

второго иностранного языка (немецкий)

Paremskaya S.W.

(Minsk, Belarus)

MSLU

Lecturer of the Department

of the Second Foreign Language (German)

e-mail: swetaparevskaia@yandex.ru

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОГА *AUS*

Анализируются основные диахронические изменения в семантике предлога *aus*; выявлен процесс расширения значения предлога.

Ключевые слова: предлог; семантика; пространственные отношения; диахронические изменения.

DIACHRONIC CHANGES OF THE GERMAN PREPOSITION *AUS*

The main diachronic changes in the semantics of the preposition *aus* are analyzed; revealed process of semantics extension of the preposition.

Key words: preposition; semantics; spatial relations; diachronic changes.

В работе представлены результаты анализа диахронических изменений немецкого предлога *aus*. Данное исследование проводилось с использованием сравнительно-исторического метода и метода анализа словарных дефиниций на основе лексикографических данных печатных и электронных толковых и этимологических словарей [1, 2, 3, 4, 5].

Современный немецкий предлог *aus* 'из, с, от' относится к группе старейших предлогов немецкого языка. Считается, что этот предлог был заимствован в диалекты древневерхненемецкого периода из готского языка. Однако анализ теоретической литературы показывает, что по поводу происхождения этого предлога не существует единого мнения. Так, с точки зрения буквенного состава современному немецкому предлогу *aus* могли бы соответствовать в готском языке слова *at* и *ut*, а в древневерхненемецком слова *az* и *ûz*. Однако, по мнению братьев Я. Гримм и В. Гримм, родство между современным предлогом *aus* и готскими словами *us* и *ut* вряд ли существует, так как ни в плане понятийного содержания, ни с точки зрения передвижения согласных соответствия между ними нет. Поэтому сопоставлять нововерхненемецкое *aus* и готское *us* было бы большой ошибкой. Тем не менее, в работах по истории языка наличие в древневерхненемецком периоде слова, которое

соответствовало бы современному предлогу *aus*, не отрицается. Немецкий исследователь Г. Пауль отмечает, что этот предлог появился в древневерхненемецком периоде позже других, а в готском языке он использовался как наречие [4, S. 113]. Хотя современная форма предлога *aus* была закреплена М. Лютером еще в средневерхненемецком периоде, некоторые писатели в XVI-XVII веках продолжали активно использовать старую форму *ausz* по аналогии со словами *hausz* и *mausz* вместо *haus* и *maus*.

Немецкий предлог *aus* отличается стабильностью синтаксической сочетаемости. Он употребляется с дательным падежом и относится к числу глаголов, падежное управление которых, начиная с древневерхненемецкого периода по настоящее время, не менялось. Данный предлог изначально имел пространственное значение и отвечал всегда на вопрос *woher?* ‘откуда?’. Вместе с тем, согласно лексикографическим данным, семантика этого предлога в ходе развития языка менялась. Так, в средневерхненемецком периоде она расширилась: к пространственному добавилось каузальное значение. Кроме этого, предлог стал использоваться при указании на происхождение/источник, на материал, а также начал употребляться в значениях ‘выше чем’, ‘больше чем’.

В ранневерхненемецком периоде предлог *aus* по-прежнему выражает пространственное значение, а именно, значение направления – пространственную и социальную локализацию. Сохраняя каузальную семантику, *aus* используется также и для обозначения условия или для указания на материал.

В нововверхненемецком периоде слово *aus* является уже многозначным предлогом. В основе его семантической структуры лежит пространственное значение, которое уточняется как дирекционал-источник. Он обозначает источник движения из какого-то пространства и характеризует локализуемый объект как исходную точку перемещения: *aus dem Glas trinken* ‘пить из стакана’.

В настоящее время согласно словарным данным [5], лексическое значение этого предлога включает несколько пространственных значений: 1) указание на направление движения изнутри наружу: *aus dem Haus gehen* ‘идти из дома’; 2) указание на пространственное и временное происхождение, место, из которого кто-то происходит или что-либо извлекается: *aus Hamburg kommen* ‘быть из Гамбурга’; 3) указание на изменение состояния: *aus tiefem Schlaf erwachen* ‘проснуться из/после глубокого сна’. Также предлог *aus* сохраняет каузальную семантику и используется при указании на причину/источник чего-либо: *aus Angst* ‘из/от страха’ или употребляется при обозначении материала, из которого что-то состоит: *eine Bank aus Holz* ‘скамейка из дерева’. В сочетании с глаголами, которые обозначают становление, данный предлог употребляется при указании на более раннюю стадию развития чего-либо: *aus den Raupen entwickeln sich Schmetterlinge* ‘бабочки развиваются из гусениц’.

В результате проведенного диахронического анализа семантики предлога *aus* на разных этапах развития немецкого языка было установлено, что, начиная со средневерхненемецкого периода, предлог является многозначным словом. При этом, основным значением остается его первообразное пространственное (дирекциональное) значение, включающее в себя несколько семантических компонентов. На более поздних этапах развития отмечается появление каузального (средневерхненемецкий период) и условного (ранневерхненемецкий период) значений. Современный этап развития немецкого языка свидетельствует о том, что предлог утратил условное значение, но по-прежнему сохранил каузальную семантику. В ходе развития языка появилось еще несколько дополнительных значений предлога. Для выявления причин выявленных колебаний в семантической структуре предлога *aus* представляется необходимым провести анализ его взаимодействия с другими предлогами немецкого языка, что станет предметом нашего дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Duden : Das Herkunftswörterbuch : in 12 Bd. Bd. 7 : Etymologie der deutschen Sprache / Hrsg. von der Dudenred. 7., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim : Dudenverl., 2006. 960 S.
2. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm // Woerterbuchnetz. URL: <https://woerterbuchnetz.de/?sigle=DWB#0> (accessed: 01.11.2023).
3. Mittelhochdeutsches Wörterbuch. URL: <http://www.mhdwb-online.de/wb.php?buchstabe=A&portion=0> (accessed: 12.06.2023).
4. Paul H. Deutsches Wörterbuch: Bedeutungsgeschichte und Aufbau unseres Wortschatzes / von H. Henne, H. Kämper, G. Objartel. 10., eubearb. u. erw. Aufl. Tübingen : Max Niemeyer Verl., 2002. 1243 S.
5. Duden : Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. den Mitarb. der Dudenred. unter der Leitung von G. Drosdowski. 2., völlig neu bearb. u. stark erw. Aufl. Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1989. 1816 S.

Петракова Ю. И., к. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

доцент кафедры теории и практики немецкого языка

Petrakova J. I., Cand. of Sc. (Philology)

(Minsk, Belarus)

MSLU

Associate professor of the

Department of Theory and Practice of German

e-mail: juliapetrakova0887@gmail.com

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЫБОРА ПРОИЗВОДЯЩИХ БАЗ ВО ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ

На материале немецкоязычных наименований орудий труда установлены границы производящих полей и проанализированы факторы отбора производящих единиц в словообразовании и семантической деривации.

Ключевые слова: номинация; словообразование; семантическая деривация; производящая единица; производящее поле.

PATTERNS OF CHOICE OF UNDERLYING BASES IN SECONDARY NAMING

On the basis of German terms of tools boundaries of active derivational areas were identified and factors of selection of underlying bases in word formation and semantic transfer were revealed.

Key words: naming process; word formation; semantic transfer; underlying base; derivational area.

При необходимости назвать какой-либо элемент опыта человек может не только создавать первообразные, непрямые имена, но и, опираясь на словарный состав языка, использовать его единицы для порождения мотивированных производных наименований. Эта когнитивная стратегия имеет ряд преимуществ, важнейшим из которых является возможность зафиксировать концептуальные связи, наиболее значимые для именуемого субъекта в момент номинации и конструируемые им между именуемой и уже поименованной сущностями [1, л. 59; 2].

Выбор производящей единицы сопряжен с действием факторов, способных ограничить использование тех или иных лексем в словообразовании и семантической деривации. Известно, например, что в словообразовательный процесс редко вовлекаются такие лексико-грамматические разряды существительных, как собирательные, абстрактные, собственные имена [3, с. 218–219]. Внутри лексико-

семантической группы (ЛСГ) также может наблюдаться неодинаковая востребованность единиц во вторичной номинации. Избирательное использование конstituентов в качестве производящих баз ведет к необходимости определить границы производящего поля для способов вторичной номинации и выявить факторы, влияющие на участие конstituентов ЛСГ в словообразовании и семантической деривации.

На материале наименований орудий труда в немецком языке было установлено, что единицы, используемые в словообразовании и /или семантической деривации, охватывают только часть данного лексического класса. Неодинаковое участие наименований во вторичной номинации позволяет выделить по крайней мере три группы единиц. Так, среди наименований орудий труда есть единицы, используемые обоими способами вторичной номинации в качестве производящих: *der Hobel* ‘рубанок’ (*der Hobelmeißel* ‘строгальный резец’, *der Hobel 2.* ‘овощерезка’); *das Messer* ‘нож’ (*die Messerscheide* ‘ножны’, *das Messer 2.* ‘скальпель’) и др. Второй разряд наименований орудий труда составляют единицы, востребованные только в словообразовании: *die Feile* ‘напильник’ > *das Feilenheft* ‘ручка напильника’; *die Sense* ‘коса’ > *das Sensenblatt* ‘косовище’; *die Sichel* ‘серп’ > *die Sicheldüne* ‘серповидная дюна’ и др. К третьей группе наименований орудий труда относятся единицы, не участвующие в процессах вторичной номинации: *der Durchschlag* ‘пробойник’, *der Hebel* ‘домкрат’, *der Schraubendreher* ‘отвертка’ и др. Таким образом, словообразовательный потенциал анализируемого класса наименований не реализуется полностью, хотя необходимо отметить, что производящее поле внутри исследуемой ЛСГ охватывает весьма значительную ее часть.

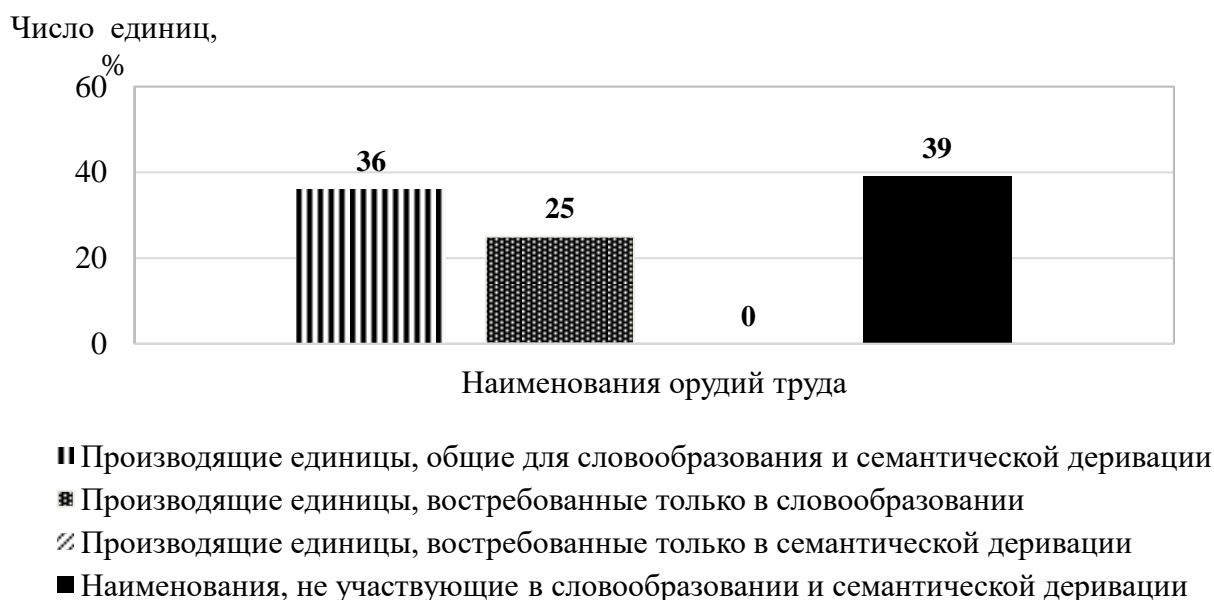

Рисунок 1. – Востребованность наименований орудий труда во вторичной номинации.

Количественный анализ номинативно активной части ЛСГ свидетельствует о том, что субстантивные производящие базы для словообразования и семантической деривации в большинстве случаев совпадают. Однако единицы, используемые только в словообразовании, формируют специфическую часть его производящего поля, в то время как семантическая деривация не имеет специфических производящих баз внутри исследуемой ЛСГ. Такое избирательное участие единиц в номинативных процессах обуславливает несовпадение их производящих полей: 61 % vs. 36 % от общего количества наименований для словообразования и семантической деривации соответственно.

Высокая активность исследуемых единиц в словообразовании объясняется, вероятно, эксплицитным характером данного способа номинации по сравнению с немаркированностью результатов семантической деривации. Можно предположить, что именуемый субъект склонен выбирать такую номинативную процедуру, продукт которой представляет собой явно мотивированный тип выражения. Кроме того, следует отметить значительную роль словосложения в системе субстантивного словообразования немецкого языка и ту легкость, с которой пользователь языка порождает новые сложные слова. Именно словосложение позволяет использовать в качестве производящих баз лексические единицы, которые уже являются продуктом вторичной номинации и, как правило, демонстрируют композиционную, а не деривационную активность [4, S. 99]: *der Bohrer* 'сверло, бур' > *der Diamantbohrer* 'алмазное сверло', *der Eisbohrer* 'ледобур'; *der Schraubendreher* 'отвертка' > *der Kreuzschlitzschraubendreher* 'крестовая отвертка' и др. Таким образом, производный характер потенциальных производящих баз оказывает очевидное влияние на возможность их участия во вторичной номинации. При этом выявленные ограничения не являются жесткими, что отражается в несовпадении производящих полей для ведущих способов номинации внутри одного и того же лексического класса имен существительных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лецева Л. М.* Лексическая полисемия в когнитивном аспекте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; 10.02.04. Минск, 1997. 232 л.
2. *Серебренников Б. А.* Номинация и проблема выбора // *Языковая номинация: общие вопросы* / А. А. Уфимцева [и др.] ; отв. ред.: Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М., 1977. С. 147–187.
3. *Кубрякова Е. С., Харитончик З. А.* О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа // *Принципы и методы семантических исследований* : сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания ; редкол.: В. Н. Ярцева (отв. ред.) [и др.]. М., 1976. С. 202–233.
4. *Barz I.* Nomination durch Wortbildung. Leipzig : VEB Verl. Enzykl., 1988. 233 S.

Тимофеева О.М., к. филол. н.

(г. Самара, Россия)

Самарский государственный технический университет
доцент кафедры «Педагогика, межкультурная коммуникация и
русский как иностранный»

Сидоренко А.С., к. филол. н.

(г. Самара, Россия)

Самарский государственный социально-педагогический университет
доцент кафедры английского языка и
методики преподавания иностранных языков

Timofeyeva O.M., Cand. of Sc. (Philology)

(Samara, Russia)

Samara State Technical University

Associate professor

e-mail: timo140909@gmail.com

Sidorenko A.S., Cand. of Sc. (Philology)

(Samara, Russia)

Samara State University of Social Sciences and Humanities

Associate professor

e-mail: sidorenko@sgspu.ru

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В работе представлены основные результаты сравнительного исследования функций знаков препинания в англоязычных художественных текстах, принадлежащих к различным хронологическим периодам.

Ключевые слова: динамика, система английской пунктуации, функциональная нагрузка знаков препинания, пунктуационное оформление художественного текста разных эпох.

DYNAMICS OF ENGLISH PUNCTUATION MARKS FUNCTIONS IN THE LITERARY TEXT

The paper presents the results of the comparative analysis of punctuation marks functions in the analyzed English literary texts belonging to different chronological periods.

Key words: dynamics, English punctuation system, functions of punctuation marks, punctuational layout of the literary text.

В исследованиях, посвященных теории и практике английской пунктуации, главным образом используется синхронический подход к описанию данного лингвистического явления. При этом анализ функций знаков препинания в хронологической динамике остается вне поле зрения ученых-лингвистов. Таким образом, актуальность настоящей работы определяется недостаточной изученностью данного вопроса; в исследовании предпринята попытка описать изменения в функциональной нагрузке пунктуационных знаков в диахронии на материале художественных текстов.

В теоретическом плане для данного исследования значимыми представляются труды таких отечественных лингвистов, как Л. В. Щербы, О. С. Ахмановой, О. В. Долговой, Л. Л. Барановой, Л. У. Арапиевой. Несомненной заслугой Л. В. Щербы стало выделение двух типов пунктуационных систем в европейских языках – французского и немецкого [1, с. 369]. При расстановке знаков препинания в первом типе учитывается декламационно-психологическое членение речи; во втором, немецком типе, доминирует синтаксический принцип. Данный тезис получил дальнейшее развитие в работах представителей лингвистической школы МГУ. Ученые-речеведы доказали, что английская пунктуация тяготеет в большей степени к французскому типу, поскольку основной принцип пунктуирования потока речи – семантико-стилистический [2, с. 156]. Иными словами, вследствие отсутствия строго регламентированных правил пунктуации, автор текста сам избирает такую постановку знаков препинания, которая наиболее полно отражает интонацию высказывания и, в целом, его замысел. Наконец, значимым теоретическим положением стало выделение двух отличающихся друг от друга в функциональном и просодическом плане подсистем английской пунктуации – вертикальная сегментация и горизонтальная стратификация [3, с. 13–14]. При этом, согласно современным исследованиям, именно вторая группа знаков препинания обладает наиболее выраженным стилистически потенциалом [4, с. 16].

Для практической части работы были отобраны три «хронологически удаленных» произведения англоязычной художественной прозы: «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера (1385–1389), «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта (1726) и «Земля воды» Г. Свифта (1983). Комплексный анализ просодико-пунктуационного оформления текстов с учетом горизонтального и вертикального контекста произведений позволил выявить определенную динамику.

Прежде всего, Дж. Чосер тяготеет к усиленному пунктуированию речи, причем наиболее полно в количественном плане представлена подсистема вертикальной сегментации. Среди основных тенденций

отметим использование достаточно длинных предложений, до нескольких строчек; результатом этого является чрезвычайно активное употребление точки с запятой для соединения частей сложного предложения без помощи союзов. Также, прослеживается закономерность к регулярному употреблению запятой перед словами *which*, *and*, *but* в функции соединительных союзов, что не типично для настоящего времени. Вместе с тем, восклицательный знак встречается у Дж. Чосера в единичных случаях, случаев употребления тире выявлено не было, а функциональная нагрузка двоеточия сводится к делению предложения на разные формы речи – прямую речь и слова автора. Среди знаков горизонтальной стратификации можно отметить использование двойных кавычек для введения «чужой речи», скобки для выделения менее важной, разъясняющей информации, одиночные кавычки для выделения цитаты внутри цитаты, а также единичные случаи употребления двойного тире для выделения более важной, ключевой информации. В целом, функциональная нагрузка знаков не выходит за рамки семантического уровня и соотносима с их современными функциями.

В произведении «Путешествия Гулливера» XVIII века также отмечается тенденция к «усиленной» пунктуации, однако функции знаков уже более упорядочены и разнообразны. Наиболее широко представлены знаки вертикальной сегментации; что касается горизонтальной стратификации, то чаще всего употребляются двойная запятая и скобки. Отметим, появление использования восклицательного знака и двойной запятой в экспрессивной функции. Кроме того, двойное тире и кавычки в анализируемом произведении практически не встречаются. Также, внимания заслуживают отдельные случаи применения авторской пунктуации – маркирование курсивом языка выдуманного автором народа для отражения отличного звучания отрезков речи.

В произведение Г. Свифта, относящегося к современному периоду, используется все разнообразие как знаков горизонтальной стратификации, так и вертикальной сегментации. Однако здесь можно наблюдать количественный «перевес» в сторону использования знаков горизонтальной стратификации по сравнению с текстами более раннего периода. Что касается вертикальной сегментации речи, то точка с запятой практически не используется; с другой стороны, отметим сравнительно частое употребление в тексте тире. Среди знаков горизонтальной стратификации наиболее широко представлены двойные знаки (кавычки, тире, одиночные запятые, скобки) и курсив в большом разнообразии функций. Названные знаки реализуют все функции семантического уровня. Вместе с тем, знаки препинания в романе используются автором и в метасемиотических целях с тем, чтобы определенным образом воздействовать на читателя. При

анализе современного произведения были обнаружены многочисленные случаи того, как знаки препинания наряду с палитрой других языковых средств участвуют в передаче атмосферы того места, где происходит действие романа, создании образов персонажей и в выражении основной идеи романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Щерба Л. В.* Пунктуация // Литературная энциклопедия. М., 1935. Т. 9. С. 366–370.
2. *Долгова О. В.* Семиотика неплавной речи. М. : Высш. шк., 1978. 264 с.
3. *Арапиева Л. У.* Теория и практика системы знаков препинания в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1985. 23 с.
4. *Адаева О. М.* Функционально-стилистическая обусловленность английской пунктуации // Самарский научный вестник. 2015. № 1. С. 13–16.

СИСТЕМНЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

УДК 811.112.2'42

Белютин Р. В., д. филол. н.

(г. Смоленск, Россия)

Смоленский государственный университет

зав. кафедрой немецкого языка

Belyutin R.V., Dr of Sc. (Philology)

(Smolensk, Russia)

Smolensk State University

Head of the Department of German

e-mail: ryubelyutins@mail.ru

ДИСКРИМИНИРУЮЩИЕ МЕТАФОРЫ В ДИСКУРСЕ СПОРТИВНЫХ ФАНАТОВ (на материале немецкого языка)

Статья посвящена выявлению и анализу дискриминирующих метафор в дискурсе немецких спортивных (футбольных) фанатов. Дискурс футбольных фанатов представляет собой сложную многомерную структуру, один из его уровней реализуется через концепты «противостояние», «вражда», «агрессия», «рессентимент» и др. Для этих концептов «зонтиковым» термином является «Дискриминация», которая, в свою очередь, в данной дискурсивной практике «захватывает» такие явления, как антисемитизм, антицыганизм, гомофобия, классицизм, сексизм, расизм и др.

Ключевые слова: дискурс; спортивный дискурс; дискурс футбольных фанатов; метафоры; дискриминация.

DISCRIMINATING METAPHORS IN SPORTS FANS' DISCOURSE

(Illustrated by the German Language)

The article reveals and analyses discriminating metaphors in German sports (football) fans' discourse. Football fans' discourse has a complicated multidimensional structure, one of its levels is represented by the concepts "opposition", "hostility", "aggression", "resentment" and others. The integrative term for these concepts is "discrimination" which embraces such phenomena as antisemitism, antigypsyism, homophobia, classism, sexism, racism and others.

Key words: discourse; sports discourse; football fans' discourse; metaphors; discrimination.

Как известно, спортивный дискурс складывается из целого ряда субдискурсов, которые обладают определенной спецификой и раскрывают свою самобытность через разные каналы и средства [см. 3; 1;4]. В дискурсе спортивных фанатов (далее – *футбольных* фанатов, поскольку футбол в Германии продолжает оставаться видом спорта номер один) базовой категорией, встроенной в картину мира представителей данной субкультуры, считается дихотомия «Свои – Чужие», ср.: «es lässt sich nicht abstreiten, dass er [Fußball] eben auch unverkennbar auf den unauflösbaren

Säulen “Wir” und “Die anderen” basiert” [5, с. 14]. Языковое воплощение данной категории также происходит с некоторыми особенностями, в зависимости от того, какие коммуникативные задачи стоят перед дискурсивными личностями.

К сожалению, достаточно часто в контекст дискуссий о футбольных фанатах приходится включать понятие «*дискриминация*». Конечно, отдельного рассмотрения заслуживает вопрос, произносятся ли фанатами дискриминирующие фразы на стадионе с прямой дискриминирующей интенцией или только лишь для того, чтобы с помощью данной лексики, которая в коллективном языковом сознании однозначно категоризируется как «удар ниже пояса», посылнее задеть тех, кого причисляют к кругу «чужих» - фанатов других клубов, игроков команды-противника, тренеров, спортивное руководство, судей и др. [см., напр. 6].

Как бы то ни было, проблема активного использования дискриминирующих высказываний на немецких стадионах существует, и в данной работе мы представим наиболее распространенные проекции, по которым разворачивается дискриминационная коммуникация с участием футбольных фанатов. Наше исследование показало, что высокой рекуррентностью в создании дискриминирующих контекстов обладает *метафора*, которая отражает не только специфику мышления определенной социальной группы, но так или иначе воспроизводит фрагменты опыта целой культурной общности. Таким рассуждениям, как мы полагаем, созвучны слова Т. С. Глушак, обратившей внимание на то, что подобного рода связи реализуются не только «в континууме конкретного дискурса», но и «в широком пространстве культуры, отражаемом всеми текстами по их вертикальному и горизонтальному измерениям» [2, с. 6]. Обратимся к примерам.

Анализ эмпирического материала позволил выделить следующие варианты дискриминирующих высказываний со стороны футбольных фанатов:

антисемитизм

„*Eine U-Bahn, eine U-Bahn bauen wir, von Jerusalem bis nach Auschwitz, eine U-Bahn bauen wir!*” (на многих стадионах Германии фанаты продолжают проводить аналогии с концлагерем Освенцим, букв.: «*Мы построим метро – от Иерусалима до Овенцима*»); фанаты приспособливают исходный вариант под свои коммуникативные нужды: вместо онима «Иерусалим» они каждый раз встраивают в эту фразу название города, с которым ассоциируется другая команда и ее болельщики);

гомофобия

“*Schiri, du schwule Sau*” (как, правило, зооморфный вариант оскорбления (Sau – свинья, свиноматка) фанаты выбирают применительно к арбитру матча, который, по их мнению, принимает неправильные решения и тем самым вредит их любимой команде; негативный оценочный эффект усиливается добавлением лексемы «*schwul*» (гомосексуальный);

классизм

„*Ihr seid Zecken, asoziale Zecken, ihr schlaft unter Brücken oder in der Bahnhofsmision*” (данная кричалка достаточно популярна среди фанатов разных клубов, которые используют ее в «борьбе» с непримиримыми соперниками; в качестве метафоры актуализируется лексема “die Zecke” (клещ, паразит), которая в сочетании с прилагательным “asozial” (асоциальный, социально неприемлемый, антиобщественный) создает нужный фанатам прагматический эффект;

сексизм

“*Frauen mit Kurven, aber Kurven ohne Frauen*” (в данном высказывании фанаты-мужчины профилируют распространенную в болельщицкой среде идею о том, что женщинам не место на стадионе, их основное предназначение – стоять у плиты, заниматься домашними делами и пр. Чтобы утверждение звучало не так резко, фанаты «выразились» метафорически, обыграв многозначность лексемы «die Kurve» (в первом случае – пышные формы у женщины, во втором – фанатский сектор, «вираж»).

расизм

“*Fürth-Coach Zorniger entlud sein Unverständnis über Rufe von der Tribüne, in denen Julian Green mindestens von einem Zuschauer als "Affe" titulierte wurde*” (в данном примере содержится указание на то, что во время одного из матчей жертвой расистских оскорблений (Affe – обезьяна) со стороны фанатов стал темнокожий футболист немецкого клуба «Гройтер» Дж. Грин.

Полученные результаты позволяют дополнить новыми данными представление о том, какими содержательными смыслами наполняются в картине мира футбольных фанатов категории «Свой – Чужой», какие лингвоэкологические аспекты коммуникации реализуются в данной дискурсивной практике, как работает метафора в качестве механизма категоризации, интерпретации и оценки отдельных фрагментов в границах данной субкультуры и на уровне национальной концептосферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белютин Р. В.* Прагмасемантические и лингвоментальные проекции немецкого спортивного дискурса: монография. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2019. 336 с.
2. *Глушак Т. С.* Конструкция перечисления в создании структуры художественного текста // Известия Смоленского государственного университета. 2008. № 4. С. 5–12.
3. *Мальшева Е. Г.* Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. Омск, 2011. 403 л.

4. *Burkhardt A., Schlobinski P.* 2009. Der zwölfte Mann. Fankommunikation im Fußballstadion // Flickflack, Foul und Tsukahara. Der Sport und seine Sprache. Bd. 10. Mannheim u.a., 2009. S. 175–193.

5. *Dembowski G., Gabler J.* Wir sind besser als die anderen // Zurück am Tatort Stadion. Diskriminierung und Antidiskriminierung in Fußball-Fankulturen / M. Endenmann, R. Claus, G. Dembowski, J. Gabler (Hgg.). Göttingen, 2015. S. 14–26.

6. *Schubert F.* Antisemitismus in Fußball-Fankulturen // Zurück am Tatort Stadion. Diskriminierung und Antidiskriminierung in Fußball-Fankulturen / M. Endenmann, R. Claus, G. Dembowski, J. Gabler (Hgg.). Göttingen, 2015. S. 90–101.

Белютина Ю.А., к. филол. н.

(г. Смоленск, Россия)

Смоленский государственный университет

доцент кафедры английского языка

Belyutins Yu.A., Cand. of Sc. (Philology)

(Smolensk, Russia)

Smolensk State University

Associate professor of Department of English

e-mail: ryubelyutins@mail.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ИДИОСТИЛЯ

(на материале англоязычных выступлений Барака Обамы)

Статья посвящена анализу реализации интертекстуальности в публичных выступлениях американского президента Б. Обамы. Выделены основные элементы интертекстуального поля: цитата, аппликация, аллюзия, пересказ, реминисценция, прецедентные феномены.

Ключевые слова: интертекстуальность; цитата; аппликация; аллюзия; пересказ; реминисценция; прецедентные феномены.

INTERTEXTUALITY AS A FEATURE OF INDIVIDUAL STYLE

(illustrated by B. Obama's public speeches)

The article deals with analysis of how intertextuality is introduced in public speeches of American president B. Obama. The paper specifies the main elements of intertextual field: quotation, application, allusion, retelling, reminiscence, precedent phenomena.

Key words: intertextuality; quotation; application; allusion; retelling, reminiscence, precedent phenomena.

Современная коммуникация характеризуется взаимосвязанностью и взаимосоединяемостью речевых событий с иными текстами и ситуациями. Практически любой акт коммуникации наполнен отсылками, аллюзиями, толкованиями и прямыми цитатами предшествующих диалогов и текстов, то есть может ассоциироваться с другими контекстами [1, р. 42]. С этим утверждением солидарен и отечественный лингвист Б. Гаспаров, указывавший на то, что все когнитивные операции в языке «интертекстуальны по своей сути» [2, р. 4]. Как следует из работы Т. С. Глушак, посвященной изучению структуры художественного текста, межтекстовые связи реализуются не только «в континууме конкретного дискурса», но и «в широком пространстве культуры, отражаемом всеми

текстами по их вертикальному и горизонтальному измерениям» [3]. Введя в научный оборот в 1967 году термин «интертекстуальность», болгарская исследовательница Ю. Кристева представляла ее как «транссемиотический универсум», историко-культурную парадигму, впитывающую в себя смысловые и культурные коды в диахроническом и синхроническом аспекте, безгранично бесконечный текст [4, p. 456]. Лингвистический анализ явления интертекстуальности предполагает классифицирование, дифференцирование отношений, в которые один текст вступает с другим. Например, И. В. Арнольд определяла интертекстуальность через разнообразные включения в виде форм чужой речи, аллюзий, цитат, реминисценций и т.п. (Арнольд 2016: 71-81). Перспективно и изучение интертекстуальности как категории лингвистики текста.

С целью анализа интертекстуальных включений в текст официальных выступлений мы выбрали 20 наиболее заметных сообщений Барака Обамы в период пребывания его на президентском посту с 2008 по 2016 годы. Выступления президента носят публичный характер, варьирует их тематика и целевая аудитория. В статье рассматриваются различные типы интертекстуальных включений, которые обладают разной степенью интертекстуальной выраженности.

Цитата составляет ядро интертекстуального поля по степени ее связи с источником. Цитата – это дословное воспроизведение фрагмента текста-донора объемом от одного слова до целого комплекса предложений. «*I make this statement mindful of what Martin Luther King Jr. said in this same ceremony years ago: "Violence never brings permanent peace. It solves no social problem. It merely creates new and more complicated ones."*» ‘Я произношу эту речь, помня о том, что сказал М.Л. Кинг Мл. на подобной церемонии много лет назад: «Жестокость никогда не приносит долгого мира. Она не решает социальных проблем. А просто создает новые и более сложные»’.

Следующее по степени связанности с текстом-источником средство интертекстуальности – **аппликация**. Аппликация тоже является немодифицированным интертекстуальным включением, которым присуща распространенная структура, чаще всего характеризующаяся предикацией. «*God bless you. **God bless the United States***». ‘Благослови вас Господь. Боже, благослови Америку’ (слова американской патриотической песни).

Текстовая **аллюзия** представляет собой намек на предтекст, содержащий его небольшой (от одного до нескольких слов) модифицированный сегмент. Аллюзия характеризуется трансформацией исходной грамматической структуры, изменением лексического содержания оригинального фрагмента, ей не свойственна предикативность: «*And right now, I know there are many Americans who*

aren't sure if they still believe we can change...». 'И прямо сейчас я знаю, есть много американцев, которые не уверены, верят ли они, что мы можем изменить страну'. Лозунг президентской кампании Б. Обамы – «Change we can believe in» – 'Изменение, в которое мы можем поверить'.

Пересказ как интертекстуальное включение также подвергается семантической трансформации, редукции, переработке предтекста со стороны его лексической и синтаксической структуры. «*When I was in Chicago, as I was campaigning, they'd look at my last name and they'd say, "Oh, there's an O'Bama from the homeland running on the South Side, so he must be Irish – but I've never heard the Gaelic name, Barack"»*. 'Когда я был в Чикаго во время кампании, на мою фамилию смотрели и говорили: "Это О'Бама с родины на южном берегу, должно быть, он ирландец. Но я никогда не слышал гэльского имени Барак".'

Реминисценцию можно считать особой формой проявления интертекстуальности, которая, содержит напоминание о художественном образе, произведении, узнаваемом событии или персоналии и апеллирует к ассоциациям, связанным с ними, у воспринимающей аудитории. «*Now, make no mistake, our nation is still threatened by terrorists. From Benghazi to Boston, we have been tragically reminded of that truth»*. 'Будьте уверены, нашей стране все еще угрожают террористы. От Бенгази до Бостона нам напоминают об этой истине'. (В 2012 году было осуществлено нападение на дипломатические миссии США в Бенгази, в 2013 году – теракт во время бостонского марафона).

Прецедентные феномены, проанализированные в настоящем исследовании, располагаются на национально- и даже универсально-прецедентном уровнях, в связи с чем их можно фиксировать как явления интертекстуальности. Среди них перечислим *тексты* документов (The Constitution, The Declaration of Independence), священных писаний (The Bible, Quran), национальных и национально-патриотических песен (The Star Spangled Banner, God of Our Fathers, God Bless America), молитв (Our Father). Прецедентные *имена* представлены упоминанием лиц, сыгравших определенную роль в становлении государства: Founding Fathers, J. Adams, S. Adams, A. Lincoln, G. Washington, Th. Roosevelt, G.W. Bush, M.L. King, Angela Davis. Начало 21 века ознаменовалось некоторыми событиями, можно зафиксировать в интертекстуальном поле как прецедентные *ситуации* (9/11, war in Afghanistan).

В ходе сплошной выборки было выделено 103 предьявления интертекстуальных включений различных типов, которые встретились в 100 % текстов проанализированных выступлений. Согласно исследованию, наиболее популярным средством интертекстуальности стала аллюзия (30 %), за которой следуют прецедентные феномены (25 %). Примерно

одинаково распределилось соотношение примеров, приходящихся на аппликацию и цитату – 18 и 17 % соответственно. На пересказ приходится 7 %, наименее популярна реминисценция (3 %).

Проведенное исследование подтверждает тезис о том, что интертекстуальность можно считать проявлением индивидуального авторского стиля и эффективным средством ораторов в публичных выступлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hodges A.* Intertextuality in discourse // *The handbook of discourse analysis* / Deborah Tannen, Heidi E. Hamilton, Deborah Schiffrin. London, 2015. Vol. 2. P. 42–60.

2. *Gasparov B.* Speech, memory and meaning: intertextuality in everyday language. Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2010. 313 p.

3. *Глушаков Т. С.* Конструкция перечисления в создании структуры художественного текста // *Известия Смоленского государственного университета.* 2008. № 4. С. 5–12.

4. *Kristeva J.* Bachtine, le mot, le dialogue et le roman // *Critique.* Paris, 1967. Т. 23, № 239. P. 438–465.

5. *Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык. М. : ФЛИНТА, 2016. 384 с.

Богданова Н.А., к. филол. н.
(г. Минск, Беларусь)
МГЛУ
доцент кафедры фонетики
и грамматики немецкого языка

Bahdanava N.A., Cand. of Sc. (Philology)
(Minsk, Belarus)
MSLU

Associate Professor of Department of Phonetics and Grammar of German
e-mail: albertowna@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ САТМА 6 ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

В тезисах освещается вопрос программных инструментов для аннотирования текстов и текстовых корпусов, описываются возможности САТМА 6 как браузерного инструмента для ручного тегирования текстов, алгоритм работы и возможности визуализации результатов исследования. Приводится пример анализа текста короткого рассказа. Г. Воман.

Ключевые слова: аннотирование; тег; тегсет; повествовательный регистр; описательный регистр.

POSSIBILITIES OF CATMA 6 FOR FICTION TEXT RESEARCH

The thesis deals with the issue of software tools for the annotation of texts and text corpora, describing the capabilities of CATMA 6 as a browser-based tool for manual text tagging, the algorithm of operation and the possibilities of visualization. An example of textual research on a short story of G. Woman is given.

Key words: annotation; tagging; tagset; narrative case; descriptive case.

Современные технологии, все глубже проникающее в гуманитарные науки, способствовали появлению такого направления как цифровое литературоведение. Особенностью этого направления является видение текста как набора структурированных данных, нелинейное прочтение текста, то есть построение на основе текста определенной модели с последующим анализом и интерпретацией данных. Литературоведение также является одним из направлений, где активно проводятся корпусные исследования на базе как аннотированных (размеченных), так и неаннотированных текстовых корпусов (Ю. С. Холод, Е. В. Парышева, Е. В. Шарапова, А. И. Горожанов).

Аннотирование текстовой информации является одним из наиболее фундаментальных направлений деятельности в лингвистике, вычислительной лингвистике и смежных областях: литературоведении, библиотековедении, цифровых гуманитарных науках. Аннотации – это вторичные данные, добавленные к первичным, текстовым. Являясь частью метаданных, они также включают общую информацию о первичных данных (автор/создатель, модальность, дата создания текста и т. д.). Лингвистические аннотации охватывают любые описательные или аналитические обозначения, применяемые к исходным языковым данным.

Существуют различные типы лингвистической разметки: морфологическая, синтаксическая, семантическая, анафорическая, просодическая и др. Большинство доступных и широко используемых текстовых корпусов имеет морфологическую или синтаксическую разметку. Одним из самых сложных видов разметки является семантическая. В настоящее время работа по аннотированию, как правило, ведется в веб-среде, т. е. в браузере, с использованием одного из веб-инструментов аннотирования (Brat, WebAnno, INCEpTION, CATMA). Текстовые данные, аннотируемые таким образом, могут быть веб-данными, которые, как правило, «неживые», поскольку привязка аннотаций к «живым» веб-документам, которые в любую минуту могут измениться, как незначительно, так и существенно, является технически сложной задачей.

Программный инструмент CATMA (6 версия), созданный в Техническом Университете г. Дармштат – средство цифрового исследования художественных произведений, позволяющее работать с текстами в браузере и создавать проекты для индивидуальных исследований и для групповой удаленной работы. Инструмент имеет четыре базовые вкладки: Проект, Теги, Аннотирование и Анализ. После регистрации, создания проекта и добавления метаданных проекта в рабочее окно загружается текст в форматах .txt, rtf, pdf. Далее создается система лингвистических помет – тегов (тегсет). CATMA позволяет создавать разноуровневую систему тегов путем добавления субтегов к основным тегам в неограниченном количестве и задавать цвета для каждого тега. Во вкладке “Аннотирование” происходит работа по разметке текста. Загруженный текст разбивается системой по умолчанию на несколько страниц, пользователь выделяет отрезки текста и выбирает тег для их аннотации. После завершения аннотирования фрагмент текста маркируется соответствующим цветом. Область аннотирования для работы с тегсетом конкретного проекта позволяет подключать и отключать тегсеты, добавлять, редактировать или удалять теги и субтеги, выполнять двойное аннотирование, аннотирование прерывных текстовых фрагментов.

Вкладка “Анализ” позволяет получать статистическую информацию об аннотированных и неаннотированных данных исследуемого текста: создавать алфавитно-частотный словарь токенов и тегов текста, осуществлять поиск токенов по задаваемым параметрам: по степени сходства токена, частотности, по шаблону слова или фразы, также показывает частотный список аннотированных фрагментов и осуществляет сортировку по тегам и их частотности. Поисковый запрос доступен также по тегам: по их частоте и наполняемости.

В разделе “Визуализация” возможно наглядно представить результаты поискового запроса: проанализировать ключевое слово в контексте (KWIC), визуализировать встречаемость одного или нескольких выбранных фрагментов в тексте с шагом в 10% (DISTRIBUTION), создать облако слов или тегов по выбранным параметрам (WORDCLOUD), проанализировать частотность встречаемости левого и правого окружения фокус-слова (DOUBLETREE). Создаваемые визуализации интерактивны, т.е. они могут быть изменены по заданным параметрам, а также позволяют возвращаться в аннотированный документ из любой точки визуализации.

С целью выявления предпочтений автора в нарративном развертывании сюжета рассказа, а именно – в соотношении репродуктивной и информативной части повествования, текст рассказа Г. Воман «Mein Freund, das neue Jahr» был обработан инструментами САТМА 6. На основе коммуникативных регистров Г. А. Золотовой был создан тегсет из четырех тегов, отражающих способ передачи информации в тексте: репродуктивный и информативный регистры, а также их описательные и повествовательные подрегистры. Текстовые фрагменты, представляющие собой иные коммуникативные регистры, в работе не аннотировались и не рассматривались.

Пример аннотированного фрагмента текста в рабочем окне САТМА 6 представлен на рисунке 1.

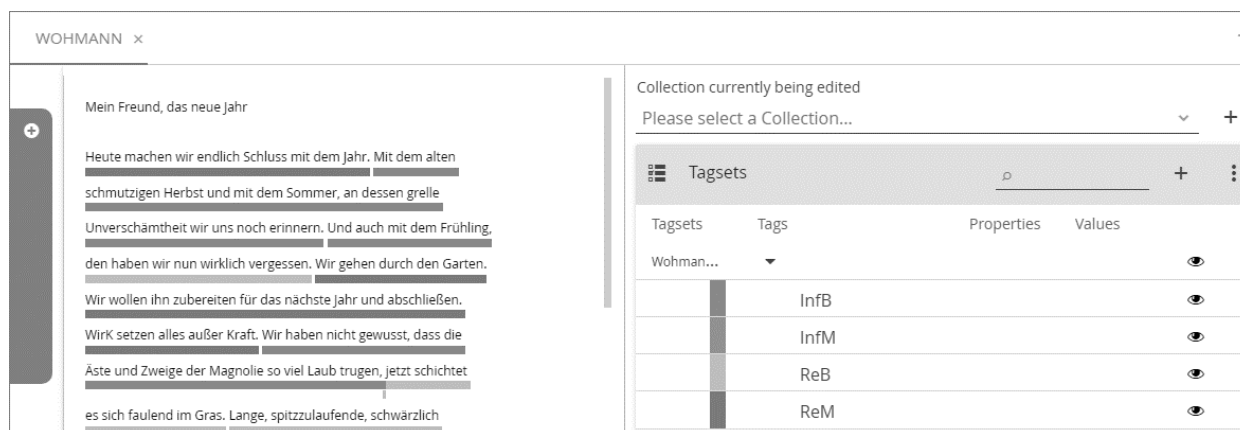

Рис. 1. Фрагмент аннотированного текста Г.Воман.

Всего было аннотировано 57 текстовых фрагментов, из которых 34 относятся к репродуктивному регистру 23 – к информативному. При этом интересен факт распределения подрегистров в данных регистрах: в репродуктивном регистре большая часть фрагментов относится к повествовательному подрегистру, а меньшая – к описательному (22 и 12 соответственно), а в информативном подрегистре, наоборот – большая часть фрагментов представляет собой описательный подрегистр (22 и 1 соответственно). Для нарративного развертывания данного текста характерно непосредственно наблюдаемое описание действий главного, второстепенного и прочего субъектов с одновременным, но несколько меньшим вниманием к непосредственно наблюдаемым описаниям главного, второстепенного, прочего субъектов, объектов, места, времени. При этом автор уделяет достаточно много внимания дополнительным описаниям главного, второстепенного, прочего субъектов, объектов, места, времени, непосредственно не участвующих в сюжетодвижении.

Губанова К.А.
(г. Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
студент II курса магистратуры факультета немецкого языка,
специалист по учебно-методической работе лаборатории
фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования

Gubanova K.A.
(Moscow, Russia)

Moscow state linguistic university
2nd year student (Master's program) Faculty of German
education and methodology specialist
Laboratory for fundamental and applied issues of virtual education
e-mail: kristinagubanova@inbox.ru

ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ОБРАЗ КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ «ТИФЛО-ЭКСКУРСИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Целью исследования является изучение возможности использования тифлокомментирования в качестве арт-посредника. В ходе анализа аудиофайлов определяются языковые составляющие тифло-экскурсий и когнитивные особенности их восприятия.

Ключевые слова: тифлокомментирование (аудиодескрипция); культурный трансфер; доступная среда; арт-медиация; синестезия.

PERCEPTUAL IMAGE OF THE COMMUNICATIVE EVENT «AUDIO EXCURSION» (BASED ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

The aim of the paper is to study the possibility of using audio description as art mediator. Analysis of audio files deduces the linguistic components of audio excursion and the cognitive features of their perception.

Key words: audio description; cultural transfer; accessible environment; art mediation; synesthesia.

Важной тенденцией развития сферы культуры является создание динамичного пространства посредством инновационных услуг и технологий, которые смогут обеспечить полноценное включение самых разных категорий посетителей в экскурсионный процесс. Как в России [1; 2; 3], так и за рубежом [5; 7] для адаптации экскурсий часто применяется техника тифлокомментирования (в европейской традиции техника аудиодескрипции).

В настоящем исследовании под *тифлокомментированием* понимается звуковое описание визуальной информации, непонятной без дополнительного словесного комментария [4, с. 1]. Стоит отметить, что для незрячих (слабовидящих) людей слуховой канал, по которому

происходит восприятие тифлокомментирования (аудиодескрипции), играет значительную роль в познании мира, так как с помощью акустических параметров незрячий (слабовидящий) может определять отличительные характеристики предмета. В связи с этим наиболее востребованным тифлокомментирование является среди незрячих (слабовидящих), однако на современном этапе активно используется и среди лиц без ограниченных возможностей по зрению.

Представленное исследование посвящено потенциалу тифлокомментирования в осуществлении безбарьерной коммуникации и культурного трансфера. Мы предполагаем, что тифло-экскурсии могут оптимизировать процесс погружения в культуру не только для незрячих (слабовидящих), но и для зрячих реципиентов.

Цель настоящего исследования заключается в изучении содержательных и прагматических особенностей тифлокомментариев. В соответствии с заявленной целью поставлены следующие задачи:

1. описать подход к тифло-экскурсии, его функции и структурные составляющие;
2. рассмотреть взаимосвязь тифлокомментирования с техникой арт-медиации;
3. провести анализ влияния полученных результатов на восприятие.

В качестве основных методов исследования были выбраны описательный метод, фрейм-анализ и метод субъективного шкалирования. Теоретическим материалом послужили труды в области теории тифлокомментирования (аудиодескрипции), а практический материал представлен аудиофайлами четырех экскурсионных туров из приложения «Potsdam City Guide».

Исследование состоит из трёх соотносимых между собой этапов:

1. Фреймовый анализ;
2. Содержательный анализ;
3. Субъективное шкалирование.

На первом этапе языковой анализируемый материал был представлен в виде когнитивно-пропозициональной структуры (Рис. 1). Пропозициональное выстраивание фрейма позволило исследовать особенности выбора параметров и градацию их наполнения в определенном коммуникативном событии, что способствовало выявлению языковых средств, наиболее корректно репрезентирующих смысл.

Рис. 1. Когнитивно-пропозициональная структура события «тифло-экскурсия»

В ходе фрейм-анализа были выявлены обязательные терминалы события «креативное тифлокомментирование (аудиодескрипция)»: место; аксессуары и подробности события; оценка и эмоции.

Содержательное наполнение терминалов позволило проследить взаимосвязь между тифлокомментированием и арт-медиацией, так как при «культурном посредничестве», основанном на тифлокомментировании, происходит реализация общих функций:

- фатической (поддержание ощущения непрерывного контакта во время коммуникации). Например, *schaut ihr* ‘взгляните’, *stellt euch vor* ‘представьте себе’.

- компенсаторно-эстетической (компенсация эстетического наслаждения от созерцания образа посредством корректного использования воспринимаемых на слух вербальных и невербальных кодов. Например, *gewagt* ‘вызывающе’, *die aus Beton gefundenen roten Dächer wie sich öffnende Rosenknospe* ‘красные бетонные крыши схожие лепесткам раскрывающего бутона розы’ [8].

Таким образом, неотъемлемым аспектом коммуникативного события являются целенаправленность и мотивационная обусловленность, напрямую зависящие от экстралингвистических факторов, в котором коммуникация осуществляется, тип коммуникации. Это подтвердило необходимость фреймового представления события.

Для градации терминалов по степени важности в процессе восприятия аудиотекстов на третьем этапе нами был составлен опросник по методу субъективного шкалирования (Рис. 2). Задача испытуемых заключалась в выражении своего отношения с помощью количественных показателей десятизначной градуальной шкалы. Показатель 0 на данной шкале свидетельствует о нейтральном отношении. Шкала положительного отношения включает показатели от +1 до +5, шкала отрицательного отношения характеризуется диапазоном от -1 до -5. Полученные статистические данные были внесены в файл Excel. В опросе приняли участие 30 изучающих немецкий язык и обучающихся по профилю «Тифлокомментирование и межкультурная коммуникация» студентов.

Место										
-5	-4	-3	-2	-1	0	1	2	3	4	5
Аксессуары и подробности										
-5	-4	-3	-2	-1	0	1	2	3	4	5
Оценка и эмоции										
-5	-4	-3	-2	-1	0	1	2	3	4	5

Рис. 2. Пример опросника по методу субъективного шкалирования

Стоит отметить, что оценку 5 чаще всего давали именно терминалу «оценка и эмоции». Результаты субъективного шкалирования показали важность эмоциональной составляющей тифлокомментирования для степени вовлечённости в процесс получения информации. Это обусловлено тем, что уровни фреймовой модели могут актуализироваться как эксплицитно (с помощью языковых средств внутри самого фрейма), так и имплицитно (с помощью компонентов смысловой структуры соответствующего коммуникативного события).

Проведённое исследование даёт основание предполагать, что креативное тифлокомментирование может использоваться в качестве эффективного способа погружения в культуру и дополнительного источника активации когнитивных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борщевский И. С.* Аудиодескрипция (тифлокомментирование) как вид перевода // *Филология и лингвистика*. 2018. Вып. 3 (09). С. 45–52.
2. *Ваньшин С. Н., Ваньшина О. П.* Тифлокомментирование, или словесное описание для слепых : инструктив.-метод. пособие. М. : Логосвос, 2011. 62 с.
3. *Козуляев А. В.* Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу: английский язык : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2019. – 234 л.
4. *Benecke B.* Audiodeskription als partielle Translation. Modell und Methode. Berlin : LIT-Verlag, 2014. 197 p.
5. *Fix U.* Hörfilm. Bildkompensation durch Sprache // *Philologische Studien und Quellen*. 2005. Vol. 189. P. 7–11.
6. *Jerzakowska B.* Audiodeskrypcja malarstwa – wyznaczniki gatunku i ich realizacje tekstowe. Poland, 2018. 453 p.
7. *Pujol J.* Audio description or Audio narration? That is the Question // *Euroconferences MuTra: 2007, April 30*. URL: http://www.euroconferences.info/2007_abstracts.php (accessed: 19.11.2022).
8. *Snyder J.* The Visual Made Verbal: A Comprehensive Training Manual and Guide to the History and Application of Audio Description. Arlington : American Council of the Blind, 2014. 160 p.

Задворная Е.Г., д. филол. н.
(г. Минск, Беларусь)
МГЛУ

профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Zadvornaya E.G., Dr of Sc. (Philology)
(Minsk, Belarus)
MSLU

Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics
e-mail: egz0201@gmail.com

АКТУАЛИЗАЦИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ/НЕРЕЛЕВАНТНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАТИВНОЙ АДАПТАЦИИ

В работе рассматривается феномен коммуникативной адаптации в контекстах актуализации такого параметра информации, как ее релевантность/нерелевантность. Выделяются три варианта коммуникативной адаптации, используемые в жанре научной дискуссии.

Ключевые слова: коммуникативная адаптация; информация; релевантность; научная дискуссия.

ACTUALIZATION OF INFORMATION RELEVANCE/IRRELEVANCE WITHIN COMMUNICATION ADAPTATION

The paper deals the phenomenon of communicative adaptation in terms of actualization of such information parameters as its relevance/irrelevance. Three variants of communicative adaptation used in the genre of scientific discussion are identified.

Key words: communicative adaptation; information; relevance; scientific discussion.

Как известно, информация, циркулирующая в коммуникативном пространстве, может оцениваться в рамках самых разнообразных параметров – новизны, смысловой нетривиальности, плотности, достоверности и др., причем одним из ведущих критериев, определяющих ценность информации, является, безусловно, ее релевантность. Отвлекаясь от проблемы впечатляющего многообразия трактовок этого феномена (отметим, что в современной лингвистике релевантность может интерпретироваться и как свойство информации, и как соблюдение собеседниками заданной темы, и как содержательная и социальная уместность речевого действия, и как основание для порождения контекстуальных эффектов и мн. др.), сосредоточимся на понимании релевантности как важности, существенности информации для участников коммуникативного взаимодействия.

При анализе данного аспекта информации необходимо учитывать, что ее однозначная интерпретация как релевантной/нерелевантной может существенно затрудняться в силу рассогласованности соответствующих

оценок в возможных мирах разных коммуникантов, ср. варианты типа «для тебя это важно – для меня неважно», «для тебя это неважно – для меня важно»:

Довлатов, волнуясь, сказал:

– Я должен вас поблагодарить, Иосиф.

– За что?

– Для вас это не важно, но важно для меня [Владимир Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами (1975-1998)] (ruscopora.ru).

Возможны и более сложные случаи, когда собеседники не только по-разному оценивают информацию, но и не согласны при этом с соответствующей оценкой партнера:

– Это важно для меня.

– Это важно для вас... – повторил я, продолжая продвигаться к лестнице. – Если это важно только для вас, то для меня это не важно совсем.

Он тащился за мной, как привязанный, как-то странно ставя ноги – одну носком наружу, другую – носком внутрь.

– Для вас тоже важно, – сказал он. [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Дело об убийстве, или Отель «У погибшего альпиниста» (1970)] (ruscopora.ru).

Факты рассогласований такого типа придают особую актуальность вопросу о том, как коммуниканты учитывают данную разновидность потенциальных затруднений и минимизируют их вероятные негативные последствия.

Весьма перспективным и полезным для интерпретации речевого поведения участников коммуникативных ситуаций обсуждаемого типа представляется использование понятия коммуникативной адаптации, предложенного Г. Джайлсом и детально разработанного в работах М. С. Соколовой, где адаптация к собеседнику интерпретируется как «процесс коммуникативного приспособления, актуализируемый на основании контекстуальных условий общения, статусно-ролевых и ситуативно-коммуникативных позиций его участников и проявляющийся в вариативности поведения личности с целью достижения коммуникативной цели» [1].

Будучи сложным и многоаспектным феноменом, коммуникативная адаптация предполагает в том числе и ранжирование информации по шкале релевантности/нерелевантности, осуществляемое с учетом потребностей и интересов адресата. При этом очевидным образом коммуникативная адаптация данного вида варьируется в зависимости от типа и уровня коммуникации. В настоящей работе мы вкратце рассмотрим специфику адаптационного представления релевантности/нерелевантности информации в научном диалоге, обратившись к стенограммам устных научных дискуссий (всего было проанализировано около 50 научных дискуссий по юриспруденции, лингвистике, философии, социологии и др.,

размещенных в сети Интернет). Как показывает анализ данного жанра научного диалога, коммуникативная адаптация обсуждаемого типа реализуется в нем в трех основных вариантах.

1. Опущение информации, которую говорящий расценивает как нерелевантную (малорелевантную) для данной аудитории:

а) в силу несущественности информации для аудитории:

*Мне кажется, что не стоит здесь вдаваться в технические подробности, есть методика, корпусная лингвистика, собственно, и есть наука об этом. **Обсуждение этих деталей не очень будет интересно аудитории**, я думаю;*

б) в силу ее очевидности для аудитории:

*Но посмотрите, сейчас внесен закон по 66 статьям, убирают нижний предел санкций, и к этим статьям относятся: грабеж, разбой, сопряженный с насилием и хулиганством. К чему это приведет, **не в этой высококвалифицированной аудитории говорить**.*

Подчеркнем, что в обоих случаях речь идет именно о феномене коммуникативной адаптации, а не об объективных свойствах самой информации: в качестве нерелевантной рассматривается ситуативная актуализация информации, вполне релевантной по своим объективным характеристикам.

2. Нейтральная актуализация информации, которую говорящий интерпретирует как релевантную для данной аудитории:

*Такое массовое обнищание населения предполагает неблагоприятные тенденции, о которых я веду речь, и **уместно в этой аудитории** вспомнить слова одного марксиста, которого очень сейчас не любят и который сказал о том, что коренная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть нищета масс и эксплуатация. Это был Ленин.*

3. Акцентирование информации, которую говорящий расценивает как принципиально важную именно для данной аудитории:

*Я бы хотел сейчас сделать два теоретических замечания. Первое (и мне оно кажется очень важным): поскольку несколько раз уже упоминали, и я подозреваю, что, может быть, еще будут упоминать Маркса – **он окажется для нас сейчас очень важным, именно сейчас и именно в этой аудитории**. Я приведу только один пример из «Немецкой идеологии», но он очень показательный.*

В последнем случае автор прибегает к полисубъектному подчеркиванию релевантности обсуждаемой информации, специально маркируя ее значимость и для себя (*мне оно кажется очень важным*), и для слушателей (*именно в этой аудитории*); разумеется, как индикатор реализации стратегии коммуникативной адаптации целесообразно рассматривать только второй коммуникативный ход.

Таким образом, релевантность/нерелевантность информации демонстрирует выраженную ситуативную относительность, что определяет особую значимость исследования данного параметра с учетом

всей сложной совокупности факторов прагматического контекста, влияющей на речевое поведение участников коммуникативного взаимодействия, в том числе и тех речевых действий, которые реализуют стратегию коммуникативной адаптации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Соколова М. С.* Адаптация к собеседнику в процессе межличностной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Волгоград, 2012. 173 л. URL: <https://www.dissercat.com/content/adaptatsiya-k-sobesedniku-v-protssesse-mezhlichnostnoi-kommunikatsii> (дата обращения: 02.09.2023).

Зуевская Е.В., к. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

доцент кафедры теории и практики немецкого языка

Zuevskaya E.V., Cand. of Sc. (Philology)

(Minsk, Belarus)

MSLU

Associate professor of the Department

of Theory and Practice of German

e-mail: sujewskaja@yandex.by

ОСОБЕННОСТИ ИМПЛИЦИТНОГО ВЫРАЖЕНИЯ УСЛОВИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются особенности имплицитного выражения условия в современном немецком языке. Предпринята попытка выявления средств, служащих актуализаторами значения условия в контексте, позволяющими однозначно идентифицировать указанное значение.

Ключевые слова: категория, условие, каузальность, актуализатор, имплицитность.

FEATURES OF THE IMPLICIT EXPRESSION OF THE CONDITION IN MODERN GERMAN

The features of the implicit expression of the condition in the modern German language are considered. An attempt is made to identify the means that serve as actualizers of the condition meaning in the context, allowing one to uniquely identify the specified meaning.

Key words: category, condition, causality, actualizer, implicitness.

Условие представляет собой одну из функционально-семантических категорий, в основе которой лежит зависимость одного состояния, процесса, действия от другого (обусловленность). При этом подход к рассмотрению условия в философии и языкознании различается: в материалистической диалектике условие как основная категория не выделяется, а уподобляется причине и между ними можно поставить знак равенства, поскольку в философии причина любого события оценивается одновременно и как условие его совершения, реализации. В лингвистике же микрополе условия традиционно рассматривается в составе макрополя каузальности, в котором его сочленами являются микрополя уступки, цели и причины. При этом указывается на то, что условие всегда предполагает гипотетичность (обусловленную знанием говорящим о реализуемости / реализованности / нереализуемости / нереализованности действия) в отличие от остальных значений указанного макрополя каузальности.

Наряду со специальными языковыми средствами, служащими для эксплицитного выражения условия, в немецком языке условие может

выражаться также имплицитно. При данном способе передачи условных отношений они не выражены явно, отсутствуют языковые средства, которые маркируют, что данное предложение относится к условным, а обуславливающий фактор не соотносится непосредственно с вопросами *In welchem Fall? Unter welcher Bedingung?* и может быть выведен лишь с учетом контекста.

Такое условное отношение обнаруживается благодаря наличию актуализаторов в простом предложении, в роли которых как правило выступают *beinahe / gern* + претеритальный конъюнктив:

*Die Limousine hätte ihn **beinahe** in Stücke gerissen. (Wenn er im letzten Augenblick nicht zurückgetreten wäre, hätte ihn die Limousine in Stücke gerissen);*

*Nur die Tochter und deren Nachhilfelehrerin finden die Polizisten nach kurzer Suche im Keller eines Bauernhofs, wo sie **beinahe** verhungert wären. (Wenn sie sie nicht gefunden hätten, wären sie verhungert)*

***Beinahe** wären auch die Hamburger ohne Treffer nach Hause gefahren, aber das verhinderte Heung-Min Son in der 17. Minute mit seinem vierten Saisontreffer. (Wenn Heung-Min Son in der 17. Minute das Tor nicht getroffen hätte, wären sie ohne Treffer nach Hause gefahren)*

Следует отметить, что употребление имплицитно обуславливающих обстоятельств типа *beinahe* ограничено предложениями с предельными глаголами, в которых действие едва не произошло. Обстоятельства типа *gern* имплицитно обуславливают обусловленность желания говорящего, на пути осуществления которого имеются какие-то препятствия. Сказуемое может быть выражено при этом только глаголом в действительном залоге.

***Gern** wäre man unsichtbar, samt Kamera. (Wenn es möglich wäre, wäre man gern unsichtbar)*

*Ich hätte dich **gern** adoptiert, und deine Mutter hätte ich gern geheiratet. (...wenn ich so eine Möglichkeit gehabt hätte)*

Условный оттенок могут приобретать под влиянием претеритального конъюнктива также обстоятельства времени, места и образа действия, выраженные наречиями и предложными конструкциями.

*Ach was, **damals** hätte ich auch Boris Becker geheiratet. (Wenn es damals gewesen wäre / wenn ich so eine Möglichkeit gehabt hätte...)*

***Damals** hätte das niemand interessiert. (Wenn du damals diesen Gedanken geäußert hättest, hätte das niemand interessiert.)*

***Vor einem Jahr** noch wäre das undenkbar gewesen. (Wenn wir vor einem Jahr auf diese Idee gekommen wären, wäre das undenkbar gewesen)*

*Niemand **an meiner Stelle** hätte das getan. (Niemand hätte das getan, wenn er an meiner Stelle gewesen wäre)*

*Meine Tochter würde **bei dem Punkt** zwar widersprechen (Wenn meine Tochter an der Diskussion teilnehmen würde, würde sie bei dem Punkt widersprechen)*

Регулярно имплицитно выраженное условие содержится в предложениях, вводимых темпоральным наречием *dann*:

Dann hättest du nicht erst so spät mit dem Lernen anfangen dürfen!

Dann musst du zum Arzt gehen.

Zuordnungsfragen, **dann** hätte man da auch da noch Materialgrundlage.

Dann würde ich ihnen empfehlen auf jeden Fall, ich versuche, ich versuche Herr ...

Wollen wir mal wieder diese Tage die Stämme, wieder Stämme beschneiden, wenn Witterung ist von oben? **Dann** wären keine anderen Kirschen unten bei der Scheune die Stämme.

В редких случаях условное отношение присутствует в предложениях, содержащих существительное в винительном падеже в функции обстоятельства:

Am Ende muss ich mich mühsam bremsen, ein paar Minuten noch, und aus meiner Hecke wäre eine schicke Ente geworden, oder ein Pilz, zumindest aber eine Kugel. (Wenn ich noch ein paar Minuten gehabt hätte...)

Einen Augenblick noch – und die schreckliche Tat wäre geschehen gewesen. (Wenn noch ein Augenblick vergangen wäre...)

Nur wenige Minuten noch, und der charismatische Schweizer hätte im Anschluss die Huldigungen der Presse als Handaufleger entgegennehmen dürfen. (Wenn wenige Minuten noch vergangen wären, ...)

Имплицитное условие может также быть скрыто в подлежащем либо дополнении простого предложения, выраженном инфинитивным оборотом, при этом значение условия актуализируется претеритальным конъюнктивом.

Und es wäre gut, diese Kosten zu benennen. (...wenn diese Kosten benannt wären)

Aber es wäre ein Fehler, Ross und seinen Einfluss auf Trump zu unterschätzen (...wenn man Ross und seinen Einfluss auf Trump unterschätzen würde)

Mit ihr wäre es möglich gewesen... (Wenn er mit ihr gewesen wäre / wenn er sie gehabt hätte, ...).

Mit Charlotte wäre das nicht passiert. (Wenn es Charlotte gewesen wäre...).

Следует отметить, что имплицировать обусловленность могут также сложносочиненные предложения. При этом, при использовании сложносочиненных предложений с союзами *und*, *oder* в первой части содержится повелительное наклонение или аналогичные побудительные конструкции, вторая часть выражает возможное следствие:

*Sage nur ein Wort, **und** ich werde es Papa erzählen. (Wenn du nur ein Wort sagst, werde ich es Papa erzählen).*

*..sage niemandem etwas davon **und**, äh,... ..ich werde Nachsicht zeigen. (Wenn du niemandem etwas davon sagst...)*

*Komm her, **oder** es geht dir schlecht! (Wenn du nicht herkommst, ...).*

*Also gib jetzt nicht auf, **oder** du wirst es ewig bereuen. (Wenn du aufgibst...)*

*Okay, lass uns erst mal das Heilmittel kriegen **und** dann werden wir darüber reden, wie du ganz alleine in den Sonnenuntergang reitest. (Wenn wir Heilmittel kriegen...)*

В сложносочиненных предложениях с союзами *aber, sonst* условное отношение базируется на противопоставлении модальности недействительности реальной модальности, ср.:

*Er hätte zurück gehen können in seine Wohnung, **aber** er fürchtete ... (... , wenn er nicht gefürchtet hätte).*

*Ja klar, ich hätte Dich anrufen können, **aber** ich wusste ja nicht, dass Du auch alleine zu Hause warst. (Wenn ich gewusst hätte...)*

*Und geh, **sonst** werden sie dich fortlocken von mir (Wenn du nicht gehst, werden sie dich fortlocken von mir).*

Такого же рода противопоставление возможно и без указанных союзов за счет контекста:

Wieso sollte Stanislaus den Führer beleidigt haben? Das wäre gefährlich gewesen... (Wenn Stanislaus den Führer beleidigt hätte, wäre das gefährlich gewesen).

Таким образом, можно заключить, что имплицитно выраженное условное отношение обнаруживается благодаря наличию актуализаторов, в качестве которых может выступать претеритальный конъюнктив, обстоятельства типа *beinahe* или *gern*, а также грамматические конструкции, выражающие следствие либо противопоставление модальности недействительности реальной модальности.

Задобри́вская О.Ф., к. филол. н.
(г. Рыбница, Приднестровье, Молдова)
Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
(Рыбницкий филиал)
доцент кафедры германских языков и методики их преподавания

Zadobrivskaia O.F., PhD in Philology,
(Rybnitsa, Pridnestrovie, Moldova)
Rybnitsa branch of the Pridnestrovian State University
named after T.G. Shevchenko
Associate Professor of the Department of the Germanic Languages
and Methods of Their Teaching
e-mail: kasha25@list.ru

КЛАССИФИКАТОР И КЛАССИФИКАТИВНОСТЬ

В данной статье рассматривается классификатор и классификативность в языковой структуре, их связь с культурой и когнитивным опытом общества. Особое внимание уделяется глагольным классификаторам, префиксам и их семантике. Приводятся примеры из различных языков для иллюстрации языковых особенностей.

Ключевые слова: классификатор, классификативность, языковая структура, культура, префикс, семантика.

CLASSIFIER AND CLASSIFICATION DEVICES

This article examines the classifier and classification devices in the language structure, their connection with the culture and cognitive experience of society. Special attention is paid to verb classifiers, prefixes and their semantics. Examples from various languages are given to illustrate language features.

Key words: classifier, classification devices, language structure, culture, prefix, semantics.

Языковые изменения регулируются внутренней структурой языка, чтобы понять эти изменения, необходимо их классифицировать – подчинить их некоей типологии.

Э. Сепир считал, что типологический подход не уравнивает элементы языковой структуры, а последовательно доказывает, что языковая структура устроена иерархически, т.к. в ее состав входят как «более внешние, поверхностные», так и «более глубокие элементы». Языки постоянно претерпевают изменения, которые отражаются в их структуре, но наряду с этим они также являются хранилищем фундаментальных черт [1, с. 136].

Согласно Э. Сепиру наши мысли и язык являются единым целым, и нет оснований говорить о том, что могут существовать расовые отличия в устройстве человеческого мышления. Язык не функционирует, не

существует вне культуры, т.е. он является социально унаследованной совокупностью практических навыков и идей [1, с. 185]. Содержание языка имеет тесную связь с культурой [1, с. 194], а культура, в свою очередь, содержит когнитивный опыт общества. Этот самый когнитивный опыт, когнитивная категоризация мира закладывается в скрытый тип именной классификации – криптокласс, который выступает частью языковой картины мира.

Классификативность в разных лингвистических традициях имеет свое собственное выражение. Так, в атапаскских языках имена существительные обладают личными притяжательными префиксами: «сарси si- ‘мой’, ni- ‘твой’, mi- ‘его, её’, nihi- ‘наш, ваш’, gimí- ‘их’, i- ‘чей-либо’». Абсолютная форма имени и основа притяжательной формы различаются озвончением первого или последнего согласного основы, чередованием гласных, изменением тона, появлением тематического гласного» [2, с. 50]. При этом такие категории, как число и падеж, не находят отражения в этих языках.

В атапаскских языках широко распространено словосложение, а также существуют классификационные глаголы, которые помогают противопоставить действия и состояния на лексическом уровне. Например, «глаголы со значением ‘быть’ в навахо: -ʔá (о круглых предметах), -tá (о длинных предметах), -tí (об одушевленных), -nìl (о совокупности мелких предметов), -ká (о вместилищах вместе с содержимым), -žóód (о громоздких предметах)» и др. [2, с. 50].

Л.А. Янда считает, что классификаторами глаголов могут выступать префиксы [3], следовательно, мы имеем дело с системой глагольных классификаторов. Автор приводит четыре основных типа глаголов совершенного вида и проводит между ними различия. Система классификаторов предполагает различное поведение приставок. Русский язык, по мнению автора, – это язык «с глагольными классификаторами, русские глагольные приставки, образующие естественные перфективы, представляют собой систему видовых классификаторов» [3, с. 42].

Каждая приставка обладает уникальным значением, она соотносится с определенной ситуацией. Значение префикса помогает определить, с какими семантическими признаками он сочетается, а с какими нет [4, с. 25]. К примеру, приставка *вы-* имеет значение «переместить объект из контейнера», а *в-* – наоборот: «переместить объект внутрь контейнера» [3, с. 20]. Аналогично и в английском языке, только здесь речь будет идти о предлогах: например, предлог *in* передает значение «перемещение объекта внутрь вместилища», а предлог *out of* – «перемещение объекта из вместилища»

Различное поведение приставок мотивировано заложенной в них семантикой, а также их частым употреблением в разных грамматических конструкциях [3, с. 43].

А.А. Айхенвальд считает, что классификаторы существительных коррелируют с присущими им семантическими характеристиками. Тем не

менее, в некоторых случаях семантическая связь между ними недостаточно очевидна [5, с. 82]. Такого рода классификаторы мы можем обнаружить в австралийских и мезоамериканских языках.

Примеры использования существительных-классификаторов в североамериканских индийских и папуасских языках не известны. В южноамериканских языках существительные-классификаторы могут быть обнаружены в языке маку, в языке Ё и частично в языке ава-пит, встречаются в западных австронезийских, в австронезийских, в некоторых океанийских и в тайских языках [5, с. 97].

Например, в языке Йидинь (Yidiny) есть целый набор таких классификаторов, который состоит из 20 единиц, распадающихся на различные подгруппы. Однако, как считает А.А. Айхенвальд, нет такого языка, где существовало бы несколько определенных наборов классификаторов существительных. Но в языках, где классификаторами выступают существительные, эти самые классификаторы могут использоваться с тем же существительным для определения значения последнего [5, с. 83–84].

В языках Минангкабау (Minangkabau) и Дау (Daw) любое родовое существительное может выступать в качестве классификатора. Их следует отличать от частей сложных слов: родовое существительное-классификатор может быть опущено в определенных дискурсивных условиях, тогда как часть сложного слова, выступающего в роли классификатора, нельзя опустить [5, с. 85].

В некоторых случаях существительные-классификаторы могут претерпевать грамматикализацию и фонологическую редукцию, и тогда они становятся аффиксами этих существительных. В языке олголо некоторые префиксы, которые относятся к существительным, являются редуцированными формами родовых классификаторов [5, с. 91].

Диалекты лама лама обладают явными маркерами-существительными, которые берут свое начало из грамматикализированных классификаторов. Например, явные префиксы-классификаторы существительных более грамматикализированы, нежели сами существительные-классификаторы. В туюкском языке классификатор может присоединять такой суффикс, который поможет ему превратиться в субстантивированный глагол [5, с. 92–93]. В языке Ngan'gityemerri использование явных маркеров-существительных обязательно [5, с. 95].

Во многих языках классификаторами выступают отдельные слова, которые по функции сходны с относительными местоимениями [5, с. 88]. Для того чтобы выделить относительные придаточные предложения, могут использоваться морфемы, которые являются частью конструкции с существительным-классификатором [5, с. 89]. В большинстве языков морфемы-классификаторы входят в состав самого существительного, добавляя к нему новое значение, причем порядок морфем может варьироваться, что будет влечь за собой изменение самого значения слова [5, с. 93–94].

Классификатором может быть и синтаксическая структура. А.А. Айхенвальд считает, что существительные-классификаторы могут иметь много синтаксических функций, что является результатом их грамматикализации. Многие морфологические преобразования берут свое начало из синтаксических конструкций [6, с. 35]. В связи с этим многие лингвисты пытались найти взаимозависимость, существующую между морфологической и синтаксической структурой в различных языках мира, хотя существование языка с «чистым» морфологическим типом невозможно. Тем не менее, в каждом языке можно выявить ту или иную превалирующую по своему использованию модель [6, с. 47]. Но в любом случае в каждом языке находят отражение обе тесно связанные между собой области грамматического строя – морфология и синтаксис [6, с. 50].

При выявлении скрытых категорий языка не отдельные лексемы и грамемы выступают классификаторами, а их кластеры, которые демонстрируют скрытую активность криптокласса в языке. Именно эти кластеры и являются ориентиром для исследования, изучения и анализа языковой категоризации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Универс, 1993. 656 с.
2. *Алексеев М. Е.* Атапаскские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М., 2002. С. 50–51.
3. *Янда Л. А.* Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–43.
4. *Борискина О. О.* Криптоклассный анализ лексики: этапы и перспективы // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2008. № 6. С. 45–50.
5. *Aikhenvald A. A.* Classifiers. A Typology of Noun Categorization Devices. Oxford : Univ. Press, 2000. 562 p.
6. Теоретические основы классификации языков мира / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Наука, 1980. 190 с.

Ильянкова Д.О.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

студент V курса факультета немецкого языка

Научный руководитель: Зуевская Е.В.

(г. Минск, Беларусь)

к. филол. н., доцент, МГЛУ

Цуанкова Д.О.

(Minsk, Belarus)

MSLU

5th year student of the Faculty of German

Scientific supervisor: Zuevskaya E.V.

(Minsk, Belarus)

MSLU

Associate professor of the Department

of Theory and Practice of German,

e-mail: sujewskaja@yandex.by

**ТРАДИЦИОННЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ
(на основе предвыборных плакатов партий)**

В статье исследуются особенности и функции употребления традиционных стилистических средств художественной выразительности в немецкоязычной политической рекламе, а именно в текстах с предвыборных плакатов партий. Стилистические средства в рекламном политическом дискурсе помогают не только привлечь внимание потенциальных избирателей, но и, посредством фиксирования концептов в мышлении реципиентов, определенным образом влиять на мнения масс.

Ключевые слова: традиционные стилистические средства художественной выразительности, политический рекламный дискурс, немецкоязычные лозунги и слоганы.

**TRADITIONAL STYLISTIC MEANS OF ARTISTIC EXPRESSION
IN GERMAN-LANGUAGE POLITICAL ADVERTISING
(based on election posters of parties)**

The article examines the features and functions of the use of traditional stylistic means of artistic expression in German-language political advertising, namely in texts from election posters of parties. Stylistic means in the advertising political discourse help not only to attract the attention of potential voters, but also by fixing concepts in the recipients' thinking to influence the opinions of the masses in a certain way.

Key words: traditional stylistic means of artistic expression, political advertising discourse, German-language slogans.

Одной из основных функций политической рекламы является воздействующая: посредством вербальных и невербальных стратегий, тактик и приемов создатель влияет на мотивационную сферу человека, а через нее и на его действия. Прагматической целью рекламного дискурса является как раз побуждение реципиента действовать определенным образом: купить продукт или услугу. Политический рекламный дискурс в силу своей специфики находится на пограничье, как следствие, в данном случае речь будет идти чаще всего о стремлении к завоеванию симпатии электората. Для осуществления основных прагматических целей рекламщиками используются различные схемы и приемы аттракции, вербальные и невербальные средства переключения с «явного» на «скрытый» смысл. Среди вербальных средств образности находятся и стилистические средства в их широком понимании – разноуровневые единицы языка, актуализирующие некоторые функциональные характеристики в заданных условиях коммуникации [1]. При этом использование традиционных стилистических средств (внеконтекстно маркированных), как отмечают лингвисты, помогает удержать внимание воспринимающего текст. В данной статье предлагается рассмотреть присутствующие в политических рекламных текстах с предвыборных плакатов партий традиционные стилистические средства – тропы.

Сразу следует отметить редкое использование в немецких политических лозунгах и слоганах эпитетов, которые, в первую очередь, как отмечают лингвисты, выполняют эстетическую функцию: *Gesundes Essen kommt nicht aus einer kranken Natur*, – а также отказ от использования литоты и эксплицитно выраженных сравнений. При этом гиперболизация встречается достаточно часто: *Entweder Schluss mit Kohle oder Schluss mit Klima* (Die Grünen), *FÜR BEZAHLBAREN WOHNRAUM NICHT NUR AM ARSCH DER WELT* (die Linken), *Die Digitalisierung ändert alles, Nie gab es mehr zu tun.*, *ALLE STIMMEN FÜR DIE FREIHEIT* (FDP). Если рассматривать графическую составляющую, то средством маркирования гиперболизации также можно назвать использование Caps Lock, так как в более широком смысле под гиперболизацией понимается любое нарушение пропорций в пользу некоторой более значимой детали: *ZEIG STÄRKE. Für besseren Nahverkehr in Stadt und Land.*

Одним из достаточно часто встречающихся троп в лозунгах будет являться языковая метафора, которая является одним из наиболее эффективных средств формирования ценностных ориентаций [2]: она помогает создавать эффект уникальности посредством помещения привычных слов в новые контексты, отсюда вытекает и высокая акцентирующая способность в условиях языковой экономии, а также экспрессивность и оценочность (характеристики особенно важные для политического рекламного дискурса). Также следует отметить поликодированность рекламных текстов, когда вербалика тесно связана невербаликой, что особенно проявляется при анализе плакатов политических партий. Итак, широко представлена персонификация –

приписывание неодушевленным объектам свойств живых существ: *Gute Besserung, Deutschland!* Она позволяет повысить прагматический потенциал высказываний, так как доказано, что персонифицированная информация воспринимается людьми легче, а также отпечатывается в памяти реципиентов на более долгий период. Персонифицируются такие абстрактные концепты, как «политика» *Für eine Politik, die Wort hält.*, «Германия» *Damit Deutschland stark bleibt.*, «страна» *Normal ist ein Land, das seine Familien liebt*, «свобода» *Freiheit hat Verbündete.*

Присоединение объектов рекламных текстов к значимым общественным ценностям, а также эстетическое воздействие происходит, однако, не только посредством метафоры. Также в рекламных текстах встречается метонимия – вид тропа, когда одно слово заменяется другим, с ним связанным, так называемый перенос по смежности: *TRAU DICH, DEUTSCHLAND!* (имеются в виду люди, а не страна). В общем-то, ее основной функцией в рекламных текстах будет языковая экономия посредством расширения семантического потенциала слова, однако важно также отметить, что она будет являться определенным средством концептуализации действительности, помогая в ее описании. Так, под Германией и страной, в основном, в лозунгах будут подразумеваться именно люди *Statt das ganze Land. Regierung in den Lockdown!, Politik für Deutschland.*

Таким образом, традиционные стилистические средства в немецкоязычной политической рекламе помогают не только оживлять тексты, но и фиксировать главные концепты в сознании реципиентов при использовании минимального количества языковых ресурсов, а также добавлять в высказывания оттенок неоднозначности и свободной интерпретационности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной ; редкол.: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. М. : Наука : Флинта, 2003. 694 с.

2. Белова М. А. Стилистические приемы в рекламном тексте как средство воздействия на ценностные ориентации аудитории // Ценности и смыслы. 2010. № 1 (4). С. 110–117.

Ключенович С.С., к. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

доцент кафедры теории и практики немецкого языка

Klyuchenovich S.S., Cand. of Sc. (Philology)

(Minsk, Belarus)

MSLU

Associate professor of the Department

of Theory and Practice of German

e-mail: sergej.dolm.rd@gmail.com

(НЕ)ОБЫЧНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ

В докладе рассматривается роль словосложения в современном немецком дискурсе в плане создания лексических новаций. Исследование выполнено на материале художественной прозы и текстов СМИ. Ставится вопрос о том, насколько соблюдение нормы характерно для окказионального словообразования.

Ключевые слова: словосложение; композит; окказионализм; авторский неологизм; несловарное производное.

(UN)COMMON NONCE WORDS

The paper discusses the role of compounding in modern German discourse in terms of creating lexical innovations. The study is based on fiction and media texts. The question is raised about how much compliance with the norm is characteristic of occasional word-formation.

Key words: compounding, compound, nonce word, author's neologism, non-dictionary derivative.

Словосложение в современном немецком языке представляет собой наиболее продуктивный способ образования новых слов [1, S. 139; 2, S. 61; 3, S. 125]. Указанная словообразовательная технология активно реагирует на коммуникативный запрос пользователя языка посредством создания несловарных производных.

Лингвисты признают тот факт, что автор может генерировать окказионализмы как единицы текста в соответствии со своим замыслом [4, S. 23], в стилистике они попадают в разряд авторских неологизмов – “Einmalbildungen” [5, S. 77].

Фактор контекстуальной зависимости, безусловно, касается в его полной значимости сферы окказионального словообразования. Строго различая узуальные и окказиональные композиты, Л. Зеппенен уточняет данный фактор следующим образом: в то время как узуальные слова обладают точно закреплёнными за ними смысловыми структурами, семантика окказионализма является потенциально «безграничной».

Естественно поэтому, что лексические новации следует интерпретировать с опорой на контекст [6, S. 147]. И вместе с тем фактор контекстуальной зависимости не является обязательным в отношении всех неузусных композитов [7, S. 43–44]. Проиллюстрировать это могут следующие примеры несловарных производных:

Berliner PDS-Wahlkampf (Spiegel); *dem Independent-Bericht* zufolge (SZ); *eine 25-Prozent-Beteiligung bei n-tv* (SZ), *Porsche-Börsengang* (tagesschau); *Baerbock-Reise* (WDR).

Обратим наш взор на случаи, когда привлечение контекста всё же необходимо.

Приводимые ниже два текстовых фрагмента содержат в своей структуре окказионализмы, уже графическое оформление которых не остаётся без внимания реципиента, скорее наоборот, глаз читателя просто «спотыкается» на этих окказиональных конструкциях.

Die Vettern, bei denen nach beiderseitigen Bekundungen nun „die Chemie stimmt“, werden sich im April in Québec wiedersehen, wo Chrétien diesmal Gastgeber des dritten „Gipfels der Amerikas“ ist. Der Dialog über die Freundschaft in der westlichen Hemisphäre wird dann die Möglichkeiten für eine rasche Erweiterung von „Nafta“ um Chile und eventuell weitere lateinamerikanische Länder einschließen. Die Freihändler <...> ziehen hier an einem Strang. Ob der Kongreß mitzieht, indem er diesem Präsidenten das <...> Mandat für „Schnellspur“-Verhandlungen gewährt, ist noch ungewiß (FAZ).

Очевидно, что в приведённой словообразовательной конструкции первый компонент характеризует образ протекания некоторого действия, выполняя тем самым семантическую роль модалитатива по отношению к опорному компоненту. При этом был подобран такой первый компонент, который представляет собой яркое ассоциативное сравнение. Переговоры сравниваются с движением по специальной полосе мимо основного транспортного потока, что подводит читателя к выводу, что речь идёт о переговорах по ускоренной, а значит упрощённой схеме.

Рассмотрим ещё одно новообразование с учётом его текстового окружения.

*Größere Bewegung dürfte in den Devisenmarkt erst dann wieder kommen, wenn sich eine Antwort auf die Frage abzeichnet, ob das Tief der amerikanischen Konjunktur nur von kurzer Dauer ist oder eine länger währende Rezession droht. Handelt es sich um eine V- oder eine U-förmige Talsohle? Nach der ersten Zinserhöhung der Fed wetteten die Anleger schon auf **die V-Lösung**, also auf eine schnelle Konjunkturerholung im zweiten Halbjahr* (FAZ).

Приведённый пример интересен сразу в нескольких аспектах. Первое, прагматика производного: автор хотел создать броское, компактное, однако информационно насыщенное, запоминающееся слово. Второе, первый компонент производного представляет собой графический символ, схематически повторяющий кривую на соответствующем экономическом графике. Третье, высокая степень информационной насыщенности производного, его необычность и исключительная компактность, можно

даже сказать, в каком-то смысле эллиптичность, заставляют автора наряду с представленностью элементов универба в предшествующем контексте поддержать его также последующим пояснением, т. е. декодирование производного поддерживается как анафорическими, так и катафорическими внутритекстовыми связями.

Существуют производные, семантика которых в свободном употреблении вне контекста представляется относительно прозрачной. Однако в нашей картотеке зафиксированы случаи, когда контекст даёт свою (неожиданную) интерпретацию таких в смысловом отношении, казалось бы, прозрачных знаков. Речь идёт о коммуникативно обусловленном процессе наполнения знака новым, речевым смыслом. Проиллюстрировать сказанное может фрагмент из художественного произведения.

Jürgen, der den Noten-Austausch von seinem Platz aus beobachtet hatte...
(U. Johnson. Ingrid Babendererde).

В данном примере речь идёт не столько о возникновении окказионализма, сколько об окказиональном словоупотреблении готовой единицы. Производное, обладающее функционально-стилистической маркированностью – дипломатическая сфера ('обмен нотами'), употреблено для обозначения того, как школьники во время урока обмениваются записками. Очевидно, что замысел автора подразумевал тем самым обратить внимание читателя на это место в тексте и передать также определённые коннотации в связи со своим ироничным отношением к обозначаемому. Иронический оттенок возникает «за счёт «перемешивания» представлений о высоком и обыденном» [8, с. 122], о строгой официальности и ребяческом озорстве.

Обобщая наши наблюдения, сформулируем выводы:

Немецкое словосложение обладает большим потенциалом к созданию окказиональных производных, разнородных по своим структурно-генетическим характеристикам. При этом возможно появление как броских, запоминающихся производных, так и, казалось бы, формально неприметных, но семантически ёмких единиц.

Примечательно, что в случае с первым типом в процессе языкового функционирования происходит расширение рамок инвентаризированной в системе языка словообразовательной модели. Во втором же случае имеет место феномен функционально-коммуникативно обусловленного семантического наслоения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Stepanova M. D., Černyševa I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. 2., verb. Aufl. M. : Academia, 2005. 251 S.*
2. *Elsen H. Grundzüge der Morphologie des Deutschen. 2., aktual. Aufl. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2014. 350 S.*

3. *Hanneschläger V., Dressler W. U.* Poetische Brücken über sprachliche Lücken. Kompositabildung und Gapping in Peter Handkes „Bildverlust“ und „Kali“ analysiert mit corpuslinguistischen Methoden // *Studia austriaca*. 2017. XXV. S. 119–139.

4. *Fleischer W., Barz I., Schröder M.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu bearb. Aufl. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2012. 484 S.

5. *Glušak T. S.* Funktionalstilistik des Deutschen. Minsk : Wyschejschaja Schkola, 1981. 173 S.

6. *Seppänen L.* Zur Ableitbarkeit der Nominalkomposita // *Zeitschr. f. Germanist. Linguistik*. 1978. Bd. 6, H. 2. S. 133–150.

7. *Hohenhaus P.* Ad-hoc-Wortbildung. Terminologie, Typologie und Theorie kreativer Wortbildung im Englischen. Frankfurt am Main ; Berlin : Lang, 1996. 505 S.

8. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / отв. ред. А. А. Уфимцева. М. : Наука, 1986. 143 с.

Колмак А.А.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

преподаватель кафедры фонетики и
грамматики немецкого языка

Kalmaq A.A.

(Minsk, Belarus)

MSLU

Lecturer of the Department of Phonetics and Grammar of German

e-Mail: alina.kolmak@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ И АСПЕКТУАЛЬНОСТИ ГЛАГОЛАМИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В статье речь идет о сущности категории аспектуальности и об особенностях межкатегориального взаимодействия темпоральности и аспектуальности в немецком языке.

Ключевые слова: аспектуальность; темпоральность; категория вида; относительное время; абсолютное время.

THE SPECIFICS OF THE EXPRESSION OF TEMPORALITY AND ASPECTUALITY BY VERBS OF THE GERMAN LANGUAGE

The article deals with the essence of the category of aspectuality and the features of the inter-categorical interaction of temporality and aspectuality in the German language.

Key words: aspectuality; temporality; type category; relative time; absolute time.

В лингвистике наблюдается большой интерес к вопросу взаимодействия грамматических категорий. В. С. Храковский считает, что «взаимодействие – это такое отношение между грамматическими категориями, при котором обе категории функционируют согласованно и влияют друг на друга таким образом, который может приводить к видоизменению обеих грамматических категорий» [1, с. 25]. Как в русском, так и в немецком языке темпоральность и аспектуальность тесно связаны друг с другом.

«Темпоральность – это семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего иной точке отсчета. Вместе с тем темпоральность – это базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле,

охватывающее группировку грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т. п.) средств того или иного языка, используемых для выражения различных вариантов данной семантической категории.» [2, с. 5].

Термин «аспектуальность» в русском языкознании впервые был использован в 1967 году А.В. Бондарко в книге «Русский глагол». Впоследствии А.В. Бондарко уточнил сущность предложенного им определения и охарактеризовал аспектуальность как семантическую категорию, устроенную по принципу функционально-семантического поля (ФСП) и реализующую идею времени. Семантическим ядром ФСП аспектуальности в русском языке А.В. Бондарко предложил считать глагольный вид, к которому примыкают способы глагольного действия [3, с. 12].

Вид является важнейшей специфической категорией русского глагола. В русском языке нет ни одной глагольной формы, которая была бы вне системы видов, не обладала бы видовым значением. [4, с. 393].

«В основе категории времени глагола в немецком и в русском языках лежит одно и то же грамматическое значение – отношение момента действия, обозначаемого данным глаголом, к моменту сообщения об этом действии, иначе говоря, к моменту речи. При помощи временных форм каждое действие, обозначаемое глаголом-сказуемым, характеризуется как одновременное с моментом речи (настоящее время), как предшествующее ему (прошедшее время) или как предстоящее действие (будущее время)» [5, с. 101]. Несмотря на одинаковое грамматическое значение категории времени русский и немецкий глаголы имеют различное количество временных форм. В русском языке для выражения настоящего, прошедшего и будущего времени используется три временных формы, а в немецком языке шесть временных форм.

Кроме того, стоит отметить, что категория времени в немецком языке включает в себя временные отношения двух планов: абсолютное время и относительное. Абсолютное время выражает отношение момента действия к моменту речи, в свою очередь относительное время показывает отношение момента одного действия к моменту другого действия. Все временные формы могут выражать как абсолютное, так и относительное временное значение, при этом у форм плюсквамперфект и футурум 2 относительное значение является парадигматическим, у остальных же оно проявляется лишь в контексте.

В немецком языке нет категории вида, но это не означает, что в немецком языке нет взаимодействующих языковых средств, выражающих характер протекания действия во времени. Как раз возможность передать

видовую дифференциацию русского языка в немецком предоставляют относительные времена. При этом следует обратить внимание, что связь категории вида в русском языке и форм относительных времен в немецком языке очень многогранна и нужно иметь в виду два обстоятельства, которые К. Г. Крушельницкая описывает так: “1) сложность значения относительных времен и связь его с предельностью; 2) ограниченность употребления относительных времен особыми условиями” [5, с. 106].

Сложность значения относительных времен заключается в том, что оно содержит в себе отношение и к моменту речи (абсолютное значение), и к прочим упомянутым в речи действиям (относительное значение). Место же непосредственного грамматического соприкосновения русского и немецкого языков – связь абсолютного временного значения предельных глаголов и их семы совершенности действия, выражаемой в русском языке при помощи категории вида. Исходя из этого относительные времена предельных глаголов, могут соответствовать русскому совершенному виду.

Второе обстоятельство “ограниченность употребления особыми условиями” можно объяснить в первую очередь природой и функцией относительных времен. Но стоит заметить, что природа и функция категории вида отличается от природы и функции относительных времен, К. Г. Крушельницкая объясняет это так: “... видовое значение совершенности, которое в русском языке выражается во всех формах предельного глагола по отношению к моменту речи, т. е. абсолютно, в немецком языке может выражаться только в сочетании с предшествованием по отношению к другому действию, т. е. относительно. Абсолютное, вне предшествования, выражение совершенности действия при помощи относительных времен в немецком языке возможно только факультативно – для особого подчеркивания законченности действия (часто со значением результативности)” [5, с. 108].

При рассмотрении этих двух обстоятельств стоит сказать о том, что речь идет лишь о предельных глаголах. Непредельные глаголы в контексте относительных времен не рассматриваются совсем из-за полного отсутствия соприкосновения с немецким языком.

Таким образом, категория времени в немецком языке включает в себя существование абсолютного и относительного времен, что является отличием в сравнении с русским языком, для которого характерно использование абсолютных временных форм. Что касается категории аспектуальности, можно говорить о том, что категория вида русского глагола находит свое отражение лишь в одном из двух семантических компонентов относительных времен немецкого языка при определенных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Храковский В. С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике / А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, Н. А. Козинцева. СПб., 1996. С. 22–42.
2. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л. : Наука, 1990. 264 с.
3. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики. Л. : Наука, 1983. 208 с.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М. : Рус. яз., 2001. 720 с.
5. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1961. 261 с.

Кондракова С. В., к. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

доцент кафедры теории и практики немецкого языка

Kondrakova S. V., Cand. Sc. (Philology)

(Minsk, Belarus)

MSLU

Associate professor of the Department

of Theory and Practice of German

e-mail: s_kondrakova@mail.ru

СУБСТАНТИВИРОВАННЫЕ ПРИЧАСТИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Описывается функционирование субстантивированных причастий в немецкоязычных научных текстах, раскрывается их семантика и прагмакоммуникативный потенциал.

Ключевые слова: субстантивированные причастия, семантика, прагматика, валентность, научный текст.

SUBSTANTIVISED PARTICIPLES IN GERMAN SCIENTIFIC TEXTS

The functioning of substantivized participles in German scientific texts is described, their semantics and pragma-communicative potential is revealed.

Key words: substantivized participles, semantics, pragmatics, valency, scientific text.

Для научных текстов характерными единицами являются субстантивированные причастия I и II в форме среднего рода, которые воплощают абстрактные понятия: *das Folgende, das Gemeinte, das Erworbene, das Geplante*:

Zwischen dem Gemeinten und dem Gesagten besteht kein grundsätzlicher Dissens [1, с. 22].

Субстантивированные причастия, обозначающие деятеля, также предназначаются в научном тексте для обозначения общих понятий:

*Der Mangel dieser Konzeption für das konkrete Rahmenthema bestand darin, dass dabei außer Acht gelassen wurde, dass **Lernende** (und Lehrer) für die Lösung praktisch-kommunikativer Aufgaben mehr brauchen als solches Satzmusterwissen, auch ein Wissen über das Funktionieren von Kommunikation in konkreten Interaktionsprozessen [1, с. 19]...*

В приведенном контексте субстантивированное причастие *Lernende* обозначает не каких-то конкретных лиц, а представляет собой собирательно-обобщенную номинацию, т.к. “отвлеченность и обобщенность пронизывает каждый научный текст” [2, с. 162]. У В. М. Павлова в этой связи замечено, что отглагольное имя деятеля приспособлено к тому, чтобы обозначать и отдельное лицо, и класс лиц,

причем в отношении рассматриваемых здесь отглагольных имен сказано следующее: “Еще выше уровень абстрактности субстантивированных причастий мужского и женского рода, которые обозначают лица” [3, с. 280].

Значимую прагмакоммуникативную нагрузку в научных текстах несут субстантивированные причастия отсылочного характера, такие как *das Erwähnte, das bereits Gesagte, das hier Gemeinte, das Bezeichnete, im Folgenden*.

Aber das verweist nur auf das im vorhergehenden Satz bereits Gesagte [4, с. 111].

Im Folgenden möchten wir uns darauf konzentrieren, den konstruktionellen Ansatz näher unter die Lupe zu nehmen, aber nicht als Alternative zum semantischen Ansatz, sondern als Ergänzung dazu [5, с. 29].

Появление в тексте таких рациональных номинаций диктуется принципом коммуникативной целесообразности, т.к. они эффективно реализуют коннективную (текстосвязующую) когезийно-когерентную функцию: эти образования являются “показателем когерентности текста, средством реализации его связности” [6, с. 69]. Обладая “живой глагольностью”, единицы четко выступают как связующая форма, регламентируя архитектуру текста, т.е. подводя смысловый итог предыдущему высказыванию и создавая экспозицию для последующего хода мыслей. Это означает, что они могут выступать и выступают коннекторами при переходе от темы к реме в общем процессе теморематического развития текста, что подтверждают текстовые фрагменты:

Die linguistische Herausforderung liegt in dem Kodieren des auszudrückenden Inhalts in der Zielsprache, da sie für den Übersetzer eine Fremdsprache ist.

Через 19 строк восстанавливается смысловая связь:

In der Muttersprache erfolgt das Kodieren unbewusst; man fragt sich vor jeder Äußerung – sei sie mündlich oder schriftlich – nicht, wie man das Auszudrückende tatsächlich ausdrücken soll, schon allein aus dem Grund nicht, weil man sich häufig vielleicht gar nicht so bewusst ist, was man zum Ausdruck bringen möchte – und doch sagt man etwas [5, с. 27].

Субстантивированное причастие *das Auszudrückende* включает в себе содержание предыдущей информации – *der auszudrückende Inhalt in der Zielsprache*, что обеспечивает связность текста, и как раз за счет этого “в любом связном тексте мы обнаруживаем многочисленные и разнообразные виды повторяющихся семантических элементов” [7, с. 104].

Аналогичное прослеживается и в следующем фрагменте:

Eine Ahnung davon entsteht mitunter, wenn man eine fremde Sprache zu lernen beginnt, sagen wir als Deutschsprachiger das Italienische und wenn man dann, im vermeintlichen Besitz des qualvoll Erworbenen, in einem Hotel an der Rezeption ein Zimmer für zwei Personen bestellen will, nach Wörtern und Konstruktionen, Flexionsformen und der richtigen Aussprache sucht [8, с. 9].

Использование таких единиц позволяет реализовать главную черту научного текста – логичность, отмечаемую многими лингвистами. “Они осуществляют стяжение к данности старой и контакт с новой информацией” [6, с. 69]. При этом они не являются специализированными средствами коннекции, а реализуют свою присоединительную функцию только в условиях коммуникативной ситуации, о чем свидетельствуют приведенные выше фрагменты.

Отсылочные причастия как единицы-сигналы указывают, как последующие или предыдущие высказывания должны логически включаться в процесс коммуникации, а значит демонстрируют умение автора текста строить логическую проекцию на адресата. Это и является в научном тексте формой воздействия на него как обращения к его памяти, интеллектуальной способности воспринимать и перерабатывать доводы, переходя к другим теоретическим положениям, делать заключения и обобщения. Роль таких слов в тексте можно трактовать как непосредственное участие в выстраивании тематической прогрессии или “образования бесконечной речевой цепочки” [6, с. 79].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Moderne deutsche Texte. Danziger Beiträge zur Germanistik.* Frankfurt am Main : Peter Lang, 2004. Bd. 16. 422 S.
2. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка : учеб. для пед. ин-тов. М. : Просвещение, 1993. 223 с.
3. *Павлов В. М.* Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования / отв. ред. В. Г. Адмони. Л. : Наука, 1985. 300 с.
4. *Deutsche Sprache der Gegenwart. Entwicklungen und Tendenzen.* Stuttgart : Philipp Reclam, 1994. 168 S.
5. *Zeitschrift für angewandte Linguistik / hrsg.: U. Fix, G. Antos, W. Sendlmeier.* Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2005. Heft 42. 146 S.
6. *Голубева Н. А.* Вторично-номинативная функция причастий в современном немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Н. Новгород, 1991. 194 л.
7. *Левицкий В. В.* Лингвистика текста : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 2006. 207 с.
8. *Rainer D.* Psycholinguistik. Stuttgart ; Weimar : Metzler, 2002. 266 S.

Кравцова Т.А.
(г. Минск, Беларусь)
МГЛУ

преподаватель кафедры фонетики и грамматики английского языка

Kravtsova T.A.
(Minsk, Belarus)
MSLU

Teacher of the Department of Phonetics and Grammar of the English Language
e-mail: tatyana-kravcova-2011@mail.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЪЯВЛЕНИЯХ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В публикации рассматривается использование стилистических приемов для создания комической модальности в объявлениях на английском и русском языках. Наиболее употребительными стилистическими приемами, получившими реализацию в проанализированных объявлениях, являются парадокс и аллюзия.

Ключевые слова: модальность; комическая модальность; стилистические приемы; современные объявления.

STYLISTIC DEVICES FOR THE CREATION OF COMIC MODALITY ON THE MATERIAL OF MODERN NOTICES

The article examines stylistic devices used to create comic modality in notices in the English and Russian languages. The most frequent stylistic devices are antinomy and allusion.

Key words: modality; comic modality; stylistic devices; modern notices.

При широком разнообразии средств привлечения внимания (как лингвистической, так и нелингвистической природы) к сообщению модальность, в частности комическая модальность, отличается высокой эффективностью. В связи с этим вопросы создания и особенности функционирования модальности до сих пор представляются актуальными, несмотря на долгую историю исследования данного лингвистического явления, истоки которой уходят к Протагору из Абдеры [1].

По определению Т. Ф. Ефремовой, *модальность* – «грамматическая категория, выражающая отношение содержания речи к действительности и выражающаяся формами наклонения глагола, интонацией, вводными словами и т.п.» [2]. Согласно Н. Ю. Павловской и А. Г. Баранову, традиционным является подход, предполагающий противопоставление объективной и субъективной модальностей [3;4]. Комическая модальность – один из подтипов субъективной модальности. О. Н. Телятникова под комической модальностью понимает «особый вид общезыковой универсальной категории модальности, выражающий оценочное суждение говорящего (пишущего) к сообщаемому с целью создания комического эффекта» [5, с. 13].

Материалом для нашего исследования послужили 120 объявлений на русском и английском языках, отобранные из источников сети Интернет, при этом объявления не должны были рекламировать что-либо.

В результате анализа было выявлено, что наиболее частотными стилистическими приемами в проанализированных объявлениях на двух языках являются парадокс (13,3 %) и аллюзия (11,7 %). Широкое использование парадоксов, например, «*Stay off the tracks they are only for trains. If you can read this you're not a train.*» 'Не подходите близко к путям, пути только для поездов. Если вы можете это прочесть, значит, вы не поезд' позволяет сделать объявление более ярким и запоминающимся, кроме того таким образом адресант нивелирует возможные отрицательные эмоции адресата на запрет. Несмотря на равное количество аллюзий в исследованных объявлениях (11,7 %), следует отметить, что только аллюзии на фильмы являются общими (отмечены в 28,6 % от общего числа аллюзий, равного 100 %), к примеру, «*No. I did not watch Game of Thrones last night. Please do not discuss it around my desk. Thanks.*» 'Нет, я не смотрел «Игры престолов» вчера. Пожалуйста, не обсуждайте это рядом с моим столом. Спасибо'. В материале на английском языке также выявлены аллюзии на другие типы произведений (28,6 %), на библейские сюжеты (28,6 %), известных личностей (14,3 %). В проанализированных объявлениях на русском языке отмечены аллюзии на нормативные документы – 28,6 % (например, «*Напоминаем выпившим водителям: ближайшие полтора года проезд на трамвае и троллейбусе – 13 рублей. Ваша Госавтоинспекция*», «*Внимание водителям! Оставляя свой автомобиль на детской площадке, тем самым вы выражаете свое согласие на использование вашего автомобиля в качестве детского инвентаря. (Если не смешно, то в ГИБДД достаточно одной фотографии для штрафа 2000 – 5000руб.)*»), организации, объекты действительности, распространенные в социуме фразы (каждая из данных видов аллюзий реализована в 14,3 % случаев от общего числа аллюзий, равного 100 %). Применение аллюзий способствует не только созданию комического эффекта, но и продуцирует чувство общности за счет апеллирования к понятным в данном обществе феноменам.

Каламбур является уникальным стилистическим приемом для проанализированных объявлений на английском языке (10 %). «*Out for a quick bite.*» (on the door of a computer store) – примерный перевод 'Вышел перекусить' (в английском языке слова *bite* и *bite* звучат одинаково, но имеют различное значение: *bite* – объем информации, хранящийся в компьютере, равный 8 битам; *bite* – небольшой прием пищи. Основная функция проанализированных каламбуров, использованных в объявлениях – развлекательная, т.е. создание комического эффекта призвано развеселить и обеспечить лучшее запоминание информации адресатом.

Менее частотным стилистическим приемом является *ирония*, которая установлена в 6,7 % проанализированных объявлений на двух языках: «*If*

you push it harder, it will print faster» (on a printer) ‘Нажмешь сильнее – напечатает быстрее’ (на принтере). Основная функция иронии, как отмечает И. Р. Гальперин – «вызвать юмористическое отношение к сообщаемым фактам и явлениям» [6, с. 132]. Однако можно выделить и другие функции. А. А. Горностаева также отмечает: «обеспечение бесконфликтного общения» и «выражение насмешки и критики» [7, с. 8].

В анализируемом материале на английском языке алогизм и трансформация фразеологизмов отмечены в 3,3 % каждый и в 1,7 % – на русском языке. Например, «*Отключение воды производится не будет. Но будет доставка картофеля мешками.* Для алогизма характерно нарушение логических связей в высказывании, за счет чего привлекается внимание и создается комический эффект.

Таким образом, наиболее частотными стилистическими приемами создания комической модальности в проанализированном материале на двух языках являются парадокс (13,3 %), аллюзия (11,7 %) и ирония (6,7 %). Уникальным для английского корпуса объявлений оказалось использование каламбура – (10 % от всех проанализированных объявлений). Применение данных стилистических приемов наряду с созданием юмористического эффекта повышает запоминаемость объявлений благодаря продуцированию ярких образов и подчеркиванию некоторой культурной общности, а также способствует уменьшению возможных отрицательных эмоций адресанта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ирмишер Й., Йоне Р. Словарь античности. М.: Эллис Лак, 1993. 704 с.
2. Модальность // Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т. Ф. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/м/модальность> (дата обращения: 01.04.2022).
3. Павловская Н. Ю. Категория модальности в современном белорусском языке: когнитивная структура, функциональный статус, средства выражения : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. Минск, 2002. 231 л.
4. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Краснодар, 1993. 180 л.
5. Телятникова О. Н. Языковые средства выражения комической модальности : на материале произведений английской художественной литературы XVIII–XXI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад. Самара, 2010. 30 с.
6. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 459 с.
7. Горностаева А. А. Ирония в английской и русской коммуникативных культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. М., 2013. 23 с.

К ФУНКЦИОНИРОВАНИЮ ЭМОТИВНЫХ КАУЗАТИВОВ

(на материале немецкого и русского языков)

В статье рассматриваются особенности выражения каузации эмоциональных состояний в немецком и русском языках.

Ключевые слова: каузация эмоциональных состояний; эмотивный каузатив; лексический каузатив; синтаксический каузатив; субъект каузации; объект каузации; результат каузации.

TO THE FUNCTIONING OF EMOTIVE CAUSATIVES

(on the material of German und Russian)

The paper is devoted to peculiarities of expression of causation of emotional states in German and Russian.

Key words: causation of emotional states; emotive causative; lexical causative; syntactic causative; subject of causation; object of causation; result of causation.

Класс так называемых *эмотивных каузативов*, т. е. глаголов, выражающих каузацию эмоциональных состояний, обладает своей спецификой по сравнению с другими средствами выражения каузативных отношений, входит в фонд эмотивных лексических средств языка, представляется, однако, недостаточно изученным, что и обуславливает актуальность дальнейших лингвистических исследований.

Материалом для настоящего исследования послужили примеры употребления эмотивных каузативов в художественных произведениях немецкого и русского языков.

В сопоставляемых языках каузация и каузируемое эмоциональное состояние могут быть выражены синтетически, т. е. при помощи лексического каузатива – глагола, совмещающего в себе значения каузативности и эмотивности (типа нем. *ärgern*, русск. *гневить*), а также аналитически, т. е. посредством синтаксического каузатива – структуры, состоящей из глагола-связки со значением каузации и результата каузации – компонента, называющего то или иное эмоциональное состояние (типа нем. *Ärger verursachen*, русск. *вызвать гнев*).

Как показывает проведенное исследование, в немецком языке широкое распространение получают как лексические, так и синтаксические эмотивные каузативы. В качестве операторов каузативной связи в немецком языке используются глаголы *auslösen*, *bringen*, *erregen*, *erwecken*, *machen*, *(ver)setzen*, *hervorrufen* и др. Результат каузации в синтаксических каузативах выражается преимущественно при помощи имени существительного (с предлогом или без) или имени прилагательного, при этом второй способ присущ только глаголу *machen*, способному в каузативном употреблении управлять и именем существительным.

В русском языке в качестве глаголов-связок выступают *приводить*, *доводить*, *вызывать*, *возбуждать*, *внушать* и некоторые другие глаголы, организующие каузативные конструкции только с именем существительным (с предлогом или без него). Однако, как показывает наш материал, в русском языке все же более употребительными оказываются лексические каузативы.

При анализе эмотивных каузативов выделяют глаголы, выражающие положительное, отрицательное и аксиологически нейтральное эмоциональное состояние. К положительной модификации эмоционального состояния относится каузация интереса, радости, восхищения и т.д., к отрицательной модификации – каузация беспокойства, тревоги, печали, страха, злости и пр. Как пишет Сюткина Н. П.: «Группа глаголов, актуализирующих нейтральную эмоциональную модификацию, выделяется скорее условно, поскольку эти каузативы не содержат оценки результата действия в своем значении, но, в зависимости от ситуации и контекста, они будут реализовывать значения либо положительного, либо отрицательного изменения эмоционального состояния» [1, с. 77].

Иными словами, к глаголам, актуализирующим нейтральное эмоциональное состояние, можно отнести каузативные глаголы-связки, способные сочетаться как с существительными, обозначающими положительные эмоции, так и с существительными, обозначающими отрицательные эмоции, что расширяет возможности их употребления. Лексические же каузативы маркированы относительно положительного или отрицательного эмоционального тона, т.к. выражение того или иного эмоционального состояния включено в их семантику.

В этой связи необходимо еще добавить, что контекст способен нейтрализовать исходное значение и реализовать противоположное значение и у лексических каузативов. Ср. следующий пример употребления русского глагола *изумить*, который обычно выражает каузацию положительного эмоционального тона, но вместе со словом *неприятно* происходит актуализация отрицательного эмоционального тона: *Сына он встретил ласково, но упорность его связи с Наташей неприятно изумила его* [2].

Некоторые исследователи ([3, с. 100–102], [1, с. 31]) рассматривают эмотивные каузативы как глаголы интерперсональной семантики, что подразумевает использование в качестве субъекта каузации исключительно

одушевленных имен существительных. Однако наш языковой материал показывает, что в данной функции используются не только одушевленные, но и неодушевленные имена существительные, называющие абстрактные сущности, события, действия и даже предметы: ... *das Kreischen und Schleifen der Maschinen und dazu das dumpfe Keuchen der Anstrengung beklemmt und erregt mich...* [4]; *Фонарь меня подбодрил, знакомое крыльцо тоже...* [5].

При этом объект каузации выражен одушевленным именем существительным или личным местоимением. Это обусловлено тем, что только одушевленные объекты могут испытывать эмоции и эмоциональные состояния. Морфологический же способ выражения каузируемого объекта зависит от эмотивного каузатива (винительный падеж, дательный падеж, предложное управление). Языковая специфика проявляется в данном случае в возможности опущения объекта в русском языке: ... *князь разозлил еще две недели тому назад; да так разозлил, что я до сих пор злюсь* [2].

С целью конкретизации характера воздействия в предложениях с эмотивными каузативами может находить свое выражение такой компонент каузативной ситуации как средство каузации, оформляемый присущими каждому языку способами. Так, в немецком языке используются предложно-именные группы с предлогами *mit* и *durch*, а также придаточные предложения образа действия: *Ich hörte überrascht zu, interessiert vor allem durch die Heftigkeit, mit der er jetzt weitersprach* [6]. В то время как в русском языке с этой целью употребляются существительные в творительном падеже или деепричастия: ... *сын огорчает его дурным своим поведением...* [2].

Кроме того, в художественных текстах широкое распространение получили инфинитные формы лексических каузативов: ... *[er] war in diesem Augenblick wie ein Kind erstaunt...* [6]; *Он был раздражен...* [2].

Таким образом, немецкий и русский языки демонстрируют большую схожесть в выражении каузации эмоциональных состояний. Расхождения наблюдаются в преобладающем использовании лексических каузативов в русском языке, в то время как в немецком языке наряду с лексическими активно употребляются и синтаксические каузативы, что объясняется, по-видимому, тенденцией к аналитизму, к которой немецкий язык тяготеет в большей мере, чем русский язык. Имеющиеся различия в морфологическом оформлении эмотивных каузативов обусловлены разными языковыми системами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе : монография. Пермь : Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2020. 176 с.

2. Достоевский Ф. Униженные и оскорбленные. URL: https://dostoevskiyfm.ru/books/unizhennye_i_oskorblennye.pdf (дата обращения: 01.09.2023).

3. *Шустова С. В.* Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход : монография. Изд-е. 2-е, испр., дополн. Пермь : Перм. гос. ун-т : Прикам. соц. ин-т, 2010. 248 с.

4. *Zweig S.* Ungeduld des Herzens. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/zweig/ungeduld/char013.html> (дата обращения: 01.09.2023).

5. *Булгаков М.* Записки юного врача. URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Bulgakov_Zapiski_yunogo_vracha.pdf (дата обращения: 01.09.2023).

6. *Hesse H.* Siddhartha. URL: <https://ebooks.boldewyn.de/Siddhartha.pdf> (дата обращения: 01.09.2023).

Куценко Н.В., к. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

доцент кафедры теории и практики немецкого языка

Kutsenko N. V., Cand. Sc. (Philology)

(Minsk, Belarus)

MSLU

Associate professor of the Department
of Theory and Practice of German

e-mail: nwkutsenko@gmail.com

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НАПОМИНАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются языковые средства выражения напоминаний в немецком языке. В процессе общения адресант реализует напоминания с эмоциональными коннотациями, позволяющими сформировать директивы различной степени настоятельности.

Ключевые слова: речевые акты; директивность; эмоциональные коннотации; степень настоятельности; языковые средства.

LANGUAGE MEANS OF EXPRESSING REMINDERS IN GERMAN

The article discusses the linguistic means of expressing reminders in German. In the process of communication, the addressee implements reminders with emotional connotations that allow the formation of directives of varying degrees of urgency.

Key words: speech acts; directionality; emotional connotations; degree of urgency; language means.

В немецкой лингвистике напоминание относится к директивным речевым актам с разноплановой семантикой [1, 2]. Такой речевой акт может иметь «ярко выраженный директивный потенциал, однако может иметь и другую интенцию, выступая как средство поддержания коммуникации, выражения заботы, а также недовольства» [1, S. 35–36].

Задачей данного исследования является рассмотрение семантики и средств выражения напоминания в немецком языке.

Материалом для анализа послужили 94 высказывания, отобранные из немецкоязычных фильмов и аудиокниг. Данные примеры можно было квалифицировать как напоминания со скрытым побуждением.

Рассмотрение практического материала показывает, что напоминание может быть выражено различными способами, при этом решающим

фактором при разграничении различных типов напоминаний является наличие эмоционального компонента в высказывании, который определяет степень настоятельности имплицитного побуждения.

Максимальным директивным потенциалом обладает напоминание, содержащее эмоциональную коннотацию возмущения (9 % примеров), например:

Wie konntest du vergessen, das Geschenk für Anna zu kaufen? ‘Как ты мог забыть купить подарок для Анны?’

Высказывание с возмущением говорящего можно трансформировать в побудительное высказывание *Du sollst das Geschenk für Anna kaufen.* (Ты должен купить подарок для Анны.)

Коннотации возмущения в выборке реализуется различными грамматическими средствами – восклицательными, повествовательными и вопросительными структурами: *Das ist empörend!* ‘Это возмутительно!’, *Es ist schrecklich.* ‘Это ужасно.’, *Ich habe das nicht von dir erwartet!* ‘Я от тебя этого не ожидал!’, *Wie hast du das gemacht?* ‘Как ты это сделал?’, *Warum warst du wieder so unaufmerksam?* ‘Почему ты снова была так невнимательна?’. Многие из вопросительных конструкций являются риторическими обращениями (*Wie viele Mal soll ich dir sagen, dass...?* ‘Сколько раз я должен тебе говорить...?’; *Wie könnte das wieder passiert sein?* ‘Как это снова могло случиться?’; *Wann wirst du aufhören...?* ‘Когда ты перестанешь...?’; *Wie kann man so handeln?* ‘Как можно так поступать?’)

В рассматриваемых высказываниях языковыми маркерами негативных эмоций являются лексические средства (*empörend, schrecklich, wieder gemacht, unaufmerksam*), которые и реализуют побуждения высокой степени настоятельности.

Меньшая степень настоятельности содержится в речевых актах напоминания, выраженных в форме упрека (14 %), например:

Wieder hast du die Hausaufgaben vergessen? Du machst deine Hausaufgaben nicht, und dann bekommst du schlechte Noten. ‘Ты снова забыл про домашнее задание? Ты не делаешь домашние задания, а потом получаешь плохие оценки.’

Упрек показывает отношение говорящего к поведению коммуниканта, в данном случае это недовольство родителей успеваемостью ребенка. Такие структуры являются оценочными речевыми актами с аксиологической модальностью. Сочетание вопросительной и повествовательной структур формирует настоятельное побуждение изменить поведение.

Упрек в речевых актах выражается повествовательными высказываниями (*Du hast dein Wort wieder nicht gehalten.* ‘Ты снова

не сдержал свое слово.’; *Du verspätetest dich wie immer.* ‘Ты опаздываешь, как всегда.’; *Du verlierst wieder so viel Zeit.* ‘Ты снова теряешь так много времени.’; *Wieder hast du nicht alles gekauft.* ‘Ты снова не все купил.’), высказываниями с оценочными лексемами (*Das hast du schlecht gemacht.* ‘Это ты сделал плохо.’; *Das war übertrieben.* ‘Это преувеличено.’; *Du bist nicht vorsichtig.* ‘Ты неосторожен.’), а также указанием на неоправданность ожиданий (*Ich hätte gedacht, du tust was Nützliches.* ‘Я думала, ты займешься чем-то полезным.’; *Ich erwartete, ...* ‘Я ожидал, что ...’, *Das war übertrieben.* ‘Это было слишком ...’).

Анализ выборки показывает, что напоминание может быть также выражено без сильных эмоциональных коннотаций (71 % примеров). Такое напоминание характеризуется небольшой степенью настоятельности, поскольку здесь адресант не оценивает факты, а стремится напомнить слушающему о необходимости выполнить какие-либо действия, например:

Hast du nicht vergessen, die Blumen zu gießen? ‘Ты не забыла полить цветы?’

Такого рода напоминания обычно не вызывают конфликта. Коммуникант в большинстве случаев выполняет действие или указывает причину невозможности его реализации. Как правило, подобные напоминания выражаются вопросительными структурами, которые можно считать конвенциональным, традиционным средством их реализации (*Darf ich dich daran erinnern...?* ‘Могу я тебе напомнить...?’; *Erinnerst du dich...?* ‘Ты помнишь, что?’; *Darf ich dir noch einmal sagen?* ‘Могу я тебе еще раз сказать?’). В некоторых случаях такую функцию выполняют повествовательные структуры (*Ich hoffe, du hast nicht vergessen.* ‘Я надеюсь, ты не забыл’; *Ich muss dir noch einmal sagen.* ‘Я должен тебе еще раз сказать’; *Ich glaube, du willst noch...* ‘Я полагаю, ты еще хочешь...’).

Иногда в выборке встречаются напоминания с высокой степенью имплицитности (6 % примеров), когда говорящий испытывает некоторое смущение из-за того, что необходимо напомнить собеседнику о его действии, например:

Danke, dass du gestern so gutherzig warst. ‘Спасибо, что ты вчера была так добра’.

В данном случае собеседница не хочет открыто напоминать об обещанной накануне помощи и использует имплицитную структуру, на первом плане – благодарность за предложенную помощь.

Таким образом, напоминание в немецком языке представляет собой речевой акт с достаточно большим директивным потенциалом. Степень настоятельности может варьироваться при этом от достаточно

категоричного побуждения до имплицитной просьбы. Среди рассматриваемых высказываний выделяются напоминания с экспликацией возмущения, упрека, напоминания без эмоциональных коннотаций или же с высокой степенью имплицитности. Для выражения данного речевого акта используются грамматические средства – вопросительные, повествовательные и восклицательные структуры, а также лексические средства, прежде всего маркеры эмоциональности и оценочности. Многие из таких структур являются конвенциональным средством выражения напоминания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pelz H.* Linguistik : eine Einführung. 5. Aufl. Hamburg : Hoffmann u. Campe, 2000. 351 S.

2. *Sandig B.* Textstilistik des Deutschen. 2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2006. 584 S.

Кушнерук Н.Н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

преподаватель кафедры теории и практики немецкого языка

Kushneruk N.N.

(с. Minsk, Belarus)

MSLU

Lecturer of the Department of Theory and Practice of German

e-mail: natali.kushneruk00@mail.ru

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

(На материале поэмы «Песнь о Нибелунгах»)

В статье рассматриваются особенности структуры, семантики, а также частотные характеристики посессивных конструкций, выявленных в текстовых фрагментах средневерхненемецкой эпической поэмы «Песнь о Нибелунгах», устанавливаются возможные факторы, влияющие на выбор средств того или иного типа посессивности.

Ключевые слова: посессивная конструкция; атрибутивная посессивность; предикативная посессивность; посессивные отношения.

MEANS OF REALIZATION OF THE CATEGORY OF POSSESSIVENESS IN THE GERMAN LANGUAGE (Based on the Material of the Poem "The Song of the Nibelungs")

The article is focused on the structural features, semantics and frequency characteristics of possessive constructions identified in the text fragments of the Middle High German epic poem "The Song of the Nibelungs", possible factors influencing the choice of means of a particular type of possessiveness are established.

Key words: possessive relations, possessive construction, attributive possessiveness, predicative possessiveness.

Категория посессивности представляет собой сложную по содержанию семантическую категорию, в рамках которой могут рассматриваться разнообразные отношения – отношения родства, партитивности, обладания (временного или постоянного) и целый ряд других [1, с. 10].

Исследование категории посессивности на материале текстов отдаленных от нас эпох представляется актуальным, поскольку «развитие

отношений посессивности определяет появление в обществе зачатков собственности» [2, с. 7].

Функционально-семантическое поле (ФСП) посессивности имеет бинарную структуру, определяющуюся двумя типами посессивных функций и, соответственно, двумя типами языковых средств – предикативными и атрибутивными конструкциями [3, с. 101].

Материалом исследования являются текстовые фрагменты средневерхненемецкой эпической поэмы «Песнь о Нибелунгах» (1190–1200 вв.). Общий объём исследуемого материала составил 4368 словоупотреблений. В результате анализа было отобрано 170 посессивных конструкций, которые были распределены на 2 группы: атрибутивные и предикативные посессивные конструкции.

Выявлены *атрибутивные посессивные* конструкции со значениями:

1) межличностные отношения:

а) родственные отношения: *eins vil küenen recken wîp* ‘великого рыцаря жена’, *des starchen Sifrides wip* ‘мужественного Зигфрида жена’, *die edelen brvder min* ‘благородные братья мои’, *des uebeln tivelv brvt* ‘злого дьявола невеста’, *des künic Guntheres wîp* ‘короля Гюнтера жена’;

б) дружеские отношения: *geselle sin* ‘друг его’, *die sînen triutinne* ‘его подруга’;

в) ассоциативные отношения: *fuer iuwer geste* ‘для ваших гостей’.

Установлено, что в реализации данного типа посессивных отношений в атрибутивной конструкции наряду с притяжательным местоимением в пре- или постпозитивном употреблении к имени существительному используется генитивные конструкции. Отмечено употребление объекта обладания в постпозиции к генитивному сочетанию, а также его расширение за счет определений, указывающих на дополнительные признаки и характеристики.

2) партитивные отношения (часть – целое):

а) конструкции, в которых посессор выражен неодушевленным существительным: *chom ûz dem mvnster* ‘площадь Мюнстера’;

б) конструкции, выражающие отношения неотчуждаемой принадлежности, содержащие лексемы, называющие внутренние органы и части тела человека (одушевленный посессор): *ir rosen rotiv varwe* ‘ее нежная кожа’, *houbet sin* ‘голову его’.

3) отношения свойства, качества, признака: *ir vil hochgemvte* ‘ее гордыня’, *ir minne* ‘ее любовь’, *den sînen starchen haz* ‘его сильной ненависти’.

4) сочетания с предметными именами, где посессивная группа включает скрытый предикат, указывающий на принадлежность (отношения собственности) или на функцию:

а) люди как собственность (поданные, слуги): *sinen dienest* ‘его прислуге’, *ir chamæraer* ‘его казначей’, *alle Prvnnhilde man* ‘Брюнхильды дружина’, *'s kueneges man* ‘короля вассал’;

б) одежда или военное снаряжение: *ir vil scharpffen waffen* ‘их острые мечи’, *ir sciff* ‘их корабль’;

в) территория как собственность: *dâ zen Bûrgonden* ‘страна Бургундов’, *ir lant* ‘ее подвластная территория’, *Étzélen lant* ‘государство Этцеля’.

5) субстантивированные словосочетания с посессивами, которые содержат в себе скрытый непритяжательный предикат (конструкции, передающие отношения, которые лежат на периферии посессивного поля):

а) отношения темпоральной принадлежности: *in siner jugende* ‘в своей молодости’, *an ir endes zît* ‘до ее смерти’;

б) отношения пространственной или локальной принадлежности: *von Tronege Hagene* ‘из Тронье Хаген’, *Volkêr von Alzeze* ‘Фолькер из Альца’.

б) конструкции, выражающие отношения агентивности: *ir willen* ‘ее желания’, *sinen sælden* ‘его судьбе’.

В результате количественной обработки данных, было выявлено, что высокой частотностью в средневерхненемецкий период отличаются атрибутивные посессивные конструкции со значением «межличностные отношения» (43 %), и, соответственно, низкой частотностью – посессивные синтагмы со значением «агентивные отношения» (3 %).

Выявленные и проанализированные *предикативные посессивные* конструкции распределяются следующим образом:

а) конструкции с глаголом статического обладания «haben»: *ich han selbe siden* ‘у меня есть шелк’, *ich han einen man* ‘у меня есть муж’;

б) конструкции с глаголами динамического обладания «erhalten» и «gebären»: *do si div swert gewnnen* ‘когда они мечи получили’, *daz ich ie gewan den sun* ‘что я родила сына’.

Установлено, что в реализации предикативной посессивности участвуют предикативные конструкции в равной степени как с глаголами статического обладания, так и с глаголами динамического обладания, между тем конструкций с глаголами, уточняющими способ приобретения собственности, не было выявлено.

Количественная обработка данных позволяет сделать вывод, что в средневерхненемецкий период наиболее широкое представление в письменных текстах находят атрибутивные посессивные конструкции (97 %).

Специфика выбора средств выражения предикативной и атрибутивной посессивности в данный период развития немецкого языка может зависеть от жанровой принадлежности текста. Исследуемый письменный памятник относится к поэтическому эпическому жанру, в котором текст подчиняется определенным правилам ритма и рифмы. Кроме того, описание родственных отношений, характеристика героев с точки зрения их внешности, социального статуса обуславливает более частотное использование атрибутивных конструкций с преобладанием притяжательного местоимения при одушевленном посессоре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Едыгарова С. В.* Категория посессивности в удмуртском языке : дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 2010. 290 л.
2. *Краснощеков Е. В.* Возникновение и развитие категории посессивности : монография. Чебоксары : Среда, 2019. 84 с.
3. *Бондарко А. В.* Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб. : Наука, 1996. 230 с.

Лавринович Н.В.
(г. Минск, Беларусь)
БГПУ им. М. Танка
преподаватель кафедры иностранных языков

Lavrinovich N.V.
(Minsk, Belarus)
BSPU named after M. Tank
Teacher of the Department of Foreign Languages
e-Mail: lanaria@tut.by

**АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ
КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ КОСВЕННОГО ОТКАЗА
(на материале немецкого языка)**

Рассматривается альтернативное предложение как способ реализации косвенного отказа на материале художественных текстов немецкого языка. Выявляются его прагматические особенности.

Ключевые слова: косвенный отказ; альтернативное предложение; средства выражения отказа; прагматика; немецкий язык.

**ALTERNATIVE PROPOSAL AS A WAY TO IMPLEMENT INDIRECT
REFUSAL (BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)**

An alternative proposal as a way to implement an indirect refusal is considered on the material of the German language. Its pragmatic features are revealed.

Key words: indirect refusal; alternative proposal; means of expressing refusal; pragmatics; German.

Использование косвенных отказов в процессе коммуникации – достаточно частое явление. Ввиду своей усложненной бинарной иллокутивной структуры косвенное высказывание реализует помимо отказа и другие иллокуции, воздействующий потенциал которых задает определенную прагматическую направленность отказу. В фокус исследовательского интереса данной работы попадает альтернативное предложение как способ выражения косвенного отказа. В коммуникативной ситуации отказа альтернативное предложение является репликой-реакцией на поступившее предложение собеседника. В таком случае отказ, сигнализирующий о непринятии побудительной интенции собеседника, имплицирован в контрпредложение и обусловлен спецификой подобного высказывания.

В целом, сущность иллокуции предложения заключается в том, что «отправитель информации стремится побудить партнера по коммуникации к совершению каких-то совместных действий, либо поступков» [1, с. 79]. В потенциально конфликтной коммуникативной ситуации данная

особенность высказываний со значением предложения приобретает особую актуальность, так как их направленность на сотрудничество способствует смягчению травматического действия отказа, не наносит урон имиджу участников общения, тем самым способствуя сохранению коммуникативного баланса.

Как показывает анализ исследовательского материала, в ряде случаев использования альтернативного предложения в ситуации отказа говорящий лишь частично отказывается от предложения партнера по коммуникации, внося в интенцию собеседника определённые поправки с учетом своих личных предпочтений и убеждений. Например: „*Wir sollten wieder ein paar Leute einladen. Ein Frühlingsfest. Was meinst du, Joschi?*“ „*Wie wäre es denn mit einem Fest zur Sommersonnenwende? Der Frühling ist nun schon vorbei*“, sagte er. „*Sommersonnenwendefest ist auch ganz hübsch*“, gab ich zu. «Нам следует еще раз пригласить пару человек. Весенний праздник. Что ты думаешь, Йоши?» – «А как насчет праздника в день летнего солнцестояния? Весна же уже закончилась». «Праздник летнего солнцестояния тоже очень хорошая идея», – согласилась я.’

В вышеприведенном фрагменте альтернативное предложение инициатора отказа *Wie wäre es denn mit einem Fest zur Sommersonnenwende?* ‘А как насчет праздника в день летнего солнцестояния?’ строится посредством широко употребляемой лексико-семантической конструкции – вопросительное слово *wie* ‘как’ + глагол *sein* ‘быть’ (*wäre*) в форме сослагательного наклонения Konjunktiv II + предлог *mit* ‘с’ с последующим встречным предложением. Произнесенный вежливым тоном, такой косвенный отказ демонстрирует внимательное отношение к собеседнику и его мнению. Это стимулирует партнера по коммуникации к совместному размышлению и принятию компромиссных решений, позволяя модифицировать его первоначальное намерение. Далее следует обоснование встречного предложения, что дополнительно позволяет нивелировать негативные последствия отказа.

В следующем примере косвенный отказ реализуется при помощи лексемы *lieber* ‘лучше’, информирующей о предпочтениях говорящего. Например: „*Vielleicht noch eine kleine Milch?*“ „*Lieber ein Glas Wasser*“, sagte Ossi. «Может быть, немного молока?» «Лучше стакан воды», – сказал Осси.’

В ходе исследования также установлено, что нередко встречное предложение в качестве средства реализации косвенного отказа может содержать переадресацию действий собеседника. При дружественных, позитивно окрашенных взаимоотношениях данная форма косвенного отказа способствует смягченному, бесконфликтному ведению коммуникации. Например: „*Lies es mir vor!*“ „*Lies selbst, ich bring's dir mit.*“ ‘«Почитай мне!» «Почитай сама, я тебе ее принесу».’

Однако в определенных коммуникативных условиях альтернативное предложение может проявлять обратный прагматический эффект – усугублять неприятную ситуацию отказа. Так, в психологически

напряженной обстановке подобное встречное предложение автора отказа может озадачить и расстроить собеседника ввиду переориентации его коммуникативного намерения. Например: „*Kann ich ein Frühstück haben?*“ *sagte ich. „Mach es dir selbst.“ sagte Mama ärgerlich.* ‘«Можно мне завтрак?» – сказал я. «Сделай себе его сам», – сердито сказала мама.’

В вышеприведенном фрагменте в ответ на просьбу ребенка его мама реагирует отказом, имплицитно вводя во встречное предложение *Mach es dir selbst* ‘Сделай себе его сам’. Альтернативное предложение выражается при помощи повелительного наклонения, автор отказа при этом не прибегает к каким-либо смягчающим средствам. Интонация и тональность общения (*ärgerlich* ‘сердито’) усиливают напряженность обстановки и увеличивают категоричность и резкость отказа.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что альтернативное предложение является одним из достаточно привлекательных способов реализации косвенного отказа, так как демонстрирует готовность автора отказа к кооперации и поиску компромиссного решения, несмотря на некоторые разногласия в интересах. Говорящий, отказывая собеседнику, предлагает альтернативу, которая может удовлетворить интересы обеих сторон. Подобный косвенный отказ зачастую обладает митигативным потенциалом и способствует поддержанию коммуникативного равновесия. Однако в ряде случаев альтернативное предложение при определенных коммуникативных условиях не только не смягчает негативные последствия отказа, но и, напротив, может послужить причиной повышения категоричности отказа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рыженкова С. Н.* Прагматическая вариативность и ее реализация в тексте (на материале немецкого политического дискурса) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Минск, 2004. 114 л.

Леус А.М., к. педагог. наук
(г. Минск, Беларусь)
МГЛУ

доцент кафедры фонетики и грамматики немецкого языка

Leus A.M., Cand. of Sc. (Pedagogic)
(Minsk, Belarus)
MSLU
Associate Professor of the Department
of Phonetics and Grammar of German
e-mail: leus.mglu@gmail.com

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В ГАЗЕТНЫХ СТАТЬЯХ (на материале немецкого языка)

Цель статьи заключается в представлении выявленных способов передачи чужой речи в немецкоязычных газетных статьях. Основное внимание уделено рассмотрению особенностей их функционирования.

Ключевые слова: чужая речь; газетная статья; способы передачи чужой речи; прямая речь; косвенная речь

WAYS OF RENDERING FOREIGN SPEECH IN GERMAN NEWSPAPERS

The purpose of the article is to present the ways of rendering foreign speech in newspaper articles. The study focuses on the consideration of the features of their functioning in the German-speaking context.

Key words: foreign speech; newspaper articles; ways of rendering foreign speech; direct speech; indirect speech.

Чужая речь неизменно вызывает научный интерес у исследователей-лингвистов, поскольку используется в текстах разных функциональных стилей и в том числе газетных статьях. Аналитическая газетная статья содержит, как правило, мнения, оценку компетентных лиц, что предполагает необходимость выбора автором статьи наиболее приемлемого для него способа передачи элементов чужой речи. Чужая речь – это не что иное как высказывание других лиц, которое автор включил в свое произведение [1]. Традиционно выделяют следующими способами передачи чужой речи – прямую, косвенную и несобственно-прямую речь. Как показал анализ газетных статей, отобранных методом сплошной выборки из немецких изданий *Frankfurter Allgemeine Zeitung* и

Focus, размещенных в свободном доступе в сети Интернет, способами передачи чужой речи в данном корпусе примеров выступают прямая и косвенная речь. Несобственно-прямая речь не выявлена.

Прямая речь определяется как «воспроизведение высказывания от имени того лица, которым оно было сделано, сопровождаемое авторскими словами» [2, с. 227]. При этом сохраняются все языковые характеристики исходного высказывания. Использование данного способа передачи чужой речи в газетных статьях нацелено на повышение объективности излагаемой в публикации информации.

Прямая речь по отношению к авторской речи может располагаться в препозиции, в постпозиции и в интерпозиции. В результате анализа было установлено, что преобладает препозиция (50 %), далее следуют постпозиция (35 %) и интерпозиция (15 %).

Приведем пример авторской речи: *Malewski schrieb bei Instagram: „Ich bin gerade sehr durch den Wind und nur am Weinen. Ein sehr großer Traum ist zerplatzt“. (/) „Wir mussten nach den schweren Verletzungen in einer neuen Realität arbeiten“, monierte Cheftrainer Gerben. (/) „Der Coach hat in eineinhalb intensiven Jahren einen guten Job gemacht“, sagte DTB-Sportdirektor Thomas Gutekunst. „Natürlich sind wir sehr enttäuscht, aber es gibt keine Vorwürfe“.* Слова автора в предложениях с прямой речью содержат указание на то, кому принадлежит высказывание, они могут пояснять условия, при которых была произнесена чужая речь, давать ей оценку. Например: *„Das war viel zu gefährlich“, sagte McLaren-Pilot Lando Norris nach der brutalen Qual von Qatar.*

Среди глаголов, вводящих прямую речь, были выделены глаголы речи *sagen, beschreiben, melden, erklären* и др.; глаголы со значением внутреннего состояния чувств *beklagen, monieren, zweifeln* и др.; глаголы мысли *denken, glauben, resümieren* и т.д. При этом глаголы речи, как показал анализ, являются в газетных статьях наиболее употребительными. Также было зафиксировано частичное использование прямой речи. Например: *Der Vorstandsvorsitzende sprach von einem „schwierigen Prozess“, ein Vorstandskollege von einer „Zäsur in der Geschichte des Unternehmens“.*

Косвенная речь «обычно передает только содержание чужого высказывания, не воспроизводя его дословно» [2, с. 103]. Данный способ используется авторами газетных статей для того, чтобы, с одной стороны, обеспечить объективность предоставляемой информации за счет указания источника этой информации, например: *SPD-Chef Wolfgang Tiefensee.* С другой стороны, при помощи косвенной речи журналист выражает собственную позицию, поскольку трансформирует исходное высказывание, представляя читателю переработанную речь. *Der Ko-Vorsitzende Andreas Lichert sagte, dass die Fraktion über die benötigten Sitze im Parlament verfüge.*

Косвенная речь служит также для свертывания информации, выделения наиболее важной, по мнению автора статьи, мысли. Например: *Nienhaus sagt, jetzt komme es darauf an, dass die Technologien und Konzepte so eingesetzt werden, dass sie nicht in die falsche Richtung gingen.*

Оформление косвенной речи, как одного из способов передачи чужого высказывания, не является таким одноплановым, как у прямой речи. Оно представляет собой систему синтаксических и морфологических средств. Доминантой в газетных статьях является бессоюзное предложение, так как чужая речь часто состоит из сложного предложения с несколькими грамматическими основами или из нескольких предложений. Например: *Seit 1945 sei die Lage im Land nicht mehr so gefährlich gewesen, sagte der Geheimdienstchef der Polizei Mittelschwedens, Jale Poljarevius. Und: Es gebe keine Anzeichen dafür, dass die Gewalt bald aufhören werde.* Несколько реже встречается придаточное дополнительное предложение с союзами *dass, ob* и союзными словами. Например: *Nachdem Ende September in zwölf Stunden drei Menschen ermordet worden waren, kündigte die Regierung an, dass das Militär die Polizei im Kampf gegen die Gewalt unterstützen solle.* При помощи модальных глаголов *wollen* и *sollen* автор статьи стремится не только передать чужую речь, но и выразить свое отношение к высказыванию, содержащее некоторое сомнение в его истинности. Например: *Der Fed-Vorsitzende Powell will mit dem Drucken von Geld aufhören. / Nach Informationen der Deutschen Presse-Agentur vom Mittwoch soll es um den sogenannten Deutschlandpakt gehen.*

В косвенной речи газетных статей употребляются преимущественно формы конъюнктива. Однако конъюнктив в данном случае не имеет модального значения, которое свойственно ему в других функциях, т.е. он не характеризует высказывание с точки зрения реальности или нереальности. Используя конъюнктив, автор делает попытку дистанцироваться от содержания высказывания и не берет на себя ответственность за подлинность излагаемого.

Если косвенная речь оформляется в виде особого рода бессоюзного предложения, то в этом случае конъюнктив является единственным признаком подчинения, т.е. косвенной речи, например: *Am Dienstag teilte die Verbraucherzentrale Hamburg mit, sie werde im Streit mit der Commerzbank um deren Negativzinsen, in dem sie vor dem Oberlandesgericht Frankfurt eine Niederlage erlitten hatte, vor den Bundesgerichtshof (BGH) ziehen.* В таком типе придаточного предложения спрягаемая часть глагола-сказуемого стоит на втором месте, как в самостоятельном предложении. Придаточные подобного рода могут образовывать «целые» предложения.

Несмотря на то, что одним из основных отличительных признаков косвенной речи в газетных статьях является конъюнктив, встречаются

в косвенной речи и формы индикатива. Они используются прежде всего, в тех случаях, когда автор статьи не имеет причин дистанцироваться от содержания сообщения, так как речь идет об установленных фактах и объективных условиях и, где воспроизведение речи в достаточной мере обозначается другими средствами. Например: *Zuvor hatten RTL/ntv über das Treffen berichtet, dort war die Rede von einem Krisengipfel zum Thema Migration.*

Таким образом, в результате анализа газетных статей было установлено количественное преобладание использования косвенной речи (67%). Прямая речь оказалась менее репрезентативной, но достаточно распространенной (33%).

Использование косвенной и прямой речи в газетных статьях является их жанровой особенностью, которая обусловлена тем, что основным источником информации в статье выступают данные, полученные из других источников и подлинность такой информации является ключевым моментом для автора газетной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словари и энциклопедии на Академике. 2010. URL: https://lingvistics_dictionary-academic.ru/4898/чужая_речь (дата обращения: 12.09.2023).

2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М. : Просвещение, 1985. 399 с.

Лущинская О.В., д. филол. н.
(г. Минск, Беларусь)
МГЛУ
проректор по научной работе

Luschinskaya O.V., Dr of Sc. (Philology)
(Minsk, Belarus)
MSLU
Vice-rector for research work
e-mail: o.lushchinskaya@mslu.by

МЕДИАТЕКСТ КАК СИСТЕМНАЯ ЕДИНИЦА МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА

В материале рассматривается медиатекст, выступающий системной единицей такого институционального типа дискурса, как медийный дискурс. Кратко описываются основные характеристики медиатекста, функционирующего в сфере журналистики, главным образом, в конвергентных средствах массовой коммуникации.

Ключевые слова: медийный дискурс, единицы дискурса, медиатекст, журналистика, конвергентные средства массовой коммуникации.

MEDIA TEXT AS A SYSTEM UNIT OF MEDIA DISCOURSE

The material examines a media text that acts as a system unit of such an institutional type of discourse as media discourse. The main characteristics of a media text operating in the field of journalism, mainly in convergent media, are described briefly.

Key words: media discourse, units of discourse, media text, journalism, convergent media.

В научной литературе выделяются разные группы единиц дискурса. Так, В.Б. Кашкин определяет, с одной стороны, *единицы устного модуса дискурса*, к которым относит речевой акт; высказывание; реплику, ход; диалогическое единство; коммуникативный эпизод и коммуникативное событие. С другой стороны, автор определяет *письменный модус дискурса*, в рамках которого функционируют следующие его единицы: речевой акт; фраза, предложение; сверхфразовое единство; абзац; текст [1]. Данные единицы распределяются, соответственно, по уровням членения дискурса: дотекстовый, минимальный, тактический, оптимальный, топикальный и стратегический.

В.В. Красных к единицам дискурса относит текст и считает его основной единицей. В то же время ученый выделяет и ментефакт как единицу содержания сознания [2].

В научных работах многие исследователи называют и изучают текст как единицу дискурса. По мнению Ю.В. Дорофеева, «описание текста как единицы дискурса предполагает его функциональную характеристику, то

есть определение того, какую функцию текст выполняет и как его структура и содержание связаны с его назначением» [3, с. 894]. Соответственно, далее пишет автор, выступая единицей дискурса, текст «представляет собой систему, возникновение которой обусловлено: 1) его функцией; 2) наличием предыдущего высказывания, ответом на который служит данный текст; 3) возможностью появления (или наличие) последующего высказывания, отправной точкой для возникновения которого послужил (прямо или косвенно) анализируемый текст» [3, с. 897].

В настоящей работе мы также рассмотрим текст, а точнее, *медиа́текст*, выступающий системной единицей такого институционального типа, как медийный дискурс. Отметим, что медийный дискурс представляет собой отдельный институциональный тип, имеющий свои характеристики, признаки, параметры, специфику, ценности и др., цель которого заключается в передаче информации, отражении событий окружающей действительности в сообщении и в осуществлении обратной связи между коммуникантами.

Благодаря появлению информационных технологий, развитию интернет-журналистики и, как следствие, возникновению конвергентных средств массовой коммуникации (новых медиа), традиционный журналистский текст изменяется и трансформируется именно в медиа́текст, приобретая таким образом иные формальные и содержательные черты, функции и др.

Прежде чем остановиться на понятии *медиа́текст*, обратимся к онтологическим характеристикам дефиниции *текст*. Данный феномен трактуется как цельный, связный и завершённый коммуникативный продукт, обладающий смысловым единством, тематической направленностью, определенной структурой. В классическом определении, предложенном И. Р. Гальпериным, текст представляет собой письменное сообщение, реализованное в виде письменного документа и состоящее из ряда высказываний, которые объединены разными типами лексической, грамматической и логической связи; имеющее определённый моральный характер, прагматическую установку и литературно обработанное [4]. Как справедливо указывает В. И. Ивченков, «в XX веке ученые не пришли к единому подходу в определении текста. Тогда как сегодня это понятие требует нового осмысления и четкого разграничения аспектуальных свойств в комплексе всех его проявлений» [5, с. 74]. Наряду с лингвистическим подходом к тексту выделяется и культурологический, согласно которому он (текст) рассматривается в разрезе культуры, эпохи, истории. Каждый текст содержит информацию о периоде того времени, когда он появился. По-другому, его понимание выходит за рамки лингвистического толкования.

С учетом того, что сегодня понятие текста расширяется, изменяется, преобразуется, приобретает новые смысловые оттенки, в области журналистики используется не просто «текст», а «медиа́текст». Данное понятие применяется и в коммуникативистике, теории журналистики,

социологии и других дисциплинах для описания реальности массовой коммуникации и масс медиа в современном обществе. Однако в качестве обобщающего термина медиатекст закрепился именно за текстами массовой коммуникации [6].

В качестве ведущих признаков медиатекстов выделяются *медийность*, как воплощение текста с помощью разных медиасредств, его обусловленность форматными и техническими возможностями канала; *массовость*, и в сфере создания, и в сфере потребления медиапродуктов; *интегративность* (поликодовость) текста, предполагающая объединение в единое коммуникативное целое различных семиотических кодов, а также *открытость текста* [6]. Медиатекст представляет собой динамическую сложную единицу высшего порядка, в структуру которой входят не только вербальные единицы, но и графическое изображение, видеоряд, аудиоматериал и др., что влияет на формирование картины мира человека через печатную прессу, интернет и др. различные медийные жанры [7].

В конвергентных СМК медиатекст – это коммуникативный продукт, включающий как вербальный компонент (текстовую реализацию сообщения), так и невербальные составляющие (визуальный, иллюстративный материал) и использующий в своем содержании элементы разных способов / каналов передачи информации (видео- или аудиотрансляция контента). В электронных средствах массовой коммуникации по-разному репрезентируются вербально-изобразительные и мультимедийные средства: в каких-то из них акцент больше сделан на текстовую составляющую, в других, наоборот, применяются разнообразные визуальные и мультимедийные технологии наряду с текстом. В данном случае правомерно говорить о свойстве и степени *креолизации* медиатекстов.

Медиатекст характеризуется устойчивой системой параметров, включающих способ производства текста (авторский или коллегиальный); форму создания и форму воспроизведения (устную или письменную); канал распространения (носитель определенного средства массовой информации); функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, публицистика и др.); тематическую доминанту или принадлежность к определенному устойчивому медиатопику (политика, бизнес, культура) [8, с. 55].

Таким образом, медиатекст – это не только линейная последовательность вербальных знаков, а семиотически усложненный, креолизованный мультимедийный продукт коммуникации, который, наряду с классическими характеристиками приобретает новые качества и форматы, особенности содержания и воспринимается аудиторией по-другому за счет такого процесса, как конвергенция. Это не просто сукцессивное восприятие информации, а многомерное, многовекторное, симультанное. Читатель сам выстраивает «путь» получения информации из медиатекста, двигаясь в определенном направлении, и таким образом конструирует собственный текст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кашкин В. Б.* Парадоксы границы в языке и коммуникации. Воронеж : Воронеж. гос. ун-н, 2010. Вып. 5 : Аспекты языка и коммуникации. 382 с. URL: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-107>. (дата обращения: 24.09.2023).
2. *Красных В. В.* Единицы языка vs единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 53–58.
3. *Дорофеев Ю. В.* Функциональное описание текста как единицы дискурса // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 4. С. 891–904.
4. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 139 с.
5. *Ивченков В. И.* Медиадискурс современности: стилистические приоритеты и экстралингвистические факторы // Актуальные проблемы стилистики. 2018. № 4. С. 71–76.
6. *Казак М. Ю.* Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика : коллектив. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г. Я. Солганика. М., 2012. С. 320–334.
7. *Уварова Е. А.* Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. 2015. № 5. С. 47–54.
8. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2008. 264 с.

Неборская Л. Н.
(г. Минск, Беларусь)
МГЛУ

доцент кафедры теории и практики немецкого языка

Neborskaya L. N.
(Minsk, Belarus)
MSLU

Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of German
e-mail: neborskaja@gmail.com

АФИНИТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТЕКСТАХ ПРОТОКОЛОВ ДОПРОСА «ВЕДЬМ» (1627 г.)

В данной статье анализируется явление афинитности как основная характеристика немецких юридических документов XVII в. На примере протокола допросов «ведьм» рассматриваются случаи редукции финитной части предиката, устанавливается частотность афинитных структур для данного текста, выявляются причины данного явления.

Ключевые слова: протокол, афинитность, структура, сложное синтаксическое целое, предикат, финитный глагол, усечение

AFFINITY STRUCTURES IN THE PROTOCOLS OF INTERROGATIONS OF "WITCHES" (1627)

This article presents the phenomenon of affinity as the main characteristic of German legal documents of the XVII century. On the material of the protocol of interrogations of "witches" the cases of reduction of the finite part of the predicate are considered, the frequency of affinity structures for this text is established, the reasons for this phenomenon are revealed.

Key words: protocol, affinity, structure, syntactic complex, predicate, finite element, truncation

Основной характеристикой синтаксического строя современного немецкого языка является финитность элементарного предложения, под которой понимается его обязательная двусоставность и наличие финитного глагола. Отсутствие финитной части предиката считается аномалией, а афинитная структура, соответственно, предстает «сильно маркированной в коммуникативном, жанровом и стилистическом плане» [1, с. 54].

Явлению афинитности немецкого предложения в диахронии посвящены исследования В. Г. Адмони, результатом которых стали следующие выводы: 1) массовое распространение явление усечения финитного элемента предиката приобретает в XVI–XVII вв. [2, с. 128]; 2) усечение финитной части сказуемого характерно для письменных текстов [2, с. 127]; 3) выявляется тенденция к афинитности в конечной

позиции преимущественно в придаточных предложениях [1, с. 57]. Причины распространения данных конструкций именно в письменной речи В.Г.Адмони объясняет их жанровыми особенностями. Так, например, для канцелярских текстов XIV в., а позже для юридических документов XVI в., в том числе судебных протоколов, типичной является усложненность тематического содержания, ведущая к усложнению синтаксической структуры предложения [3, с. 346], в результате чего, например, складываются «тексты с многоступенчатым и многократным подчинением, т.н. Schachtelsätze (сложные предложение большого объема с разветвленным подчинением)...» [1, с. 58]. Таким образом, одной из особенностей текстов ранненововерхненемецкого периода и начала нововерхненемецкого периода является «отсутствие однозначного соответствия между структурным и семантическим членением в рамках синтаксических единиц с границами «от точки до точки», традиционно именуемых предложениями» [4, с. 111]. Подобную цепочку элементарных предложений, объединяемых «на основе их смысловой целостности и представляющих собой некое развернутое и относительно завершенное высказывание» принято называть сложным синтаксическим целым [4, с. 111]. Кроме того, не следует исключать факт влияния на ранние немецкие документы латинских образцов, «где опущение финитного глагола в формах перфекта и плюсквамперфекта было нормой» [5, с. 86].

Исследование грамматических особенностей протокола допроса обвинённой в колдовстве жительницы Курмайнца (ныне часть территории современного Майнца) выявляет афинитные цепочки в составе сложного синтаксического целого. Представленный для анализа текст протокола содержит 16 200 печатных знаков (без пробелов), общее число сложных синтаксических комплексов - 213. Количество случаев афинитности составляет 125 структур (58%).

Во вводной части протокола при описании встречи обвиняемой с дьяволом и момента установления с ним «преступной связи» финитный элемент предиката опускается в предложениях с аналитическими формами актива и пассива – перфект (плюсквамперфект) индикатива или конъюнктива:

(1) *Anna Hanß Starcks Wittib die hebAm, Alte glöcknerin, sagt guttlichen Vnd ohne tortur, daß vor Vngefehr 14 Jahrn, **alß** ihr durch die Verstorbene Martin Sattigs Frauw **angemuttett worden**, sie soltt ein hebAm werden. **Und** sie umb vielen Anhaltens willen zu Ihr ins Hauß **komen**, hab die selbige Ernstlich angefangen: sie soltt ihr folgen, das sie ihre Kinder desto beßer ausbringen mögte. **Alß** sie nur midt ihr in die Stuben **gangen**, sey auff der Banck ein Schwartz bekleidte manß Persohn gesessen, sie **angeredt**, ob sie Ihnen haben haben woltt, er woltt ihr helfen, die Kinder ernehren. **Darauff** sie **geantwortt** Ja. **Und** Ihm die lincke Handt **geben**, **auch versprochen** mit leib Vnd Seel sein Zu sein. **Warauff** derselbe so baldt mit ihr in der Stuben Auff dem Sitzbeth **bulirt**. Sie hab Aber die Nadtur Kalt befunden. Vnd **alß** der geist von ihr **auffgestanden**, sey sie gewar worden, **daß** der selbige mann breite Kyfuß*

gehabt Vnd wieder mit Feuwr **Verschwunden**. Darauff seye die gedachte Martin Sattigs Frauw wieder zu ihr in die Stuben kommen, habs ihr verwißen. Sie aber hab sie getröst, sol zu Frieden sein, er werde ihr nichts schaden. Vber 4 tag aber sey er morgens Vor tag zu ihr in ihr hauß kommen **und gesagt**, sie soltt mit ihme zu der tauff fahrn, so balt sey Martin Sattigs Frauw auch kommen **Vnd ein offengabell Pracht**. Da hetten sie beyde weiber sich sampt dem Buehlgeist darauff gesezt **und hinauß gefahrn**, auf das Erlaß Vnd sie in der gerfPrens bey der Mühl 2 mahln Hinder Rücks ins wasser **geworffen**, **Vnd ins teuffelß nahmen gedaufft**. Darbey hedte sie godt Vnd allen seinen Heiligen Ab: und dem teufel Zu geschworn, Und hernach mahls were sie midt martin Satigs Frauwen Vnd beyden Justif weibern, der welschen Und Casper // Heimbergers Frauwen, Vf Vnd so auch bey der tauff gewesen, wieder anheimbs **gefahrn**.

Типичными можно считать случаи усечения финитного глагола в подчинительных структурах темпоральной семантики (*alß*) или сочинительных структурах со значением перечисления событий, следующих друг за другом (*darauff, warauff, und*).

Афинитность характерна для предложений с маркирующим инициальным элементом лат. *item* ‘также, так же, так же’ в основной части протокола при перечислении всех преступлений обвиняемой:

(2) **Item Hans Stoffeln hab** sie Vor 2 Jahrn ein Mägtlein, so 2 Jahr Aldt, Auff Vorige Weiß **Vmbgebracht**. **Item** Vorm Jahr aus Vorsetzlichem Mudtwilen Michel Weickert ein mägtlein, so 14 tag altt gewesen mitt Zauberschmir an geschmirter Handt auf die Brust **getruckt**, das es in 2 tagen **gestorben**. **Item** Georg Zang eins Vor 9 Jahrn ein Söhnlein Georg gnt. im Kindtbeth Vf Vorige weiß aufs hertz **geschmirt**, das es in 8 tagen **gestorben** aus antrieb des teuffels. **Item** vor ongefehr 6 Jahrn **hette** sie Adam Rückern aus antrieb ihres buhlgeist ein töchterlein Cathrina, so 4 tag altt, auf Vorige Weiß **Vmbgebracht**; **Item** Petter Fritzen Vor 2 Jahrn ein Söhnlein Hanß genandt so 14 tag altt, **habe** demselben im Badt das Hirnschälgen **ingedruckdt**. **Item** der Fauhtin Tochter Vor ongefehr 2 Jahrn ein Söhnlein in der geburdt mit sampt der Fauhtin, Vnd welche auch selbst darZu **geholfen**, Vnd **hette** dem Kindt die Hirnschal **eingetruckt**, **hete** solches die Fauhtin Zu Vor mit ihr **abgeredt**.

Отличительной чертой данного текстового фрагмента является чередование финитных и афинитных структур, что поддерживает имплицитную двусоставность немецкого предложения, следовательно, повторение финитного глагола представляется избыточным, а его усечение не мешает пониманию смысла высказывания. При многочисленном повторении описания преступлений формируется определенная шаблонность, которая является предпосылкой для элиминации финитного глагола.

В некоторых случаях афинитность можно объяснить наличием одинакового глагола на стыке двух предложений:

(3) *Alß sie nur midt ihr in die Stuben **gangen** [sey], sey auff der Banck ein Schwartz bekleidte manß Persohn gesessen, [hab] sie **angeredt**, ob sie Ihnen haben haben woltte, er woltt ihr helfen, die Kinder ernehren.*

Однако встречаются случаи элиминации финитного глагола независимо от его типа:

(4) *Und sie umb vielen Anhaltens willen zu Ihr ins Hauß **komen** [sey], **hab** die selbige Ernstlich **angefangen**.*

Даже в комплексах с однородными структурами не одинаковые финитные глаголы подвергаются элиминации:

(5) *Da **hetten** sie beyde weiber sich sampt dem Buehlgeist darauff gesezt und [seyen] hinauß gefahrn;* (6) *... so balt sey Martin Sattigs Frauw auch **kommen** Vnd [hab] ein offengabell **Pracht**;* (7) *... daß der selbige mann breite Kyfüß **gehabt** [habt] Vnd wieder mit Feuwr **Verschwunden** [sey];* (8) *... darauf die Frauw ihe lenger Je krencker **worden** [sey], ein grossen geschwollenen Kopf **bekomen** [hab] Vnd in 3 tagen **gestorben** [sey].*

Таким образом, анализ афинитных структур в тексте протокола допроса «ведьмы» 17 века позволяет выдвинуть следующие предположения относительно их специфики:

1) Афинитные конструкции занимают в тексте протокола допроса рассматриваемого периода очень важное место и представлены в более чем половине всех т.н. сложных синтаксических комплексов.

2) Элиминация финитного глагола характерна для аналитических временных форм активного или пассивного залога и осуществляется без ущерба для передачи смысла высказывания. Также можно предположить, что усечению подвергается финитная часть формы *перфект или плюсквамперфект конъюнктив*, которые используются для маркировки чужого высказывания.

3) Элиминация финитного глагола наблюдается на стыке двух предложений в составе сложного синтаксического целого либо в конце простого самостоятельного предложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семенюк Н. Н., Бабенко Н. С. Явления синтаксической редукции (Satzkürzungen) и их функциональное развитие в немецком языке // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл : сб. ст. в честь 70-летия В. А. Виноградова. М., 2010. С. 55–59.

2. Адмони В. Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Л. : Наука, 1966. 214 с.

3. Admoni W. G. Zur Ausbildung der Norm der deutsche Literatursprache im Bereich des deutschen Satzgefüges (1470-1730). Ein Beitrag zur Geschichte des Gestaltungssystems der deutschen Sprache. Bausteine zur Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen 56/4. Berlin, 1980. S. 341–347.

4. Рудакова Ж. И. Распределение финитных и афинитных в композиционных частях сложного синтаксического целого (на материале теста немецкой газеты «Die Relation» 1609 года) // Вестник КГУ

им. Н. А. Некрасова. 2015. № 5. С. 111–114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raspredelenie-finitnyh-i-afinitnyh-struktur-v-kompozitsionnyh-chastyah-slozhnogo-sintaksicheskogo-tselogo-na-materiale-teksta>.

5. Морева А. В. Афинитные структуры в текстах предисловий в немецкоязычной литературе путешествий XVIII века // Мир лингвистики и коммуникации : электрон. науч. журнал. 2019. № 1. С. 84–103. URL: <http://www.tverlingua.ru>.

6. Hexenprotokolle in Kurmainz: Verhörprotokolle Anna Stark // Stadtarchiv Mainz Hexenprozesse in Kurmainz. URL: <http://www.hexenprozesse-kurmainz.de/quellen/stadtarchiv-mainz/die-verhoerprotokolle/anna-stark/fol-45v.html/> (accessed: 01.10.2023).

Олейник М.А., д. филол. н.

(г. Краснодар, Россия)

КубГУ

зав. кафедрой немецкой филологии

Калинина А.Г.

(г. Краснодар, Россия)

КубГУ

старший преподаватель кафедры немецкой филологии

Oleinik M.A., Dr of Sc. (Philology)

(Krasnodar, Russia)

KubSU

Head of the Department of German Philology

e-mail: kubstunigerdep2@mail.ru

Kalinina A.G.

(Krasnodar, Russia)

KubSU

Senior lecturer of the Department of German Philology

e-mail: anna_kalinina_80@inbox.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИЧАСТИЯ I И ПРИЧАСТИЯ II В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье представлена возможность анализа причастия I и причастия II немецкого языка с позиций функциональной грамматики, а именно в структуре функционально-семантических полей (ФСП). Приводится пример функционирования причастий в составе ФСП темпоральности и аспектуальности.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле; функциональная грамматика; аспектуальность; темпоральность; причастие; немецкий язык.

FUNCTIONAL-SEMANTIC CHARACTERISTICS PARTICIPLE I AND PARTICIPLE II IN THE GERMAN LANGUAGE

This article presents the possibility of analyzing participle I and participle II of the German language from the perspective of functional grammar, namely in the structure of functional semantic fields (FSF). An example of the functioning of participles as part of the FSP of temporality and aspectuality is given.

Key words: functional-semantic field; functional grammar; aspectuality; temporality; participle; German language.

Исследование функционально-семантических категорий языка получает свое развитие в середине 60-х годов XX столетия. Основы функциональной грамматики заложил А.М. Пешковский, который исходил из того, что выражением значений являются синтаксические конструкции и другие языковые единицы [3]. Теория функциональной грамматики позволила исследователям по-новому взглянуть на языковые явления.

Яркими представителями данного направления в отечественной лингвистике являются А. В. Бондарко, Т. С. Глушак, Ю. С. Маслов, М. М. Гухман и многие другие. Т. С. Глушак в своей статье «К проблеме обоснования статуса функционально-семантических категорий в языке» обращает в начале внимание на то, что «существование той или иной функционально-семантической категории определяется знанием того, что в данном языке с выражением данного значения связано взаимодействие многих, притом разноплановых, языковых явлений» и рассматривает функционально-семантическую категорию результативного состояния и соответственно поле результативного состояния [2, стр. 73]. Обязательным конституентом поля является причастие II. Вслед за исследованием Т. С. Глушак нам представляется интересным рассмотреть функциональность и семантику причастия I и причастия II в немецком языке.

Исследование причастий как в русском, так и в немецком языке, сопряжено, в первую очередь, с определением статуса причастия в языке. В обоих языках причастие определяется как гибридная форма, обладающая признаками глагола и прилагательного. Причастие представляет собой разноплановое языковое явление, включающее двусторонние содержательные формальные единства, формирующиеся грамматическими единицами, классами и категориями вместе с взаимодействующими с ними на семантической основе средствами разных уровней. Это позволяет нам рассмотреть его с позиции функциональной грамматики, которая согласно А. В. Бондарко, ориентирована «на описание закономерностей и правил функционирования грамматических форм и конструкций, взаимодействующих с единицами разных уровней языковой системы в передаче содержания высказывания» [1, с. 32].

Центральным понятием функциональной грамматики является функционально-семантическое поле (ФСП). Функционально-семантическое поле по А. В. Бондарко – это двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, которые относятся к той же семантической зоне [1].

Функционально-семантическое поле причастия в немецком языке базируется на основе грамматических категорий глагола и прилагательного, в большей или в меньшей степени на основе синтаксических конструкций, а также на различных сочетаниях морфологических и синтаксических средств. Относясь, по сути, к грамматическому строю языка, функционально-семантическое поле причастия представляет его особый аспект – семантически объединённые разноуровневые языковые элементы (с грамматической основой), образующие тот потенциал функций и средств, который реализуется в речи.

Согласно теории поля, любое функционально-семантическое поле имеет план содержания и план выражения. План выражения ФСП причастия – это формально-структурная сторона тех языковых средств, которые являются элементами данного поля. К плану содержания ФСП причастия мы относим значения этих языковых средств – грамматические, лексические, лексико-грамматические.

Причастие I и причастие II, как отглагольные образования, обладают всеми признаками глагола, а именно имеют временные значения, залоговые, выражают завершенность и незавершенность действия, т.е. имеют аспектуальную характеристику. Именно глагольные признаки причастий лежат в основе функционально-семантических полей. В рамках данной статьи представим результаты нашего исследования аспектуальных и временных характеристик причастий в немецком языке.

Согласно формальной грамматике, причастие I характеризует действие как продолжающееся, незаконченное. Но, как справедливо отмечает Т. С. Глушак, потенциал функций и средств языкового явления может полностью или по-иному раскрыться в речи. При этом хотелось бы подчеркнуть представленную в теории функционально-семантических категорий идею Т. С. Глушак о «смешанном лексико-грамматическом характере значений» [2].

(1) *Neben den vier ständig **geblähten, hängenden, Falten werfenden** oder steif und leer neben ihrem Bett **stehenden** Rücken besaß meine Großmutter einen fünften Rock* [5, S. 14] ‘Помимо четырёх постоянно **раздутых, обвисших, падающих** складками, **стоящих** колом возле её кровати юбок была у моей бабушки пятая юбка’ [4, с. 33]. Причастие I *hängenden* ‘обвисших’, *werfenden* ‘падающих’, *stehenden* ‘стоящих’ характеризуют действие как незавершенное, продолжающееся. В исследуемом фрагменте текста они используются для описания одежды бабушки персонажа и создают на протяжении всего романа образ, который не меняется до конца жизни бабушки.

На значение причастия I влияет в ряде случаев контекст либо местоположение в предложении:

(2) *Plötzlicher Eingebung **folgend**, warfen sie gleichzeitig die beiden fast vollen Kartoffelkörbe unter den Ellenbogen meiner Großmutter um ...* [5, S. 14] ‘Потом, следуя внезапному побуждению, разом опрокинули обе полные корзины, что стояли под локтями у бабки’ [4, с. 38]. В данном примере причастие I, включенное в обособленный оборот, препозитивный по отношению к сказуемому, выражает действие, с одной стороны, незавершенное, но с другой стороны, благодаря сказуемому в прошедшем времени, намекает о завершенном действии.

Причастие II, служащее для обозначения действия как завершенного, в контексте может выражать другие значения. В приведенном выше примере (1) причастие II *geblähten* ‘раздутые’ – благодаря лексеме *ständig* ‘постоянно’, не выражает завершенное действие: характеристика действия,

передаваемого причастием, актуальна для настоящего, прошлого и будущего. Временные характеристики причастий немецкого языка достаточно многообразны.

Рассмотрение функционирования причастий как конститuentов ФСП темпоральности сопряжено с исследованием их способности передавать аспектуальные значения.

Завершенность причастия II подсказывает его отношение к полю прошлого. Незавершенность причастия I говорит об отношении к полю настоящего или будущего.

Аспектуальные характеристики причастия I и причастия II, как и, темпоральные, строятся на оппозициях завершенность/незавершенность, настоящее/прошлое и наиболее ярко проявляют себя в контексте. Именно благодаря контексту функционально-семантические характеристики причастий обнаруживают свою специфику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М. : Едиториал УРСС, 2003. 208 с.
2. *Глушак Т. С., Семенова С. К.* К проблеме обоснования статуса функционально-семантических категорий в языке // Вопросы языкознания. 1980. № 2. С. 73–79.
3. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М. : Яз. славян. культуры, 2001. 544 с.
4. *Грасс Г.* Жестяной барабан. Харьков : Фолио, 1997. 654 с.
5. *Grass G.* Die Blechtrommel. Göttingen : Steidl Verl., 1993. 783 S.

Писарик О.И.
(г. Москва, Россия)
МГЛУ

младший научный сотрудник лаборатории фундаментальных и
прикладных проблем виртуального образования

Pisarik O.I.
(Moscow, Russia)
MSLU

Junior research assistant of the laboratory
for fundamental and applied issues of virtual education
e-mail: ksyfrolova93@gmail.com

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОДЪЯЗЫКА СТРОИТЕЛЬСТВА
КАК ОСОБАЯ ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ (на материале английских текстов
пояснительных записок к проектам)**

Кратко описываются результаты лингвоструктурного анализа текстов пояснительных записок на английском языке к архитектурным проектам с целью сбора аутентичного материала для создания двуязычной базы данных на платформе LMS Moodle.

Ключевые слова: подъязык строительства; терминологическая система; база данных; информационный узел; обучающая виртуальная среда; прикладная лингвистика.

**THE TERMINOLOGICAL SYSTEM OF ENGLISH FOR
CONSTRUCTION AS A SPECIAL ONTOLOGICAL BASE OF
PROFESSIONAL COMMUNICATION (BASED ON THE MATERIAL
OF ENGLISH TEXTS OF EXPLANATORY NOTES TO PROJECTS)**

There are briefly described the results of the linguistic and structural analysis of the texts of explanatory notes in English to architectural projects in order to collect authentic material for creating a bilingual database in Moodle.

Key words: sublanguage of construction; terminology system; database; information node; virtual learning environment; applied linguistics.

Динамическое развитие различных сфер деятельности человека и непрерывный научно-технический прогресс привели к необходимости разработки особой лингвистической подсистемы, способной вербализировать, сохранять, обрабатывать и передавать профессиональные знания. Таким образом, к середине XX столетия на основе общелитературного языка появились подъязыки, задача которых заключалась в обслуживании конкретных областей профессионального общения, в том числе, строительства.

Одной из главных детерминирующих черт подязыка строительства следует выделить насыщенность терминами, которые в свою очередь формируют его онтологическую базу. Терминология подязыка строительства представляет собой наиболее активно развивающуюся часть его словарного состава, в то время как морфологические и синтаксические характеристики черпаются из языка бытового и литературного общения [1, с. 928]. В данной статье кратко описываются результаты лингвоструктурного анализа текстов пояснительных записок на английском языке к архитектурным проектам, в ходе которых была выявлена степень их насыщенности терминами, а также был накоплен аутентичный материал для создания двуязычной базы данных на платформе LMS Moodle для дальнейшего ее внедрения в процесс обучения будущих специалистов-строителей.

Актуальность работы обусловлена необходимостью разработки новых средств обучения как русскому, так и английскому подязыку профессионального общения в рамках виртуальной образовательной среды.

Материалом исследования стали тексты технической документации, а именно, пояснительных записок на английском языке к архитектурным проектам, реализуемых на территории Российской Федерации в период с 2018 по 2021 гг. в объеме 316 страниц.

В качестве методов исследования были применены количественный анализ текстов и метод стратификации. Техническим инструментом для проведения анализа послужило специализированное программное обеспечение, разработанное в Лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета [2].

В процессе анализа собранного материала было выявлено, что его насыщенность терминами по отношению к общеупотребительной лексике составляет 32 %. Из этого следует, что изучение терминов является неотъемлемой частью процесса подготовки будущих специалистов-строителей, так как без должных знаний студенты не смогут корректно вести профессиональную коммуникацию. Также, следует отметить использование относительно новых терминов, описывающих процессы BIM-проектирования (англ. Building Information Modeling). Их доля в тексте составляет 9 % по отношению к общему числу терминов, что указывает на актуальность их внедрения в базу данных для дальнейшего освоения учащимися.

В дальнейшем планируется создание информационного узла – базы данных – на платформе LMS Moodle, и наполнение ее как английскими терминами из проанализированных текстов, так и их русскими эквивалентами. Подобная база данных может служить инструментом, организующим самостоятельную работу студентов в процессе овладения английскими терминами подязыка строительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Писарик О. И., Горожанов А. И. Доля английского профессионального подъязыка в текстах учебных материалов для студентов строительных специальностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 3. С. 928–932. DOI: 10.30853/phil210082. EDN CIRARX.

2. Gorozhanov A. I., Guseynova I. A. Corpus analysis of the grammatical categories' constituents in fiction texts considering the linguo-regional component // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13, № 12. P. 2035–2048. DOI: 10.17516/1997-1370-0702.

Плавинский Р.А.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

старший преподаватель кафедры фонетики и
грамматики немецкого языка

Plavinski R.A.

(Minsk, Belarus)

MSLU

Senior Lecturer of the Department
of Phonetics and Grammar of German,
e-mail: wittorio@mail.ru

**ОСНОВНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА
«ДРУЖБА» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (на материале анализа паремий)**

В данной статье рассматриваются основные репрезентанты концепта «дружба» в паремиях немецкого языка.

Ключевые слова: вербализация; концепт; паремия; репрезентация; дискурс

**MAIN THEMATIC REPRESENTATIVES
OF THE CONCEPT “FRIENDSHIP” IN THE GERMAN LANGUAGE
(BASED ON THE ANALYSIS OF PAROEMIAS)**

This article addresses the main representatives of the concept “friendship” in the paroemias of the German language.

Key words: verbalization; concept; paroemia; representation; discourse

Актуальность использования термина «концепт» связана с развитием когнитивного направления в языкознании. В этой связи представляется уместным привести здесь одно из первых определений концепта, которое С. А. Аскольдов дал в 1928 году в статье «Концепт и слово»: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [1, с. 197].

Вопрос соотношения слова и концепта до сих пор остается одной из центральных теоретических проблем когнитивной лингвистики.

Некоторые исследователи выдвигают тезис о том, что для формирования концептов язык сам по себе не требуется. Он необходим для обмена концептами и для их обсуждения в процессе коммуникации, для чего возникает потребность в вербализации концептов, т. е. в их выражении с помощью средств языка.

Вербализация концептов может осуществляться разными путями в различных типах дискурсов: в одних (к примеру, бытовом дискурсе) можно наблюдать преимущественно точные соотношения между лексической и концептуальной областями (слово – концепт); в других (например, бытийном художественном нарративе, институциональном научном) эти отношения гораздо более сложные, так как для них характерна изосемия – один концепт может быть эксплицирован на лексическом уровне несколькими единицами, а также выражаться и собственно грамматическими (синтаксическими) средствами, при этом одна лексическая единица может одновременно соотноситься с несколькими различными концептами.

В случае коммуникативной необходимости вербализация концепта осуществляется различными способами (на лексическом, фразеологическом, синтаксическом и др. уровнях), целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы для дальнейшего концептуального моделирования.

По мнению В.И. Карасика описание концепта включает в себя специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений. Описание концепта осуществляется с помощью дефинирования, контекстуального анализа, этимологического анализа, паремиологического анализа, интервьюирования, анкетирования, комментирования [2, с. 58]. Таким образом, дефиниции, словарные толкования и устойчивые сочетания слов (фразеологизмы, паремии, перифразы) можно отнести к языковым средствам, которые могут входить в номинативное поле определенного концепта и обеспечивать его описание в процессе лингвокогнитивного исследования.

С целью определения наиболее релевантных вербализаторов концепта «ДРУЖБА» в немецком языке в рамках данного исследования были проанализированы паремиологические единицы с компонентом «Freundschaft» (дружба), что позволило выделить основные тематические репрезентанты данного концепта. Материалом для исследования послужили 65 паремиологических единиц, отобранных из немецко-русского фразеологического словаря под редакцией Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришина [3], а также поговорки и пословицы из интернетресурсов [4].

При обращении к толковым словарям немецкого языка можно выделить следующие основные значения концепта «ДРУЖБА»:
1) отношение между людьми, которое основано на взаимном понимании,

доверии; 2) отношение между людьми, обусловленное общностью интересов; 3) родственное отношение; 4) любовное (интимное) отношение [5, с. 208].

Дальнейший анализ словарных дефиниций и паремиологических единиц немецкого языка позволяет выделить следующие конкретные тематические образы в сознании носителей данного языка:

1) дружба – добрые отношения, верность, доверие. Паремии данной группы подтверждают, что для немецкой лингвокультуры понятия «жизнь» и «дружба» неразрывно связаны друг с другом, в представлении носителей немецкого языка «дружба» выступает обязательной жизненной составляющей: *Ein Leben ohne Freund ist eine Welt ohne Sonne.* / Жизнь без друга как мир без солнца;

2) дружба – родственные отношения. Примеры, отобранные для данной группы, демонстрируют, что дружба может означать близкие отношения, которые иногда ближе некоторых родственников: *Ein guter Freund ist mehr wert als ein Bruder in der Ferne.* / Хороший друг ценится больше, чем брат, которого нет рядом;

3) дружба – деловые отношения. Дружеские (партнерские, деловые) отношения характерны для менталитета большинства немецкоязычных стран. Языковое наполнение отобранных пословиц отображает организованность, экономность и бережливость немцев: *Richtige Rechnung macht gute Freundschaft.* / Счет дружбе не помеха;

4) дружба – расчет. Данное восприятие дружбы актуально и в наше время и подчеркивает негативную сторону менталитета. Здесь присутствуют только мотивы выгоды и корысти в противовес искренним, настоящим отношениям, для установления которых необходимо обладать определенным внутренним чутьем и прислушиваться к своему сердцу: *Jedermanns Freund ist niemandes Freund.* / Всем угодлив, так никому непригодлив.

5) дружба – любовные отношения. Дружба как глубокие и даже интимные отношения подразумевает не только взаимную поддержку, но и внутреннюю близость, доверие, любовь. В человеческом сознании понятия «дружба» и «любовь» часто неразделимы и равноценны по степени значимости. При определенных условиях дружественные отношения могут превратиться в любовные: *Freundschaft ist Liebe mit Verstand.* / Для милого дружка и сережка из ушка;

Таким образом, анализ словарных дефиниций и паремий немецкого языка позволяет сделать вывод о том, что основными тематическими репрезентантами, связанными с интерпретацией концепта «ДРУЖБА» в немецкой лингвокультуре являются: истинность дружбы, верность, доверие, уважение, родственные отношения, партнерство, расчет, любовь.

Проведенный анализ позволил понять особенности менталитета носителей немецкого языка, выявить типичные и специфические черты в культуре немецкого народа по отношению к концепту «ДРУЖБА».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В. П. Нерознака. М., 1997. С. 269.
2. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 331 с.
3. *Бинович Л. Э., Гришин Н. Н.* Немецко-русский фразеологический словарь. М. : Рус. яз., 1975. 656 с.
4. Sprichwoerter.net. URL: <http://www.sprichwoerter.net> (accessed: 12.10.2023).
5. Большой толковый словарь немецкого языка: для изучающих немецкий язык. М. : MapT, 1998. 1216 с.

Поражинская И.Л.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

старший преподаватель

кафедры теории и практики немецкого языка

Porazhynskaya I.L.

(Minsk, Belarus)

MSLU

Senior Lecturer of the Department

of Theory and Practice of the German Language

e-mail: irons24091976@gmail.com

КОМПОЗИТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭЛЬФРИДЫ ЕЛИНЕК

В данной статье рассматриваются особенности индивидуального стиля письма лауреата Нобелевской премии по литературе Эльфриды Елинек, в том числе использование композитов. Кроме того, рассматривается роль окказиональных композитов в произведениях Эльфриды Елинек.

Ключевые слова: индивидуальный стиль письма; традиция и эксперимент; окказиональные композиты.

COMPOSITES IN THE WORKS OF ELFRIEDE JELINEK

This article examines the individual writing style of the Nobel Prize laureate in literature Elfriede Jelinek, including the use of composites. In addition, the role of occasional composites in the works of Elfrieda Jelinek is considered.

Key words: individual writing style; tradition and experiment; occasional composites.

Новейшая австрийская литература представляет большой интерес для литературоведов всего мира. Однако произведения даже таких выдающихся авторов XX века как Эльфрида Елинек (Elfriede Jelinek) недостаточно известны широкому кругу наших читателей по разным причинам: с одной стороны, индивидуальный стиль автора представляет определенную сложность для перевода, с другой стороны, тематика произведений носит ярко выраженный национальный характер. В-третьих, далеко не все книги австрийской писательницы переведены на русский или белорусский языки.

Эльфрида Елинек – одна из самых известных писательниц современной немецкоязычной литературы с неповторимым, индивидуальным стилем письма. Елинек была удостоена премии Австрийской Недели молодежной культуры города Инсбрука в 1969 году, премии имени Генриха Бёля и премии Вальтера Хазенклевера в 1986 году, премии имени Петера Вайсса в 1994 году, премии имени Георга Бюхнера в

1998 году, премии журнала «манускрипты» в 2000 году, шведской премии имени Стига Дагермана, а также чешской литературной премии имени Франца Кафки в 2004 году. Писательница была награждена целым рядом театральных премий: театральной премией города Берлина в 2002 году, премией имени Эльзы Ласкер-Шюлер в 2003, премией имени Курта Хакенберга за создание лучшей пьесы в духе политического театра, австрийской премией имени Нестроя в 2009 году. Немецкоязычный журнал «Театр сегодня» пять раз провозглашал Э. Елинек драматургом года: в 1993 году за пьесу «Тотенауберг», в 1998 году за «Спортивную пьесу», в 2007 году за пьесу «Ульрике Мария Стюарт», в 2009 году за пьесу «Рехниц» и в 2011 году за пьесу «Зимнее путешествие». Эльфрида Елинек была награждена Мюльгеймской премией четырежды: в 2002 году за пьесу «Ничего страшного. Небольшая трилогия смерти», в 2004 году за пьесу «Творение», в 2009 году за пьесу «Рехниц» и в 2011 году за пьесу «Зимнее путешествие».

Следует сказать, что творчество Э. Елинек приобрело широкую известность за пределами немецкоязычного пространства не только благодаря индивидуальному авторскому стилю, но и после того, как австрийская писательница в 2004 году была удостоена Нобелевской премии по литературе. Награда ей была присуждена за музыкальные переливы голосов и отголосков в романах и пьесах, которые с экстраординарным лингвистическим усердием раскрывают абсурдность социальных клише и их поработочающей силы.

Э. Елинек приобрела репутацию скандального автора, прежде всего у себя на родине, в Австрии. Ее творчество, ломавшее представления и ожидания, не оставляло и не оставляет равнодушным читателей, благодаря ее индивидуальному стилю письма. Хотя Елинек к настоящему времени написала более 40 произведений, а ее пьесы завоевали немецкую и австрийскую сцены, ее агрессивный неоавангардистский стиль, неприкрытая жесткость изображаемого, непримиримость в манере изложения, неоднозначная тематика, разоблачающая сатира не способствовали принятию со стороны читателя. Но в то же время невозможно отрицать, что ее произведениям присущи индивидуальные черты. Особо следует подчеркнуть, что в творчестве Э. Елинек получили отражение традиция и эксперимент с формой и языком.

Эльфрида Елинек начала свой поэтический путь в 1960-ые годы и следовала авангардистским традициям австрийской литературы, как в тематическом, так и стилистическом плане, что позволило ей быстро стать одним из самых известных авторов в Австрии.

В своих ранних произведениях Елинек центральное место отведено языковой игре, но в еще большей степени показан эксперимент с формой изложения. Здесь заметно и влияние поп-литературы 1960-х годов, так называемых cut-up-текстов – способа создания текста на основе

спонтанного и произвольного соединения друг с другом газетных и любых других вырезок, изобретенный дадаистом Тристаном Тцарой (1896–1963) и подхваченный сюрреалистами. Таким образом, форма монтажа в немецкоязычных произведениях оттачивалась под американским влиянием, особенно благодаря публикациям студентов Блэк-Маунтин-колледжа. Что касается индивидуального стиля письма, то Э. Елинек опирается в своей работе на философию языка позднего Людвиг Виттгенштейна, признававшего задачей литературы передачу современной реальности посредством языка. Это предполагало проверку категории познания языково-литературными структурами «антиграмматического искусства», когда, например, автор отказывается от написания существительных с большой буквы.

В немецкоязычной художественной литературе к наиболее распространенным явлениям относятся сложные номинации, поскольку словосложение в немецком языке является самым продуктивным способом словообразования вплоть до сегодняшнего дня. Данную тенденцию можно объяснить, в том числе и стремлением писателей создать наиболее выразительное новообразование.

В данной работе использовался описательный метод для установления индивидуальных черт письма Э. Елинек. Так, для произведений австрийского Нобелевского лауреата характерны необычные композитообразования, придающие ее стилю письма неповторимую образность и точность. Они предназначены для передачи индивидуальных особенностей характеров в произведениях, а также для выражения эмоций и чувств. Многие композиты, употребляемые Эльфридой Елинек в ранних произведениях, подчеркивают отличительный признак предмета, например, *Studentenzeit*, *Giftblick*, *Jugendgefühl*, *Ferienkind*, *Riesendame*, *Elektrikerkörper*. Некоторые сложные слова состоят из трех и более компонентов, например, *Schlechterzähneteam*, *Sonntagvormittagskonzert*, *Dreipersonenhaushalt*, *Kammermusikgastgeberin*.

Зачастую автор прибегает к окказиональным композитам, которые представляют собой одноразовую лексическую единицу, лишенную воспроизводимости. Иначе говоря, под окказионализмом понимается слово, образованное в какой-либо определенный момент, применительно к какому-либо специальному случаю, как одна из разновидностей неологизмов. Именно окказиональные композиты играют важную роль в произведениях автора. Чтобы привлечь внимание читателя к главным характерам, писательница использует композиты с антропонимическими компонентами, например, *Klemmerhäuschen*, *Klemmermund*, *Klemmerhand*, *Kohutmutter*, *Erikaarm*, *Brigittekörper*, *Heinzfamilie*, *Heinzmutter*, *Heinzwchwester*, *Susikopf*. Такие необычные композитообразования придают авторскому стилю Елинек точность и логичность, индивидуальность и образность.

Таким образом, можно утверждать, что автор использует в своих произведениях разные словообразовательные модели: продуктивные и непродуктивные. При этом, многие композиты Э. Елинек актуализируются благодаря одному из компонентов в метафорическом контексте. Эти образные средства являются своеобразными прагматическими компрессиями, которые вызывают у читателя новые ассоциации и порождают новые двойные смыслы. Окказиональные композиты выступают не только как значимые языковые средства для выражения авторской интенции, но и позволяют писательнице более образно и экспрессивно выражать свои задумки, более четко изображать особенности языковой личности в своих произведениях.

Рымкевич О.Е., к. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

доцент кафедры теории и практики немецкого языка

Rymkevich O.E., Cand. of Sc. (Philology)

(Minsk, Belarus)

MSLU

Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of German

e-mail: rymkol@yandex.ru

МОДАЛЬНЫЙ ФАКТОР В РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ (на материале современных немецких медиатекстов)

Исследуется роль модальности в реализации авторской интенции в современных немецких медиатекстах. Модальность вариативна и участвует в убеждении адресата.

Ключевые слова: модальность; интенция убеждения; модальные маркеры; медиатекст; прагматический аспект текста.

MODAL FACTOR IN THE IMPLEMENTATION OF THE AUTHOR'S INTENTION (based on the material of modern German media texts)

The role of modality in the realization of the author's intention in modern German media texts is investigated. The modality is variable and participates in persuading the addressee.

Key words: modality; intention of persuasion; modal markers; media text; pragmatic aspect of the text.

Современные медиатексты характеризуются значительным жанровым многообразием и, как следствие, вариативными возможностями для реализации одной из основных функций публицистического стиля – воздействующей функции на получателя информации. Социально значимая информация доводится до читателя таким образом, чтобы оказать соответствующее убеждающее влияние на его внутренние установки, при том, что авторская интенция, как доминантный вектор смыслового и прагматического развертывания текста, изначально тесно «увязывается» с модальным фактором, служащим ее воплощению. Именно модальность, с широким спектром ее семантики и прагматики, являет собой тот языковой «инструмент», который позволяет автору максимально эффективно реализовывать свои коммуникативные намерения. Общеизвестные в модальной логике отношения (такие как онтологические, деонтические, эпистемические и др.) находят свою регулярную объективацию в медиатекстах и маркируют таким образом

информационное поле всевозможными оттенками значений. Отправитель информации может, в частности, сигнализировать о правдивости или вероятности текстового содержания (например, глаголы с модальной семантикой *wissen* ‘знать’, *zweifeln* ‘сомневаться’, *glauben* ‘полагать’), выражать различную степень уверенности (например, модальные слова *offensichtlich* ‘очевидно’, *tatsächlich* ‘действительно’, *vielleicht* ‘возможно’, *keineswegs* ‘ни в коем случае’) или позитивное/негативное отношение (*gut* ‘хорошо’, *schlecht* ‘плохо’) и др.

Уникальность подобных маркеров состоит в том, что они, непосредственно участвуя в смыслообразовании и, подчиняясь интенции отправителя информации, обладают еще и свойством акцентно выделять в тексте те или иные отрезки информационного содержания. Благодаря этому в исследуемых текстах, с одной стороны, может происходить своеобразная (например, контрастно организованная) сегментация информации, с другой стороны, средства выражения модальности (в особенности, со схожей семантикой) неизменно участвуют в интегрировании смысловых компонентов текста в единое целое. И в том, и в другом случае характер модальной подачи информации в медиатексте обеспечивает необходимое перераспределение внимания адресата при прочтении им данной информации, а также ее декодирование в заданном ключе, в соответствии с интенцией адресанта.

Как правило, выстраивание главной авторской интенции, нацеленной, в конечном итоге, на убеждение адресата, осуществляется последовательно в ходе постепенного развертывания текстовой информации, в значительной степени при участии модального фактора. Всякий раз реализуя в тексте различные установки отправителя информации, модальные маркеры включаются тем самым в создание прагматического аспекта текста. Особым потенциалом в этой связи обладает субъективная модальность, которая по определению может выражать различное отношение адресанта к содержанию высказываемого, соответственным образом квалифицируя истинность пропозиции. Этим объясняется тот факт, почему именно субъективная модальность в наибольшей степени оказывается задействованной в воплощении авторской интенции, приобретая по праву статус интенциональной категории.

В целом же модальному аспекту медиатекста (в зависимости от типа текста и его тематической направленности) скорее присущ многоплановый характер. Используемые при этом средства выражения модальности взаимодействуют между собой, а также с другими единицами контекста, обеспечивая тем самым не только нарастание общей интенсификации смысла, но и усиливая прагмакоммуникативное воздействие на получателя информации.

Приведем пример контекста из популярного новостного немецкого портала Tagesschau.de: «*Kritiker sagen, dass viele deutsche Firmen zu spät dran sein könnten auf dem Weg in die Elektromobilität. Andere haben die*

Zeichen der Zeit verstanden. Unsere Produkte müssen in neuen Anwendungen Platz finden. Zum Beispiel in den Elektrofahrzeugen oder in der Wasserstoffwirtschaft», so Paschen. Die Transformation bedeute aber nicht nur die Produktion von anderen Teilen. Auch die Digitalisierung im Unternehmen müsse vorangetrieben, die Mitarbeitenden müssten mitgenommen werden (Tagesschau.de, 19.06.2023). В данном контексте, где речь идет об электромобилях, модальный аспект реализуется с помощью модальных глаголов *könnten* ‘могли бы’ и *müssen* ‘должны’, причем значение последнего усилено в рамках рекуррентной цепочки. Доминантным при этом становится модальный смысл настоятельной необходимости через глагол *müssen*, а модальный глагол *können* в сослагательной форме указывает на возможное отставание многих немецких фирм на пути к электромобильности, подчеркивая тем самым вышеупомянутый доминантный смысл. Анализируемые модальные маркеры со всей очевидностью напрямую служат выражению авторской интенции убеждения адресата в необходимости принятия скорейших мер в данной отрасли.

Следующий фрагмент интервью еще более насыщен модальными оттенками:

– *Müssen wir uns also keine Sorgen machen und können weiter mit KI arbeiten?*

– *Lukowicz: Dass die KI irgendwann mal eine neue intelligente Spezies etabliert und den Menschen verdrängt, gehört bei dem heutigen Stand der KI definitiv in den Bereich der Science-Fiction-Filme. <...>*

– *Wir müssen keine Angst haben, aber wir müssen diese Technologie wohl überlegt mit der entsprechenden Vorsicht einsetzen. Wir sollten uns immer fragen: Ist der Einsatz der Technologie an der einen oder anderen Stelle etwas, was uns Menschen wirklich etwas bringt oder ist es eher etwas, was uns womöglich in Gefahr bringt?* (Tagesschau.de, 14.06.2023).

В данном диалоге с помощью модальных глаголов *müssen* и *können* формулируется вопрос о возможности безопасной дальнейшей работы с искусственным интеллектом. Палитра модальных оттенков, представленная в ответе, позволяет говорящему, с одной стороны, выразить свою уверенность в преувеличении страхов в этой связи: *definitiv gehört in den Bereich der Science-Fiction-Filme* ‘определенно относится к области научно-фантастических фильмов’, *müssen keine Angst haben* ‘не надо бояться’. Однако далее модальные слова *wohl* ‘пожалуй’, *wirklich* ‘действительно’, *womöglich* ‘возможно’ в контекстной реализации в целом поддерживают интенцию автора побудить получателя информации к разумному и осторожному обращению с искусственным интеллектом.

В качестве главного вывода следует отметить, что модальные средства выражения безусловно востребованы в современных немецких медиатекстах, реализуя в контекстах свой семантический и прагматический потенциал и вариативно участвуя в воплощении авторской интенции.

Садовникова Е.В.
(г. Москва, Российская Федерация)
ФГБОУ ВО МГЛУ
старший преподаватель
кафедра грамматики и истории немецкого языка

Sadovnikova E.V.
(Moscow, Russian Federation)
Moscow State Linguistic University
Senior Lecturer
Department of Grammar and History of the German Language
e-mail: sadovnikova.ev@gmail.com

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В исследовании на материале немецкоязычной научной статьи анализируется участие глагольных категорий в выражении оценочности, как одной из коммуникативно-прагматических составляющих научного дискурса.

Ключевые слова: научный дискурс; грамматика дискурса; глагольные категории; оценочность.

GRAMMATICAL MEANS OF EXPRESSING EVALUATION IN GERMAN SCIENTIFIC DISCOURSE

The study, based on the material of German-language scientific articles, analyzes the participation of verb categories in the expression of evaluation, as one of the communicative and pragmatic components of scientific discourse.

Key words: scientific discourse; discourse grammar; verb categories; evaluation.

Во все большем количестве исследовательских работ, посвященных научному дискурсу, внимание уделяется значению оценки, как неотъемлемой части науки (Данилевская Н. В., 2010; Нефедов С. Т., 2021; Кондратенко П. И., 2021; Чернявская В. Е., 2022 и др.). Оценочность является одной из важнейших коммуникативно-прагматических составляющих научного дискурса, реализующая самовыражение коммуникантов в процессе научного общения, с одной стороны, и являющаяся средством воздействия на адресата, с другой стороны.

Особый интерес представляют средства выражения оценочности в разных жанрах научного дискурса. Дискурсивная направленность современной лингвистики расширяет при этом возможности анализа грамматических средств с точки зрения их функционирования в тексте. Грамматические явления и формы признаются дискурсивно обусловленными, а их использование рассматривается в тесной связи с намерениями и целями коммуникантов [1, с. 19]. Перспективность

грамматики дискурса, изучающей грамматические явления в тексте с учетом коммуникантов и коммуникативной ситуации, обуславливает необходимость дальнейших исследований в этом направлении и определяет актуальность данного исследования.

Материалом для исследования послужили современные немецкоязычные научные статьи гуманитарного профиля. Цель исследования – изучить грамматические средства выражения оценочности в немецкоязычной научной статье на примере глагольных категорий лица, времени, наклонения и залога. Для достижения поставленной цели использовались следующие методы лингвистического анализа: отбор релевантной информации в тексте, контекстуально-интерпретативный анализ, сравнительный анализ.

Оценочность в данном исследовании понимается довольно широко. Это весь спектр выражения мнения, уверенности/неуверенности, согласия/несогласия, критики автора научной статьи по отношению к научному сообществу или предмету исследования. Оценочность вербализуется в научной статье с помощью языковых средств, лексических и грамматических.

Для анализа участия глагольных категорий в выражении оценочности были выделены суждения автора научной статьи, содержащие оценку его собственной исследовательской деятельности, и высказывания, предполагающие полемику с членами научного сообщества.

Оценка собственного исследования наблюдается в разных структурных частях научной статьи. На протяжении всей статьи автор проявляет себя как самостоятельный исследователь. Нередко автор обращается для этих целей к глагольным формам первого лица, как это видно в следующем примере: *Ich entlehne für diesen Aspekt von Wissenschaftssprache einen Ausdruck aus der Sprachphilosophie* ‘Я заимствую для этого аспекта языка науки выражение из философии’. Обращение к формам первого лица реализует не только прямую референцию автора на самого себя, но и передает уверенность ученого в своих научных действиях. Использование формы сослагательного наклонения в сочетании с первым лицом способно при этом смягчить категоричность высказываний автора, например, если он хочет подчеркнуть, что тем самым не отрицает другие возможности решения научной проблемы, как это видно на следующем примере: *Vor diesem Hintergrund spricht vieles für die Arbeit mit einem, wie ich es nennen möchte, Minimalmodell des wissenschaftlichen Streits* ‘На этом фоне многое говорит в пользу работы с минимальной моделью научного спора, как я бы мог ее назвать’.

Сослагательное наклонение (конъюнктив) нередко используется в немецкоязычной научной статье вместо лексических средств предположения. Сравним два следующих примера: *Ich vermute, dass die semantische Potenz von...aus zwei Quellen stammt*. ‘Я предполагаю, что семантическая сила... имеет в корне два источника’ – *Dies wäre der*

Bereich, dem sich zahlreiche Sprachwissenschaftler widmen...’Это была бы область, которой посвящают себя многие лингвисты’. Использование претерита конъюнктива придает высказыванию менее категоричную оценку по сравнению с использованием первого лица глагола с семой предположения, что позволяет говорить о возможностях глагольных категорий выражать по терминологии Чернявской В. Е «градуальность» [3, с. 48], более или менее интенсивную оценку.

В заключительной части статьи автор дает оценку достигнутым результатам. Анализ материала показывает, что автор предпочитает в этом случае использование претерита пассива, как это можно увидеть в следующем примере: *In der vorliegenden Studie wurde empirisch geprüft* ‘В исследовании было эмпирически доказано’. Использование пассива создает эффект объективной картины. Оценка достигнутого успеха могут усиливать не только лексические средства, но и использование модального глагола *können* ‘мочь, уметь’ в претерите в сочетании с пассивным залогом основного глагола: *diese Auffassung konnte begründet zurückgewiesen werden* ‘Это мнение удалось обоснованно опровергнуть’.

Значимость оценки в полемическом диалоге с научным сообществом также высока. Процесс выработки «нового знания» всегда сопровождается оценкой «старого знания» [4, с. 231], что предполагает «неприятие чужого мнения, его оценку как неправильного..., опровержение этого мнения» [5, с. 3].

Сигналом критического отношения автора к точке зрения, высказанной другим автором, может стать изменение формы склонения в тексте, например, обращение к конъюнктиву косвенной речи. Рассмотрим следующий пример: *In der englischsprachigen Literatur wird oft behauptet, dass es solche Xenolekte gar nicht gebe, und wenn, dann sei das eine deutsche Eigenart* ‘В англоязычной литературе часто утверждается, что ксенолектов вообще нет, а если есть, то это исключительно особенность немецкого языка’. Обращаясь к работам других исследователей, автор статьи высказывает несогласие с существующим мнением с помощью конъюнктива косвенной речи. Подобное критическое отношение может передаваться с помощью пассива. Анализ эмпирического материала показывает, что при указании конкретных источников в качестве аргументов автор отдает предпочтение формам актива. Использование пассива в тех же случаях создает эффект «дистанцирования» автора от мнения авторитетных лиц.

Полученные результаты исследования показывают, что категории немецкого глагола активно участвуют в построении оценочных суждений в немецкоязычной научной статье. Использование конкретных грамматических форм помогает автору наряду с лексическими средствами

выразить целый спектр оценок в научном тексте. В некоторых случаях глагольные категории проявляют себя как основной грамматический «каркас» оценки автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Казанцева Ю. М.* Возможна ли грамматика дискурса? // Германистика: состояние и перспективы развития : тез. докл. Междунар. конф., 24–25 мая 2004 г. М., 2004. С. 19–20.
2. *Чернявская В. Е.* Язык оценок в научном дискурсе: терминологическое поле и методологические подходы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 44–55.
3. *Данилевская Н. В.* Научный текст как динамика оценочных действий // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 2. С. 20–29.
4. *Макитова Т. Т.* Некоторые особенности реализации субъективно-оценочного значения при выражении несогласия в научном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 3. С. 16.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. *Ehlich K.* Alltägliche Wissenschaftssprache // INFO DaF. 1999. № 1 (26).
2. *Steinhoff T.* Intertextuelle Prozeduren. Aneignungsprobleme und Fördermöglichkeiten // Wissenschaftliche Textsorten im Germanistikstudium deutsch-italienisch französisch kontrastiv. Akten der trilateralen Forschungskonferenz 2007–2008. Neuauflage 2013.
3. *Graefen G.* Aufbau idiomatischer Kenntnisse in der Wissenschaftssprache // Materialien Deutsch als Fremdsprache. 2004. Heft 73.
4. *Elsen H.* Prototypeneffekte im Grenzbereich von Phonologie und Morphologie / Linguistik online. 2009. 4 (40).
5. *Rössel J., Bromberger K.* Strukturiert kulturelles Kapital auch den Konsum von Populärkultur? // Zeitschrift für Soziologie. 2009. 38.
6. *Bredella L.* Trans- oder Interkulturalität als Bildungsziel des Fremdsprachenlehrens und -lernens? // Die Online-Zeitschrift für Fremdsprachenforschung und Fremdsprachenunterricht. 2010. № 2.
7. *Roche J. M.* Wie Deutsche mit Ausländern sprechen und was man daraus für den Spracherwerb und den Sprachunterricht lernen kann // Info DaF. 2006. 5 (33).

Угринович А.Н.
(г. Минск, Беларусь)
МГЛУ
аспирант

Ugrinovich A.N.
(Minsk, Belarus)
MSLU
postgraduate student

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «СРАВНЕНИЕ» И «КОМПАРАТИВНОСТЬ» В ЯЗЫКЕ

В данной статье описываются различные подходы к определению понятия «сравнение», характеризуется понятие «компаративность» и определяется граница между рассматриваемыми категориями.

Ключевые слова: сравнение; компаративность; функционально-семантическое поле; функционально-семантическая категория.

ON THE QUESTION OF DIFFERENTIATION OF THE CONCEPTS OF “COMPARISON” AND “COMPARATIVITY” IN LANGUAGE

This article describes various approaches to defining the concept of “comparison”, characterizes the concept of “comparativity” and defines the boundary between the categories.

Key words: comparison; comparativity; functional-semantic field; functional-semantic category.

Сравнение, являясь одним из широко распространенных способов познания объектов внеязыковой действительности, занимает особое место в когнитивной деятельности человека. Обзор научной литературы показывает, что сравнение рассматривается в рамках психолого-логического, философского и лингвистического подходов.

С точки зрения логики, сравнение является способом познания духовных и культурных ценностей, так как познание любого предмета начинается с дифференциации и установления его тождества и сходства с другими предметами. Р.М. Болгарова считает, что «логическое сравнение – это процесс, движение мысли от заданных элементов к истинным». Она утверждает, что «сравнение как логическая категория состоит из трёх компонентов: понятие, которое нуждается в пояснении; понятие, которое предназначено для пояснения; и соединяющее звено» [1, с. 10]. С психологической точки зрения, сравнение является способом восприятия мира. По мнению Е. С. Самойленко, сравнение – это «одна из ключевых операций, осуществляемых человеком при познании окружающего мира, себя самого и других людей, а также в ситуациях

решения разнообразных, в частности, когнитивно-коммуникативных задач [2, с. 10]. И. М. Сеченов утверждает, что всё то, что воспринимается человеком органами чувства, можно соединить в нашем сознании ассоциативно [3, с. 190]. Философия, в свою очередь, трактует сравнение как познавательный процесс, который включает в себя рассмотрение тождеств и различий объектов. М. Фуко определяет сравнение, как самое очевидное, и в то же время, как самое скрытое явление или элемент, что определяет форму познания и способствует его обогащению [4, с. 45]. В философском словаре отмечается, что основная функция сравнения заключается в сопоставлении и выявлении возможных отношений тождественных предметов [5, с. 204].

В лингвистическом рассмотрении сравнение представляет собой многогранное явление, направленное на выявление тождеств или различий в качествах, свойствах и признаках объектов. В словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова сравнение определяется как «слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому» [6, с. 620]. О. С. Ахманова определяет сравнение как «понятие равенства и неравенства качества, которые находят своё отражение в грамматической, лексической и фразеологической категории» [7, с. 443]. М.И. Черемисина изучает сравнение как в семантическом, так и в прагматическом аспекте. По её мнению, сравнительные конструкции являются синтаксической категорией [8, с. 17].

В связи с этим, В. Е. Гулыга и Е. И. Шендельс [9], Г. С. Щур [10] и многие другие учёные-лингвисты считают целесообразным отнести сравнение к сфере функционально-семантического поля. Огромный вклад в развитие теории функционально-семантического поля внёс А. В. Бондарко. Полевой подход впервые был применен А. В. Бондарко на материале русского языка. В результате своего исследования ему удалось разработать структурную типологию функционально-семантического поля русского языка [11, с. 21–22]. Преимущество функционально-семантического подхода заключается в том, что он создаёт условия для изучения языка и его реализации, а также позволяет на практике рассмотреть «языковые средства передачи экстралингвистических явлений и ситуаций» [12, с. 14].

Говоря о языковой интерпретации мыслительной категории сравнения, то нам, вслед за А. В. Бондарко [13, с. 5–7] и Н. А. Слюсаревой [14, с. 180], представляется предпочтительным употреблять вместо термина «сравнение» термин «компаративность», понимание которого значительно шире первого. В лингвистике исследованию категории компаративности в рамках функционально-семантического подхода посвящён ряд работ, выполненных на материале разных языков (Е. Г. Карапетова, О. В. Кравец, А. Б. Михалёв, Н. С. Федосеева). Следовательно, под *компаративностью* (лат. *comparativus* «сравнительный») понимается функционально-семантическая языковая категория, отражающая процесс мыслительной деятельности, основанный на

логической операции сравнения, т.е. «установлении соотношений между различными явлениями путем их сопоставления» [15].

В отличие от термина «сравнение», который обычно применяют к грамматически выраженным степеням сравнения прилагательных и наречий либо к сравнительным оборотам, термин «компаративность» понимается как функционально-семантическая категория, функционирующая на лексическом, морфологическом и грамматическом уровнях, и обладающая обширным арсеналом разноуровневых (синтаксических, морфологических, лексических, словообразовательных, фразеологических и стилистических) средств языка для выражения отношений равенства / неравенства, градации признака, а также разной степени качества предметов и явлений.

По мнению Н. А. Слюсаревой, определение разной степени качества предметов, явлений, самих качеств, действий, процессов, состояний, т.е. универсально-мыслительная категория градации признака по интенсивности, в языке выступает в виде универсально-языковой категории компаративности [14, с. 180]. Универсальность категории компаративности состоит, прежде всего, в том, что любое исчисляемое может быть соотнесённым, т.е. поддаётся градуированию [16, с. 9]. Исследование категории компаративности в различных языках, родственных и неродственных, и выделение инвентаря разноуровневых средств выражения компаративного значения подтверждает универсальный характер категории компаративности, которая свойственна всем естественным языкам, ибо человеку свойственно в своих сообщениях о мире, событиях, признаках, объектах сравнивать их с другими объектами, действиями, признаками.

Таким образом, критический анализ работ отечественных и зарубежных лингвистов в области исследования категории компаративности позволяет говорить о преимуществе функционально-семантического подхода, при котором становится возможным наиболее полное описание компаративности в рамках функционально-семантического поля компаративности, установление отношений между разноуровневыми языковыми средствами её выражения и объективной действительностью, выявление условий их речевой реализации. Тогда как сравнение, представляя, в первую очередь, процесс мыслительно- познавательной деятельности человека, отображенного в логико-понятийной категории сравнения, предполагает полную языковую реализацию в рамках функционально-семантического поля компаративности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болгарова Р. М. Функциональное семантическое поле компаративности в русском и татарском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Казань, 2011. 181 л.

2. *Самойленко Е. С.* Проблемы сравнения в психологическом исследовании. М. : Ин-т психологии РАН, 2010. 416 с.
3. *Сеченов И.* Психологические этюды. СПб. : Типография Ф. С. Сущинского, 1878. 225 с.
4. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Вызгина, Н. С. Автономова. М., 1994. 408 с.
5. *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд. М. : Политиздат, 1991. 559 с.
6. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Рос. АН Ин-т рус. яз. ; Рос. фонд культуры. М. : Азъ Ltd, 1992. 960 с.
7. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М. : Совет. энцикл., 1966. 607 с.
8. *Черемисина М. И.* Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск : Наука, 1976. 176 с.
9. *Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М. : Просвещение, 1969. 184 с.
10. *Щур Г. С.* Теории поля в лингвистике. М. : ЛКИ, 2007. 264 с.
11. *Бондарко А. В.* Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. М. : Наука, 2005. 480 с.
12. *Кравец О. В.* Функционально-семантическое поле компаративности в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Таганрог, 2003. 150 л.
13. *Бондарко А. В.* Функционально-семантическое поле // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. С. 566–567.
14. *Слюсарева Н. А.* Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М. : Наука, 1986. 205 с.
15. Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т. Ф. Ефремовой. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 05.08.2008).
16. *Каранетова Е. Г.* Функционально-семантическая категория компаративности в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Мин. гос. лингвист. ун-т. Минск, 2000. 16 с.

Шевцова В.А., к. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

доцент кафедры теории и практики немецкого языка

Shautsova V.A., Cand. of Sc. (Philology)

(Minsk, Belarus)

MSLU

Associate Professor of the Department
of Theory and Practice of German

e-mail: schewzowa_w@mail.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ: ТИПЫ И ФУНКЦИИ

В данной статье представлены структурные особенности и прагматический потенциал немецких коммуникативных фразеологизмов. Кроме того, во введении рассматривается понятие фразеологизма, его характеристика и классификация.

Ключевые слова: фразеология; коммуникативные фразеологизмы; функции; текстовые комментирующие и текстовые дейктические формулы.

COMMUNICATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS: TYPES AND FUNCTIONS

This article presents structural features and the pragmatic potential of German communicative phraseological units. In addition, the concept of phraseological unit, its characteristics and classification are discussed in the introduction.

Key words: phraseology; communicative phraseological units; functions; text commentators and text-deictic formulas.

KOMMUNIKATIVE PHRASEOLOGISMEN: TYPEN UND FUNKTIONEN

In dem vorliegenden Beitrag werden Strukturbesonderheiten und das pragmatische Potenzial von deutschen kommunikativen Phraseologismen präsentiert. Außerdem wird es einleitend auf den Begriff des Phraseologismus, deren Merkmale und Klassifikation eingegangen.

Schlüsselwörter: Phraseologie, kommunikative Phraseologismen, Funktionen, textkommentierende und textdeiktische Verweis- und Bezugsformeln.

Die Relevanz dieser Forschung ist auf das ständig wachsende Interesse an der Phraseologie und nämlich, an der kommunikativen Phraseologie, zurückzuführen.

Traditionell wird Phraseologie im engeren und weiten Sinne verstanden. Zur Phraseologie im engeren Sinne sind ausschließlich die Phraseme (auch *Phraseologismen, Phraseolexeme, Idiome, feste Wendungen*) zu zählen. Im weiteren Sinne umfasst Phraseologie auch Sprichwörter, Sagwörter und

geflügelte Worte. Phraseologismen haben einige Eigenschaften, die sie von dem Wort oder von der freien Wortverbindung unterscheiden: 1) Polylexikalität, 2) Festigkeit (Stabilität), 3) Idiomaticität. Das dritte Kriterium ist nur für den idiomatischen Teil der Phraseologie relevant. Im Deutschen wurden für den Bereich der Idiomatik oder Phraseologie folgende Termini verwendet: *Idiom*, *Phraseologismus*, *Phrasem*, *phraseologische Wortverbindung*, *feste Wendung*, *feste Wortverbindung/Wortgruppe*, *Redensart* oder auch *idiomatische Redensart* usw. Diese wurden von verschiedenen Autoren entweder streng differenziert, oft aber auch synonym verwendet. Als gegenwärtig geläufigster Terminus für die idiomatischen Wortverbindungen gilt das *Idiom*. Für diejenigen Phraseologismen, die in semantischer Hinsicht als teilidiomatisch aufzufassen sind, gibt es den Terminus *Teil-Idiome*. Bei den nicht- bzw. schwach-idiomatischen Phraseologismen existiert, insbesondere in der russischen Forschung, eine ganze Reihe von Termini, mit denen z. T. unterschiedliche Unter-Klassen bezeichnet werden. Es scheint sinnvoll, den Terminus *Kollokation* für den ganzen Bereich der nicht- bzw. schwach-idiomatischen Phraseologismen zu verwenden.

Anhand der universellen Basisklassifikation von H. Burger soll eine kurze Übersicht zur Orientierung gegeben werden. Für eine Gliederung des Gesamtbereichs der Phraseologie wird „das Kriterium der Zeichenfunktion verwendet“, die die Phraseologismen in der Kommunikation haben [1, S. 36]. Demnach wird das phraseologische Inventar in referentielle Phraseologismen (Kennzeichnungen von Objekten und Vorgängen, z. B.: *knapp bei Kasse sein*, *Kredit aufnehmen*, *Geld regiert die Welt*) und strukturelle Phraseologismen (grammatikalisierte Wortverbindungen, z. B.: *entweder – oder*, *unter Bezugnahme auf*) unterteilt.

Im vorliegenden Beitrag werden ausschließlich kommunikative Phraseologismen fokussiert, die oft von verschiedenen Autoren synonym als pragmatische Phraseologismen oder Routineformeln verwendet werden. Sie sind sowohl für mündliche als auch für schriftliche Kommunikation typisch.

Bei der mündlichen Kommunikation steuern solche Phraseologismen das Gespräch, dienen der Gliederung der Rede und tragen zur Ausgestaltung der Partnerbeziehung bei. Diese Funktionen der Routineformeln erlauben dem Sprecher, Zeit zu gewinnen, um darüber nachdenken zu können, was er sagen will. Es gibt eine Menge von Routineformeln mit den Verben *sagen*, *meinen*, *glauben*, *finden* und dem Substantiv *Meinung*, z. B.: *Ich muss sagen...*, *ich will nur sagen...*, *wie gesagt...*, *ich bin der Meinung*. Die Routineformeln haben in der mündlichen Kommunikation eine spezifische Funktion, und zwar die Bewältigung der sich wiederholenden kommunikativen Handlungen, die man als „kommunikative Routinen“ [1, S. 57] bezeichnet. Syntaktisch gesehen, sind die Routineformeln sehr heterogen und setzen sich aus zwei Wörtern bis hin zu ganzen Sätzen zusammen. In semantischer Hinsicht haben viele von ihnen mit den idiomatischen referentiellen Phraseologismen gemeinsames, weil sie ihre wörtliche Bedeutung verloren haben, aber im Gegensatz zu den Idiomem haben sie keine neue, semantisch beschreibbare Bedeutung entwickelt. Es handelt sich

also in vielen Fällen um desemantisierte Wortverbindungen mit einer bestimmten kommunikativen Funktion. Nach der Meinung von B. Wotjak können die Routineformeln als „metasprachliche Kommentierung oder als Mittel der metakommunikativen Steuerung beim Gebrauch von Phraseologismen reich gebraucht werden. Gerade durch die Verwendung von diesen Einschüben metasprachlicher Art wie: *wie man so sagt, volkstümlich gesagt, im wahrsten Sinne des Wortes, gewissermaßen, sozusagen, buchstäblich* u.a. ermöglicht der Sender dem Empfänger eine regelrechte Dekodierung seiner Sprache. Auf diese Weise teilt der Sender mit, dass er eine Wortverbindung im übertragenen und/oder wörtlichen Sinn meint“ [2, S. 125]. Diese Klasse von Phraseologismen hat eine relativ strikt festgelegte Aufgabe in der Kommunikation und ist häufig an eine bestimmte kommunikative Situation gebunden.

In Bezug auf Schriftsprache sind kommunikative Phraseologismen weiter in zwei pragmatische Gruppen zu klassifizieren: Textkommentierende und textdeiktische Verweis- und Bezugsformeln. Textkommentierende Formeln signalisieren dem Rezipienten, wie im Text gegebene Informationen zu lesen und zu verstehen sind. Für diese Forschung wird auf die Klassifikation von textkommentierenden Formeln von S. Kühtz hingewiesen [3, S. 113]. Textkommentierende Formeln dienen *der Vergewisserung über den Aufbau, die Gliederung des Textes und treten als Indikatoren des Leseverstehens auf*. Hierunter verstehen wir situations- bzw. textsortengebundene musterhafte Formulierungen, die der Bewältigung wiederkehrender Formulierungsaufgaben dienen und dieselben kommunikativen Funktionen erfüllen können. Basierend auf deutschen wissenschaftlichen Texten aus den wirtschaftlichen Lehrbüchern (auch Monographien) wurde festgestellt, dass folgende textkommentierende Formeln zu unterscheiden sind:

- 1) Subjektivitätsindikatoren: *meines Erachtens (m. E.); meiner Meinung nach; meines Wissens; soweit ich weiß, sehe; nach meinem Dafürhalten;*
- 2) Reformulierungs- und Explikationsindikatoren: *das heißt (d.h.); genauer gesagt; mit anderen Worten (m.a.W.); einfach ausgedrückt;*
- 3) Leseartmarkierungen: *im wahrsten Sinne des Wortes, im übertragenen Sinne;*
- 4) Stilwechselindikatoren: *auf gut Deutsch, salopp gesagt;*
- 5) Beispielmartierung: *(wie/so) zum Beispiel (z. B.);*
- 6) Fortsetzbarkeits- und Auswahlindikatoren: *und so weiter, und andere (u.a.), und andere/-s mehr (u.a.m.), und Ähnliche/-s (u.Ä.).*

Textdeiktische Verweis- und Bezugsformeln werden verwendet, um den Textraum zu strukturieren. So verweisen die phraseologischen textdeiktischen Verweis- und Bezugsformeln von einer aktuellen auf eine oder mehrere andere Textstellen und signalisieren dadurch inhaltliche Bezugspunkte in der näheren oder weiteren Textumgebung:

- 1) anaphorischer Verweis: *siehe oben (s.o.), wie oben angeführt, wie eingangs erwähnt/erläutert, oben angeführt (o.a.), oben genannt (o.g.);*
- 2) kataphorischer Verweis: *im Folgenden, siehe unten (s.u.);*

Textdeiktische Verweis- und Bezugsformeln erweisen sich vielfach als typisch für eine bestimmte Textsorte, insbesondere bei den wissenschaftlichen Textsorten (Artikel, Vortrag, Gutachten usw.).

Zusammenfassend kann man sagen, dass kommunikative Phraseologismen dem Empfänger und dem Absender helfen, einerseits die logische Struktur, d.h. Gliederung der Rede und des Textes, ihre Abfolge, Inhalte zu beachten, andererseits den Sinn, den roten Faden nicht zu verlieren und die Kommunikation *in Gang zu bringen* und *in Gang zu halten*. Es ist äußerst wichtig, sie zu kennen und im Text zu entdecken, um sich in der betreffenden Situation angemessen zu verhalten. Nicht umsonst wird im Gemeinsamen Europäischen Referenzrahmen soziolinguistische Kompetenz verlangt, zu der man u.a. das Herstellen von elementaren Kontakten, die Kenntnis von alltäglichen Höflichkeitsformeln oder Routineformeln rechnet. In wissenschaftlichen Texten übernehmen kommunikative Phraseologismen als Kommentar- und Verweisformeln insbesondere kommunikationssteuernde oder textgliedernde Funktionen. Dieses pragmatische Potenzial von Phraseologismen ist sinnvoll auch in Bezug auf die Phraseodidaktik und in Bezug auf die Einbindung der Phraseologismen im Fremdsprachenunterricht zu berücksichtigen.

LITERATURVERZEICHNIS

1. *Burger H.* Phraseologie: eine Einführung am Beispiel des Deutschen. Berlin : Erich Schmidt Verl., 2010. 239 S.
2. *Wotjak B.* Verbale Phraseolexeme in System und Text. Tübingen : Max Niemeyer Verl., 1992. 203 S.
3. *Kühnz S.* Phraseologie und Formulierungsmuster in medizinischen Texten. Tübingen : Gunter Narr, 2007. 313 S.

Якубёнок Л.М., к. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

заместитель декана по воспитательной работе

Yakubenok L.M., Cand. Sc. (Philology)

(Minsk, Belarus)

MSLU

Deputy Dean for Educational Work

E-mail: ludakub@tut.by

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЪЮНКТИВА II В УБЕЖДАЮЩЕЙ РЕЧИ

В работе рассматривается реализационный потенциал формы сослагательного наклонения в немецкоязычных адвокатских речах, описываются приемы убеждения, в воплощении которых используется конъюнктив II.

Ключевые слова: нереальность, конъюнктив II, приемы убеждения

PRAGMATIK POTENTIAL OF THE CONJUNCTIVE II IN A PERSUASIVE SPEECH

The paper deals the implementation potential of the subjunctive form in German-language lawyer speeches, describes the techniques of persuasion, in implementation of which the conjunctive II is used.

Key words: unreality, conjunctive II, techniques of persuasion

Одним из ярких представителей убеждающей речи является судебная речь, прежде всего, обвинительная и защитительная речи. Речь адвоката-защитника направлена на убеждение судей в невиновности подсудимого или оправдание его действий, и для достижения данной цели адвокат применяет разнообразные языковые способы и приемы. Одним из способов убеждения является перенос содержания высказывания в нереальный план.

Нереальность – это объективно-модальное значение, которое выражает отношение высказывания к действительности, а именно определяет явления и события, описанные в пропозиции, как нереальные, не сбывшиеся или не осуществимые. Основным средством выражения нереальности в немецком языке является сослагательное наклонение, конъюнктив II, хотя значение нереальности может также косвенно передаваться модальными глаголами: их основному значению – возможности, необходимости, разрешению, долженствованию – сопутствует значение неосуществленности действия, которое они описывают, т.е. его нереальности. Кроме того, значение нереальности

могут также иметь некоторые лексические единицы с соответствующей семантикой, однако в данном случае речь идет скорее о лексическом значении «нереальность», чем о модальном значении высказывания.

Проанализированные адвокатские речи на немецком языке свидетельствуют об употребительности форм конъюнктива II: 443 употребления в 17 адвокатских речах общим объемом 510 страниц. Рассмотрим несколько приемов убеждения, реализуемых при участии конъюнктива II.

Так, убеждение слушающих в том, что действия подзащитного были правильными, может осуществляться приемом «от противного», например:

Wenn den Tochtergesellschaften mitgeteilt worden wäre, dass der Cashpool gekündigt sei, ohne eine Ersatzlösung anzubieten, wäre dies als Untergangssignal aufgefasst worden, und es hätte die Gefahr bestanden, dass die Tochtergesellschaften begonnen hätten, eigene Lösungen zu suchen, wodurch das Chaos ausgebrochen wäre.

В приведенном фрагменте при помощи форм конъюнктива II представляется потенциально-возможное положение дел, а именно отрицательные последствия иного, воображаемого образа действий подсудимого, чем и оправдываются его реальные поступки.

Нереальная модальность, выраженная конъюнктивом II, в сочетании с оценочными средствами может служить выражению общей положительной оценки обвиняемого, например:

Sie spielte in der kurzen Zeit ihrer Tätigkeit eher die Rolle der Cassandra, als dass sie irgendetwas schöngefärbt hätte.

Нереально-сравнительное предложение с конъюнктивом II ‘ничего не приукрашая’, служит в данном фрагменте убеждению в том, что обвиняемой присущи правдивость и прямолинейность.

Желая убедить адресата в благих намерениях обвиняемого, адвокат при помощи конъюнктива II указывает на его ожидание положительного результата, что должно его оправдать, например:

Die Höhe des Vorschusses war realistisch, und mein Mandant konnte und durfte damit rechnen, dass Arbeiten mindestens in der Höhe des Vorschusses anfallen würden.

В данном примере при помощи формы кондиционалиса *anfallen würde* выражается убедительная мысль о том, что расчеты подсудимого, его чаяния и предположения были верны.

Кроме приемов, направленных на убеждение в правомерности действий обвиняемого и создание его положительного образа, нереальная модальность способствует убеждению в несостоятельности тезисов противника. Один из таких приемов – «сведение к абсурду». Суть его в том, что утверждаемое оппонентами положение дел должно иметь последствия, идущие вразрез со здравым смыслом и реальным положением дел, например:

Wäre der Vorschuss seine eigene Idee gewesen, hätte er sich im Fax gegenüber Frau Anderegg nicht auf dieses Telefonat bezogen. Und selbst wenn

man entgegen den Aussagen meines Mandanten annimmt, es sei seine Idee gewesen, hätte er diese zunächst am Telefon mit Frau Anderegg besprochen haben müssen, denn ansonsten hätte mein Mandant gar nicht erfahren dürfen, dass Homburger ebenfalls einen Vorschuss verlangt hatte. Dies konnte ihm nur Frau Anderegg mitteilen.

В данном фрагменте нереально-условные предложения, выступающие друг за другом в повторе, способствуют логичному и убедительному доказательству, что выдвигаемое прокуратурой обвинение несостоятельно и беспочвенно.

Конъюнктив II в сочетании с риторическим вопросом также служит убеждению в несостоятельности тезисов оппонента, например:

Die Staatsanwaltschaft erklärt uns nicht, weshalb die Angeklagte eine solche getarnte Zahlung denn überhaupt hätte anordnen sollen? Was hätte sie davon gehabt?

В приведенном примере утверждаемое обвинителями положение дел подвергается сомнению, недоверию благодаря использованию конъюнктива II в рамках риторического вопроса.

Адвокат также убеждает судей в недостаточности обвинения, указывая на то, что обвинители не реализовали все возможности для сбора доказательств, например:

Hat die Staatsanwaltschaft abgeklärt, welche Klienten mein Mandant vor der SAir betreute, wie es ihre Pflicht gewesen wäre? Sie hätte feststellen können, dass mein Mandant über eine grosse Anzahl international tätiger Grosskonzerne als Klienten verfügte, die er bereits vor seinem Wechsel zu SAir zu seinen Klienten zählen konnte.

Нереализованная возможность, выраженная в данном примере формами конъюнктива II, модальным глаголом *können* и риторической вопросно-ответной группой, сопряжена с такими негативными смысловыми оттенками, как порицание, напоминание и упрек.

Анализ примеров позволяет сделать вывод о том, что конъюнктив II как основное средство выражения модальности нереальности, в процессе убеждения реализует свой смысловой и прагматический потенциал различным образом. Приемы убеждения с использованием конъюнктива II в адвокатской речи могут служить как оправданию действий подзащитного, так выражению негативно заряженных смыслов, таких как упрек, недоумение, порицание, осуждение, нацеленных на убеждение в несостоятельности обвинения.

В завершении нужно отметить, что форма конъюнктива II с присущим ей значением нереальности гибко вплетается в целый арсенал языковых средств и способов воздействия на адресата. Ее особая прагматическая ценность заключается в том, что вынесение фактов, суждений и действий участников процесса в нереальный план обладает не явной, тонкой, но, возможно, поэтому более сильной убеждающей способностью.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

УДК 821.161.3-2.09

Барычэўская Т.Г., к. філал. н.
(г. Мінск, Беларусь)
МДЛУ

дацэнт кафедры тэорыі і практыкі нямецкай мовы

Barycheuskaya T.G., Cand. Sc. (Philology)
(Minsk, Belarus)
MSLU

Associate professor of the Department
of Theory and Practice of German
e-mail: tatsiana.syrayezhka@gmail.com

ГЕРМЕНЕЎТЫЧНАЯ П'ЕСА Ў ТВОРЧАСЦІ СЯРГЕЯ КАВАЛЁВА

У артыкуле разглядаецца эксперыментальны падыход прадстаўніка сучаснай беларускай драматургіі Сяргея Кавалёва да постмадэрнісцкага жанру рымейка.

Ключавыя словы: драматургія; постмадэрнісцкі; эксперымент; класіка; рымейк; герменеўтычны.

HERMENEUTIC DRAMA IN THE WORK OF SERGEI KOVALEV

This article examines the experimental approach of the representative of modern Belarusian drama, Sergei Kovalev, to the postmodern genre of the remake.

Key words: drama; postmodern; experiment; classic; remake; hermeneutic.

Калі супаставіць праявы постмадэрнісцкага мыслення ў беларускай драматургіі апошніх дзесяцігоддзяў з асноўнымі характарыстыкамі заходнееўрапейскага і амерыканскага постмадэрнісцкага дыскурсаў, якія асабліва выразна акрэсленыя ў творах М. Хайдэгера і Ж. Дэрыда, то на першы план выходзіць той факт, што беларускія тэатральныя крытыкі і драматургі таксама вымушаныя сёння выступаць адначасова як філосафы, гісторыкі і тэарэтыкі мастацтва. У тэатральным свеце шырока распаўсюджана постмадэрнісцкая цытатнасць, і драматургічны тэкст перыядычна стаецца не чым іншым, як магчымасцю залучыць чытача ў гульню разнастайных алузій, клішэ і сімулякраў.

Як свярджае вядомая беларуская літаратуразнаўца Е. А. Лявонава, галоўнай адзнакай постмадэрнісцкага стылю з'яўляецца “скіраванасць увагі пісьменніка на літаратурную спадчыну, мастацкія маніпуляцыі са створаным папярэднікамі” [1, с. 75]. У пошуку матываў і ідэй для такой маніпуляцыі беларускія аўтары ахвотна звяртаюцца ў сваіх тэатральных

экспериментах да класічных твораў. Многія сучасныя драматургі часу бачаць тут не столькі пераемнасць пакаленняў, колькі дадатковы матэрыял для вербальнай метамарфозы жанраў і стылістычных кодаў.

Але класіка і не патрабуе пастаяннага пацвярджэння сваёй значнасці – яна, як навуковая аксіёма, проста існуе і ўздзейнічае. Эксперимент немагчымы без традыцыі, і адным з найлепшых прыкладаў іх ўзаемадзеяння з’яўляецца працэс увасаблення ў драме “шматлікіх класічных рэмінісцэнцый шляхам “рымейкерства” (пераробкі ўжо існуючых літаратурных твораў)” [2, с. 150].

Так, беларускі драматург і літаратуразнаўца-медыявіст Сяргей Кавалёў (нар. 1963) вызначае сваю творчасць у гэтым рэчышчы як “герменеўтычную драматургію, якая спрабуе актуалізаваць у сучаснай тэатральнай культуры адметныя помнікі літаратурнай спадчыны, ажывіць забытыя сэнсы і значэнні” [3, с. 3]. Напрыклад, пад назвай “Звар’яцелы Альберт” (1991) С. Кавалёў увасобіў “ненapisаную п’есу” [2, с. 150] аднаго з пачынальнікаў новай беларускай літаратуры Яна Баршчэўскага (1794–1851) па матывах праязічнага зборніка “Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях” (1844–1846).

У папулярнай п’есе “Стомлены д’ябал” (1997) С. Кавалёў у лепшых традацыях постмадэрнісцкай драматургіі выкарыстаў розныя элементы з твораў Фр. Аляхновіча, Я. Купалы і К. Марашэўскага: аўтар звёў у адзіны сюжэт амаль ужо анекдатычных беларусаў Яську і Паўлінку, Д’ябла і Бога, чыя прысутнасць толькі падразумяваецца. Такая імпліцытнасць нагадвае бекетаўскага Гадо і “ролю” Ісуса ў п’есе вядомага аўстрыйскага драматурга сярэдзіны XX стагоддзя Харальда Цузанека “Понцій Пілат”: аб персанажы ўвесь час ідзе гаворка, але сам ён ні разу не з’яўляецца на сцэне.

Сяргей Кавалёў лічыць, што “герменеўтычная драматургія вельмі патрэбная сучаснаму беларускаму тэатру, якому відавочна бракуе нацыянальнага рэпертуару XVI-XIX стст.” [3, с. 8]. Таму драматург звяртаецца ў патройным рымейку “Трышчан, або Блазны на пахаванні” (1993) да зместу старабеларускага рыцарскага рамана, які, у сваю чаргу, быў калісці створаны па матывах старажытнакельцкай сагі.

Аўтар змешвае трагічнае з камічным, травесцію з любоўнай меладрамай. Падобны прыём прымяніў за паўстагоддзя да яго Х. Цузанек у сваёй п’есе-алегорыі “Сусветны тэатр”, што яшчэ раз даказвае тэзіс аб больш познім з’яўленні постмадэрнісцкіх эксперыментальных тэндэнцый у беларускім тэатральным жыцці і паскораным іх засвойванні айчыннымі драматургамі. Трэба адзначыць таксама, што С. Кавалёў у гэтым творы іранічна адаптуе да сучаснага ўспрымання славуцы прыём “тэатр у тэатры”, які за мінулыя стагоддзі не згубіў свайго творчага патэнцыялу.

П'еса “Тарас на Парнасе” (2004) з’яўляецца вольным пераказам твора Канстанціна Вераніцына, што доўгі час лічыўся ананімным. П’еса яднае ў сабе іранічную цытацыю антычных твораў на міфалагічныя тэмы і шматлікія бурлескныя элементы, якія перш за ўсё праяўляюцца ў мове дзейючых асоб – багоў і герояў:

Венера (насмешліва). Цікава, дзе ён яго знайшоў? // Бахус. Мяркуючы на мордзе – у карчме. // Геркулес (накрыўджана). Ты на сваю морду зірні, Бахус [3, с. 159].

Акрамя міфалагічных цытат, у рымейку С. Кавалёва прысутнічаюць і тыповыя алюзіі да літаратуры савецкіх часоў, увасабленнем якой з’яўляецца Народны Паэт у *строгім сучасным гарнітуры з медалямі на штрыфлях* [3, с. 52]. Беларускі драматург падкрэслівае: “Герменеўтычная п’еса толькі адштурхоўваецца ад аднаго ці некалькіх літаратурных тэкстаў, яе аўтар поўнасьцю свабодны ў канструяванні новага мастацкага свету, дыялог адбываецца не толькі паміж героямі, але і паміж рознымі творамі, жанрамі, эпохамі” [3, с. 9].

Такім чынам, герменеўтычная п’еса яднае ў сабе ўсе прыкметы постмадэрнісцкага драматургічнага эксперыменту, але яе характарызуюць не толькі інтэртэкстуальнасць і полістылістыка. Яднаючы эксперымент і традыцыю, персанажы Сяргея Кавалёва звяртаюцца паўз дэкарацыі месца і часу наўпрост да сучаснага глядача з пэўнай мэтай: паказаць, што прынцыпы гуманістычнага маральнага імператыва ніколькі не змяніліся за тысячы гадоў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. *Лявонава Е. А.* Беларуская літаратура XX ст. і еўрапейскі літаратурны вопыт : дапам. для студэнтаў філал. фак. Мінск : БДУ, 2002. 130 с.

2. *Васючэнка П. В.* Сучасная беларуская драматургія : дапам. для настаўнікаў. Мінск : Маст. літ., 2000. 158 с.

3. *Кавалёў С.* Стомлены д’ябал : п’есы. Мінск : І. П. Логвінаў, 2004. 190 с.

Витченко Л.В.
(г. Минск, Беларусь)
БГУ

ст. преподаватель кафедры английского языка
международной профессиональной деятельности
факультета международных отношений

Vitchenko L.V.
(Minsk, Belarus)
BSU

Sen. Lecturer of the Department of English for
International Professional Activities
Faculty of International Relations
e-mail: Vitchenko_LV@tut.by

ИМПЕРАТИВНЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В АНГЛО- И ИТАЛОЯЗЫЧНОМ ДИАЛОГЕ

В статье анализируются функции директивных речевых актов, в состав которых входит глагол речи в императивной форме. Показано, что в англо- и италоязычном обыденно-разговорном диалоге чаще всего такие директивы используются в качестве средства регулирования коммуникативной инициативы.

Ключевые слова: императив; директивный речевой акт; прагматическая функция, коммуникативная инициатива

IMPERATIVE FORMS OF COMMUNICATIVE VERBS IN ENGLISH- AND ITALIAN-SPEAKING DIALOGUE

In the article functions of directive speech acts which comprise a communicative verb in its imperative form are being analyzed. It is shown that such acts are more often used as a means of regulation of communicative initiative in an English- and Italian-speaking colloquial dialogue.

Key words: imperative, directive speech act, pragmatic function, communicative initiative

Коммуникативные глаголы (или, в иной терминологической трактовке, глаголы речи, глаголы речевой деятельности) не раз подвергались тщательному семантическому анализу (см., в частности, работы С. М. Антоновой, Л. Г. Бабенко, Л. М. Васильева, М. Я. Гловинской, И. А. Ермолаевой, Е. В. Падучевой, Н. Ю. Шведовой и др.). В то же время не меньший интерес представляют и их функциональные характеристики: целесообразно предположить, что прагматический функционал данной группы глаголов существенно отличается от функционала глаголов иных семантических групп (глаголов интеллектуальной деятельности, движения/перемещения, эмоционального состояния и др.).

В настоящей работе мы обратились к прагматическим функциям, которые реализуются императивными формами коммуникативных глаголов. Подчеркнем, что речь идет не об обобщенных характеристиках директивных иллокуций (реквестивных, суггестивных и прескриптивных), а о конкретных, частных прагматических задачах, которые решаются при употреблении таких директивов.

Анализ 3200 фрагментов обыденно-разговорных диалогов, отобранных из текстов произведений современных английских и итальянских авторов методом сплошной выборки (по 1600 в каждом из языковых корпусов), показал, что наиболее типичной функцией императива коммуникативного глагола является **регулирование коммуникативной инициативы** (далее КИ) (60 % от общего количества англоязычных и италоязычных контекстов). В частности, для **передачи КИ** в английском языке чаще всего служат *tell me, say* (см.: «*Andrew!*» *The wife turns to her husband. «Say something!*»), а в итальянском языке – *di', dimmi, mi dica* (ср.: «*Allora, dimmi tutto, amico mio. Cosa posso fare per te?*»).

Навязывание КИ в обоих языках, как правило, характеризуется дублированием соответствующего императива в последующих репликах одного и того же коммуниканта, ср.:

«*Dimmi che mi vuoi bene*» *supplicò a un certo punto*».

«*Sì*».

«*Dimmelo*.» (E. Ferrante. *Storia del nuovo cognome*);

«*Tell me*».

«*I couldn't spoil the surprise*».

«*Tell me!*» (S. Kinsella. *Remember me?*).

Для **поощрения КИ** английские коммуниканты используют *carry on, feel free to continue, keep saying/talking, just get on with it* (см., «*Oh, baby. Keep talking*»), а итальянские собеседники прибегают к таким императивным выражениям, как *non tenere nascosto niente, fai uscire tutto, liberate* (ср., «*Stai tranquilla, Miriam. Tranquilla... Così... Fai uscire tutto... Liberati, tesoro*»).

Удержание КИ осуществляется посредством императивных единиц/конструкций *don't interrupt, let me do the talking, let me finish/say everything/explain* в английском (см., «*Don't interrupt. I am just trying to prevent you from making this mistake*») и *fammi parlare/spiegare/sfogare/finire, aspetti il resto, non mi distrarre, non mi interrompa* в итальянском языках (ср., «*Deborah, fammi finire adesso arriva la parte divertente*»).

Для **запрета и/или захвата КИ** коммуниканты в английском языке задействуют императивные выражения *spare me, don't say anything, say nothing/no more, shut up, don't tell him/her/everyone/me that, stop it, quit it, leave it*, в итальянском *non lo chiedere, non fare questi discorsi/ discussioni/ domande, stai zitta*, см., например:

Writer: Look at her now. Five children, hunger, beatings. All that beauty destroyed by duty, which we're told produces inner tranquility reflected in the – Master: Shut up, shut up. (C. Churchill. *A Dream Play*);

«Senti...»

«Binetti, *stai zitto*. Oggi non è la tua giornata.» (F. Volo. Le prime luci del mattino).

В обыденно-разговорных диалогах директивные речевые акты, в состав которых входят императивы коммуникативных глаголов, выполняют и ряд иных функций (на долю соответствующих контекстов приходится около 30% всего проанализированного количества диалогических фрагментов на обоих языках). Так, коммуниканты могут использовать подобные речевые действия в качестве:

а) **регулятора качественных характеристик коммуникации** (посредством императивов/императивных выражений: *don't lie to me, tell the truth, don't say silly things* в английском языке и *non dire cretinate/fesserie/idiozie/scemenze, non mentire, non mi portare/prendere in giro, non dica balle, dimmi/di' la verità, non mi portare/prendere in giro* в итальянском), ср.:

«Anna! What does she mean? There's... there was nothing between me and Megan Hipwell».

«I found the phone, Tom», she says, her voice so small, she's almost inaudible.

«So please, don't. **Don't lie. Just don't lie to me**» (P. Hawkins. The Girl on the Train);

Oreste: **Dimmi la verità**, Carla... sono un uomo cattivo, io?

Carla: Cattivo? Tu? Ma se sei buono come il pane! (V. di Piramo. Natale al basilico);

б) **средства мониторинга физических параметров канала взаимодействия** (в составе таких побудительных речевых действий отмечаются следующие императивные единицы: *don't raise your voice at me, stop shouting, keep your voice down, turn it down a bit* в английском и *non gridare/urlare, non alzare la voce, abbassi la voce, non strillare, parla più forte* в итальянском), как в следующих диалогических контекстах:

Mary: For heaven's sake I'm only 30 feet away!!

Barbara: **Keep your voice down** or he will hear you if he doesn't see you. (A. Lowe. Another Saturday Night);

Teodore: (*alzando al voce*) Il modo? Per fare che cosa signora Mitchell?

Susan: Avvocato, **abbassi la voce**. Ho pensato che niente può essere meglio di un suicidio. (F. Veneziano. Scusi lei...ucciderebbe mio marito?);

в) **регулятора коммуникативной тональности или маркера неподходящей/ несоответствующей месту манере речи** (в английском языке эта функция реализуется довольно широким диапазоном императивов/ императивных выражений: *don't tease me, don't lecture, don't be rude, don't swear, don't argue, don't put/say it like that, don't speak to me like that, don't talk like that, stop talking like that, don't ever use this word/those words*; в итальянском языке в данной функции представлены единицы/конструкции типа *non esagerare/esageriamo, non fare la filosofa, non fare l'ironico, non scherzare, non litigare, non bestemmiare*:

Jack: How many bags does she need, for fucksake?

*Debbie: **Don't swear** in front of her* (L. Butler. The early bird);

Bianca: Intendevo dire che dovremmo aiutare Giovanna a dimenticare. Togliamo le foto di Paolo, gli oggetti della loro vita insieme, dovremmo anche togliere i taglianti.

*Deborah: **Non esagerare Bianca!!*** (S. De Ruvo. Il Matrimonio Mancato)

Наконец, реже всего, по нашим наблюдениям, коммуникативные глаголы в императивной форме в составе побудительных речевых актов могут служить **средством контроля понимания, регулятором развития темы или средством мониторинга темпа диалога** (менее 10 % контекстов в обоих выборках).

Таким образом, директивные высказывания, включающие в свой состав императивы коммуникативных глаголов, позволяют участникам обыденно-разговорного диалога на английском и итальянском языках решать весьма широкий круг разнообразных прагматических задач, наиболее релевантной из которых (по критерию употребительности) является регулирование коммуникативной инициативы.

Внук Т. В., к. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

доцент кафедры второго иностранного языка (немецкий)

Vnuk T. V., Cand. Sc. (Philology)

((Minsk, Belarus)

MSLU

Associate Professor of the Department of the second foreign language (German)

e-mail: vnouktati@yandex.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА С НЕСКОЛЬКИМИ КОМПОНЕНТАМИ ОДНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОДА

Данная статья посвящена анализу фразеологических единиц немецкого языка, имеющих в своем составе два (или в редком случае больше) субстантивных компонента, относящихся к одному лингвокультурологическому коду.

Ключевые слова: лингвокультурологический код; фразеологическая единица; соподчинение; подчинение.

PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE GERMAN LANGUAGE WITH SEVERAL COMPONENTS OF ONE LINGUOCULTURAL CODE

This article is devoted to the analysis of phraseological units of the German language, which have two (or in rare cases more) substantive components related to the same linguacultural code in their composition.

Key words: linguacultural code; phraseological unit; cosubordination; subordination.

О роли лингвокультурологического кода в означивании мира говорят многие исследователи. Код – это особая структура переосмысления знаний, представленная в виде модели и выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений [1, с. 7]. Культурный код – способ постижения мира, потому что содержит в себе информацию о том, как знание передавалось от поколения к поколению [1, с. 23].

В рамках данного исследования проведен структурно-семантический и лингвокультурологический анализ 90 фразеологических единиц (ФЕ) немецкого языка, имеющих в своем составе 2, в редких случаях 3 или даже 4 субстантивных компонента, относящихся к одному лингвокультурологическому коду. Фразеологизмы выборки отобраны из словарей и представлены как единицами со структурой словосочетания, так и

паремиями. Они относятся к семи лингвокультурологическим кодам: зоологическому (36 ФЕ), гастрономическому (17 ФЕ), соматическому (16 ФЕ), антропологическому (6 ФЕ), растительному (5 ФЕ), вещественному (4 ФЕ), космогоническому (3 ФЕ), музыкальному (3 ФЕ).

При анализе исследованных единиц было выявлено пять групп единиц: 1) 46 единиц содержат два субстантивных компонента одной подгруппы (подкласса) (*Das Hemd ist mir näher als der Rock* ‘Своя рубашка ближе к телу’ досл. ‘Рубашка мне ближе, чем юбка’); 2) в состав 31 фразеологизма входят компоненты разных подгрупп (подклассов) (*Gans und Schwein geben kein Paar* ‘Гусь свинье не товарищ’); 3) в 3 единицах повторяется один и тот же компонент (*Wurst wider Wurst* ‘Как ты мне, так и я тебе; За добро – добром, за зло – злом’ досл. ‘Колбаса за колбасу’); 4) 1 единица содержит 3 компонента, 2 из которых относятся к одной подгруппе (подклассу), 1 – к другому (*Galle im Herzen, Honig im Mund* ‘Мягко стелет, да жёстко спать’ досл. ‘Желчь в сердце, мед во рту’); 5) в состав 1 ФЕ входит 4 компонента (2 одного подкласса и 2 – другого) (*Habich ist ein schöner Vogel, Hättich nur ein Nestling* ‘Лучше синица в руках, чем журавль в небе’ досл. ‘Ястреб – красивая птица, хаттич – только птенец’).

В 75 единицах между субстантивными компонентами прослеживается соподчинение (*Wie die Mutter, so die Tochter/Wie Vater, so Sohn* ‘Яблоко от яблони недалеко падает’ досл. ‘Какая мать, такая и дочь/Какой отец, такой и сын’), в 15 ФЕ – подчинение, поскольку 1 из компонентом является частью другого (*Eier im Fett haben* ‘как сыр в масле кататься’ досл. ‘иметь яйца в жире’). Соподчинение в основном реализуется через союзы *wie...so..., und, auch ohne, besser als..., weder...noch...* (*Ein alter Adler ist stärker als eine junge Krähe* ‘Старый орел сильнее молодой вороны’), подчинение – через предлоги *in, von, (j-m/für j-n die Sterne vom Himmel holen* ‘достать для кого-либо звезду с неба’).

В 10 ФЕ в парах компонентов разных подгрупп (подклассов) прослеживаются гиперонимо-гипонимические отношения (*омлет – яйца, пудинг – яйца, пирог – изюм, пудинг – сливы, пирог – грибы, вены – кровь, лес – дерево* и т.п.), например: *Vor lauter Bäumen den Wald nicht sehen* ‘За деревьями леса не увидеть’; *Der Ton macht die Musik* ‘Важно не то, что сказано, а как сказано’ досл. ‘Тон делает музыку’.

В ходе лингвокультурологического анализа были установлены необычные сочетания компонентов (яблоко и яйцо, хлеб и жаркое, желудок и подколенная впадина, желудок и уши, улитка и птица, сова и ворона и др.), например: *Ein leerer Magen hat keine Ohren* ‘Голодное брюхо к учению глухо’, *j-m hängt der Magen in den Kniekehlen* ‘живот подвело от голода’, *die Eule unter Krähen* ‘белая ворона, посмешище’.

Даже без проведения лингвистического анализа видно, что такие субстантивные пары не характерны для русского языка. Можно предположить, что сравнительный анализ подобных фразеологизмов в немецком и русском языках поможет выявить существенные отличия, указывающие на различия в картине мира этносов.

Несомненно, использование двух субстантивных компонентов, относящихся к одному лингвокультурологическому коду, в составе одной ФЕ способствует интенсификации значения фразеологизма, привлечению внимания, расстановке дополнительных акцентов. Например, в пословице *Ein Onkel, der Gutes mitbringt, ist besser als eine Tante, die bloß Klavier spielt* досл. 'Лучше иметь дядю, который приносит с собой добро, чем тетю, которая только играет на пианино' благодаря компонентам *Onkel* и *Tante* не только подчеркиваются гендерные различия (мужчина как активный деятель, женщина как любительница занятий для души), но и композиционно выделяется оппозиция «хороший – плохой». Данные компоненты находятся в соподчинении через конструкцию *besser als*.

Таким образом, во фразеологическом фонде немецкого языка имеется небольшое количество единиц с 2 (или даже 3 или 4) субстантивными компонентами, относящимися к одному лингвокультурологическому коду. Такие комбинации компонентов одной подгруппы (подкласса) или двух разных усиливают значение единицы, придают ей оригинальность, яркость. Особенно выигрышны не обычные «комбинации» (например, хлеб с солью, водой или маслом), а, на первый взгляд, несочетающиеся вещи (*Galle im Herzen haben* 'иметь желчь в сердце'). Особого внимания заслуживают и единицы с гиперонимо-гипонимическими парами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. 180 с.

Гибкий П.В.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

преподаватель кафедры теории и практики китайского языка

Gibkiy P.V.

(Minsk, Belarus)

MSLU

Lecturer of the Department of Theory and Practice of Chinese

e-mail: pavel.gibkiy@bk.ru

ВОСПРИЯТИЕ ФЕНОМЕНА ВРЕМЕНИ НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье исследуется восприятие феномена времени носителями китайского языка, которое имеет антропоцентричный характер и ориентировано на прошлое. В китайской лингвокультуре феномен времени, прежде всего, рассматривается как «промежуток», «период», «момент» и «продолжительность». Наиболее частотными лексическими обозначениями времени в китайском языке являются лексические единицы 时间 *shíjiān* ('время') и 年 *nián* ('год'), происхождение которых связано с сельскохозяйственной деятельностью древних китайцев.

Ключевые слова: китайский язык, лингвокультура, феномен времени, лексические единицы, значение, происхождение.

THE PERCEPTION OF THE TIME PHENOMENON BY CHINESE SPEAKERS

The article examines the perception of the phenomenon of time by Chinese speakers, which is anthropocentric in nature and focused on the past. In Chinese linguistic culture, the phenomenon of time is primarily considered as “interval”, “period”, “moment” and “duration”. The most commonly used lexical temporal indicators in Chinese are the lexical units 时间 *shíjiān* ('time') and 年 *nián* ('year'), the origin of which is associated with the agricultural activities of the ancient Chinese people.

Key words: Chinese language, linguistic culture, time phenomenon, lexical units, meaning, origin.

Изучая иностранный язык, мы так или иначе сталкиваемся с непониманием со стороны его носителей или с трудностями в общении с ними. Особенно остро данная проблема возникает, когда лингвокультуры народов изучаемого и родного языка далеки друг от друга. Одними из первых учёных, высказавших мысль о том, что язык влияет на мышление

его носителей, были В. Гумбольдт, Э. Сепир и Б. Уорф. По словам В. Гумбольдта, «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [1, с. 80]. В этой связи можно упомянуть гипотезу лингвистической относительности Сепира и Уорфа, согласно которой «мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком; мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию» [2, с. 175]. Другими словами, мышление носителя определенного языка неотделимо от лингвокультуры, под которой В. В. Красных понимает «закрепленную в знаках живого языка и проявляющуюся в языковых процессах культуру» [3, с. 10]. А.Я. Гуревич отмечал, что феномен времени «субъективно переживается и осознается людьми, ... воспринимается и применяется ими неодинаково ..., их временные ... понятия всегда определены той культурой, к которой они принадлежат» [4, с. 159]. Понятие времени в китайском языке заключено в лексической единице 时间 shíjiān. Первый компонент 时 (shí) в современном китайском языке входит в состав лексической единицы 小时 xiǎoshí ('час'), конструкции ... 的时候 de shíhou – 'когда ..., во время' и др. Данный иероглиф, в свою очередь, состоит из двух семантически значимых элементов: 日 rì ('солнце') и 寸 cùn (в настоящее время соответствует единице измерения 'цунь', 3,33 см, произошёл от изображения 'кисти руки с отметкой, указывающей на меру длины') [5], которой китайцы вычисляли местоположение солнца, и таким образом определяли время в процессе сбора урожая. Более древнее значение данного иероглифа – 'сезон'. Второй компонент 间 jiān прежде означал 'находиться между ч-л' [5], теперь передает значение 'помещения либо его отсека, комнаты'. Как считала Тань Аошуан, «связь понятия времени с понятием помещения говорит о неотделимости в наивной картине мира китайцев понятия времени от понятия пространства» [6, с. 36]. По утверждению китайского лингвиста, время в языковой картине мира китайцев соотносится с человеческой жизнью: молодое поколение движется в прошлое за своими предками. Более того, автор отмечала, что «сочетание 未来 wèilái ('будущее') – это, дословно, «еще не пришедшее». 来 lái подразумевает движение от будущего в сторону говорящего, 去 qù – движение от

говорящего к прошлому (см. 过去 *guòqù* «прошлый» [6, с. 42–43]). Автор отмечала, что «в китайском языковом сознании агенсом выступает человеческий род, а не само время» [6, с. 41–43]. О. В. Чибисова и И. В. Каминская в результате анализа 2 000 китайских пословиц выяснили, что в китайской лингвокультуре феномен времени, прежде всего, рассматривается как «промежуток», «период», «момент», «продолжительность» [7, с. 99]. В предыдущих исследованиях, выполненных нами, был сделан вывод о том, что лексические единицы 时间 *shíjiān* («время») и 年 *nián* («год») являются самыми употребляемыми лексическими обозначениями временных отношений в китайском языке (см. [8, с. 186] и [9, с. 70]), с чем связана их многозначность: 时间 *shíjiān* имеет семь основных значений: «1) час; 2) время года; 3) эпоха; 4) подходящий момент; 5) время; 6) свое время; 7) назначенное время» [7, с. 95], 年 *nián* может обозначать единицу летосчисления, период времени и возраст, восходит к изображению человека, несущего собранный урожай [5].

Итак, восприятие феномена времени носителями китайского языка характеризуется антропоцентричностью и направленностью в сторону прошлого. В китайской лингвокультуре феномен времени, прежде всего, рассматривают как «промежуток», «период», «момент» и «продолжительность». Наиболее частотными лексическими обозначениями времени в китайском языке являются лексические единицы 时间 *shíjiān* («время») и 年 *nián* («год»), происхождение которых связано с сельскохозяйственной деятельностью древних китайцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 326 с.
2. Сетир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
3. Красных В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2013. № 2. С. 7–18.
4. Гуревич А. Я. Представления о времени в средневековой Европе // История и психология. М., 1971. С. 159–198.

5. 汉语大字典/汉语大字典编委会：徐中舒、李格非、赵振铎等，学术顾问组：于省吾、王力等。武汉：崇文书局，2010。5727页。= Большой словарь китайских иероглифов / редкол.: Сюй Чжоншу, Ли Гэфэй, Чжао Чжэньдо [и др.]. Ухань : Чунвэнь, 2010. 5727 с.

6. *Аошун Тань*. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность. М. : Яз. славян. культуры. 232 с.

7. *Каминская И. В., Чибисова О. В.* Концепт «время» в русской и китайской лингвокультурах // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2012. № 35. С. 93–103.

8. *Гибкий П. В.* Концепт «время» в китайской языковой картине мира // XXIV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета / под общ. ред. Д. А. Погонишева. Нижневартовск, 2022. Ч. 7 : Филология. Лингвистика. Перевод. С. 189–194.

9. *Гибкий П. В.* Семантика лексической единицы 年 ('год') в китайском языке и русского коррелята год // От слова к дискурсу: разнообразие форм и (не)предсказуемость смыслов : тез. докл. междунар. науч. конф., Минск, 12–13 мая 2023 г. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Л. М. Лещёва (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2023. С. 70–71.

Иванова М.А.
(г. Москва, Россия)
ФГБОУ ВО МГЛУ

преподаватель кафедры лексикологии и
стилистики немецкого языка

Ivanova M.A.
(Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University
Lecturer of Department of Lexicology
and Stylistics of German
e-mail: mashaliva@rambler.ru

ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА NETZFREUNDSCHAFT (дружба в социальных сетях)

Дружеские межличностные отношения трансформируются в результате использования виртуальной коммуникации. Для изучения этих процессов в работе анализируются способы вербализации предметно-образной стороны концепта NETZFREUNDSCHAFT.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт; виртуальная коммуникация; язык социальных сетей; межличностные отношения; дружба

LINGUISTIC VERBALIZATION OF CONCEPT NETZFREUNDSCHAFT (Netfriendship)

Friendly interpersonal relations are transformed as a result of virtual communication using. To study these processes, the paper analyses the ways of verbalising the subject-image component of the NETZFREUNDSCHAFT concept.

Key words: cultural concept; virtual communication; language of social networks; interpersonal relations; friendship

Глобальные процессы, связанные со стремительным развитием и активным использованием виртуальной коммуникации, находят свое отражение в конструировании мира. При этом способы концептуализации действительности трансформируются, что приводит к пересмотру или уточнению уже сформированных когнитивных сущностей, а также, к формированию новых, не существовавших ранее концептов [1, с. 62].

В современном мире межличностные взаимоотношения реализуются не только в реальном, но и в виртуальном пространстве, что ведет к изменению процессов зарождения и поддержания разных социальных связей, так как ранее интимные отношения становятся публичными. Поскольку в немецкоязычных социальных сетях каждый, входящий в список контактов, обозначается как *Freund* 'друг', понятие *Freundschaft*

‘дружба’ приобретает новое значение: *Netzfreundschaft* ‘дружба в социальных сетях’ [2, с. 100].

С целью проследить особенности объективации дружеских межличностных отношений в виртуальном пространстве в работе выделяется лингвокультурный концепт NETZFREUNDSCHAFT и исследуется языковая вербализация его предметно-образной стороны.

Предметно-образная сторона концепта демонстрирует, согласно В. И. Карасику, целостное, обобщенное представление в сознании индивида, ассоциирующееся с каким-либо событием, предметом или качеством [3, с. 162]. На основе анализа описывающих дружбу в виртуальном пространстве контекстов из СМИ и комментариев в социальных сетях в работе выделены основные образы, которыми виртуальная дружба представлена в сознании представителя современной немецкоязычной культуры.

Во-первых, дружба в виртуальной коммуникации рассматривается как список контактов, так называемый «список друзей». В социальных сетях пользователей, с которыми можно делиться контентом, включают в так называемые *Freundesliste* ‘списки друзей’, т.е. организованные определенным образом электронные списки (*zur Freundesliste hinzufügen* ‘добавить в список друзей’; *bestätigte Freundschaft* ‘подтвержденная дружба’). Запрос на добавления в «друзья» можно подтвердить или отклонить, а также «друга» из этого списка можно удалить (*eine Freundschaftsanfrage erhalten/bekommen* ‘получить запрос на добавление в друзья’; *den Freund löschen* ‘удалить друга’).

Во-вторых, в список контактов может быть включено неограниченное количество «так называемых» или «предполагаемых» друзей, число которых может увеличиваться и уменьшаться (*tausend, hunderte virtuelle Freunde* ‘тысячи, сотни виртуальных друзей’; *mehr als 200 «angebliche» Freund* ‘более 200 «предполагаемых» друзей’). Отмечается, что, когда «друзей» накапливается слишком много, то пользователь уже не может поддерживать или продолжать общение («*Freunde*» *anhäufen* ‘накапливать «друзей»’; *Überfreundung* ‘состояние, при котором слишком много друзей’).

В-третьих, подчеркивается легкость и мимолетность дружеских отношений в социальных сетях. «Друзья» в виртуальном пространстве быстро приходят и уходят, такие отношения легко завести (*Freunde, die kommen und gehen* ‘друзья, которые приходят и уходят’; *Freundschaften schnell und unkompliziert knüpfen* ‘заводить друзей быстро и легко’). Кроме того, процесс начала и окончания взаимоотношения доведен до автоматизма и может протекать незаметно (*automatisch geschlossene Freundschaft* ‘автоматически заключенная дружба’; *Freundschaft meist vom Gegenüber völlig unbemerkt beenden* ‘окончить дружбу полностью незаметно для второго пользователя’).

В-четвертых, в рамках виртуальной коммуникации сопоставляется виртуальная дружба и вражда. Так как «другом» называется любой пользователь из списка контактов, то им может оказаться человек, с которым у пользователя неприязненные отношения (*meisten dieser Freunde eigentlich Fremde waren* ‘большинство этих друзей были на самом деле чужими’ *gefährliche Internetfreunde* ‘опасные Интернет-друзья’). Такие «друзья» могут даже ненавидеть друг друга (*zwei Bekannte hassen sich gegenseitig* ‘два друга ненавидят друг друга’; *der gehasste Freund* ‘ненавистный друг’).

В работе отмечено, что во всех приведенных выше коллокациях используется лексема *Freund* ‘друг’, хотя формально речь идет о пользователе из списка контактов. В контекстах граница между реальными и виртуальными друзьями проводится с помощью уточнения термина (*Internetfreunde* ‘Интернет друзья’, *virtuelle Freunde* ‘виртуальные друзья’), с помощью определений (обычно с отрицательной коннотацией) (*angeblich* ‘предполагаемый’, *so genannte* ‘так называемый’) или с помощью кавычек («*Freund*» ‘«друг»’). Однако, чаще всего такого различия нет.

Таким образом, изучение предметно-образной стороны концепта NETZFREUNDSCHAFT помогает проследить образование новых образов, с которыми ассоциируется виртуальная дружба. В отличие от традиционной дружбы, которая воспринимается в немецкоязычной культуре как нерушимая ценность, построенная на готовности к взаимопомощи, у дружбы в виртуальном пространстве отсутствуют однозначно положительные характеристики [2, с. 103]. Дружба становится сопоставима со списком контактов, в котором может быть большое количество мимолетных «друзей», эти взаимоотношения могут быть легко начаты и завершены. Виртуальный друг также ассоциируется у некоторых пользователей с опасным ненавистным врагом. Появление новых, нетипичных для естественной коммуникации образов свидетельствует о глобальном сдвиге форматов межличностных коммуникаций в виртуальном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галичкина Е. Н., Лутовинова О. В. Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса // Интернет-коммуникация как новая речевая форма : коллектив. моногр. М., 2012. С. 53–71.
2. Иванова М. А. Концепт *Freundschaft* (Дружба) в виртуальной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2020. Т. 19, № 4. С. 99–108.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

Кострова О.А., д. филол. н.
(Самара, Россия)
Самарский социально-педагогический университет
профессор

Kostrova O. A., Dr of Sc. (Philology)
(Samara, Russia)
Samara State University of Social Sciences and Education
Professor
e-mail: olga_kostrova@mail.ru

НЕМЕЦКИЙ ПАССИВ КАК ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Этнолингвистичность немецкого пассива рассматривается в грамматическом и функциональном аспектах. Востребованность пассива в немецкой лингвокультуре объясняется особенностями немецкого рационального менталитета.

Ключевые слова: этнолингвистика; непереходность; безличность; устранение субъекта речи; специфика пассивных ситуаций

GERMAN PASSIV AS AN ETHNOLINGUISTIC PHENOMENON

The paper deals with two aspects of German passive voice that is analyzed in grammatical and functional sense. The Author explores the need for passive voice in German linguistic culture with specify of German rationalistic mentality.

Key words: ethnolinguistics; non transient; impersonality; removing of speech subject; specifics of passive situations

Этнолингвистика определяется как раздел языкознания, исследующий соотношение и связь языка с духовной культурой, народным менталитетом и народным творчеством [1, с. 20]. К инструментарию этнолингвистики относят понятия, связанные со стереотипами (культурными концептами), с когнитивными дефинициями, точкой зрения и перспективой, профилированием, ценностями и субъектом [2, с. 6]. Духовная культура включает в качестве важнейшего компонента язык, однако до сих пор основное внимание уделяется при этом лексике и фразеологии [1, с. 77]. На наш взгляд, при таком понимании незаслуженно игнорируется грамматика, которая тоже несет на себе черты этнолингвистической специфичности. *Цель статьи* состоит в выявлении грамматических, функциональных и этнолингвистических факторов, позволяющих рассматривать немецкий пассив как этнолингвистический феномен.

Исследование проведено методом анализа причин частотного преобладания пассива в немецком языке сравнительно с употребительностью страдательного залога в русском, а также сопоставления выбора залога при концептуализации аналогичных ситуаций в немецком и русском языках.

Критерии отбора языковых единиц и их относительной частотности причисляются к идиоэтническим характеристикам языка [3, с. 18]. Причины количественного преобладания пассива в немецких текстах объясняются в лингвистике морфолого-синтаксическими особенностями строя немецкого языка. К морфологическим особенностям относятся возможность транзитивации глаголов с помощью префиксов (1), а также возможность образования форм так называемого безличного пассива от непереходных глаголов, которые рассматриваются как квазистрадательные [4, с. 43] (ср. 2). Кроме того, мы обнаружили пассивизацию предложений с модальными глаголами (3), которая считается невозможной [7, с. 107]. Все это увеличивает количество потенциальных пассивных форм, ср.:

- (1) *Die einen herrschen, die anderen werden beherrscht* [5].
- (2) *Aber so wird gedacht in Teilen der Partei* [6].
- (3) *Wenn in Berlin wirklich der Ausstieg gewollt wird,...*[6].

Для синтаксической организации немецкого предложения более естественна рематизация агенса с помощью пассива. Ср. примеры, приводимые в [7, с. 105]: *Куклу купил старик vs. Die Puppe wurde von einem alten Mann gekauft*. Вероятно, это связано не только с темарематическим членением, но с рациональностью немецкого менталитета, настраивающего на вторичный способ вербализации ситуации, средством реализации которого является пассив. Вместе с тем, высокий индивидуализм немецкой культуры [8, с. 39] ориентирует говорящего на результат, что обуславливает интуитивный выбор пассивной формы высказывания, актуализирующей действие, даже если оно выражено непереходным или модальным глаголом.

Функциональная этноспецифика пассива, реализующего потенциал языка как культурного кода, проявляется в концептуализации обозначаемых с его помощью ситуаций. Актуализация в пассивном предложении действия позволяет применять коммуникативную стратегию удаления субъекта речи, придающую высказыванию объективность, что воспринимается в немецкой культуре как наиболее приемлемый способ решения коммуникативных и когнитивных задач (ср. [9, с. 422]). Особенно часто эта стратегия применяется при концептуализации нелицеприятных для говорящего ситуаций, позволяя ему «сохранить лицо». Этноспецифика особенно ярко проявляется при употреблении инфинитива пассива в синтаксической функции объекта, например, после глаголов со значением просьбы. Ср. пример (4) и его перевод (4а):

(4) *Im Jahr nach der Konfirmation begann Viktoria zu betteln, nach Königsberg aufs Mädchenpensionat geschickt zu werden* [10, S. 23-24]. – (4а) *После конфирмации Виктория начала упрашивать родителей отправить ее в Кёнигсберг в пансионат для девиц* [11].

Инфинитив пассива не столь частотен, важна, однако, сама возможность подобной концептуализации, которая исключается в русском языке. Неприятные для персонажа ситуации обычно передаются финитной

формой пассива, их репрезентация в русском языке, как правило, осуществляется активным залогом (5), (5а), хотя пассив при этом не исключается (6), (6а). Отметим при этом, что репрезентация агенса в русском переводе не представляется возможной (7), (7а). Ср.:

(5) *Sie passten auf, dass sie **nicht gesehen wurden**, wenn er zu ihr schlich und sie ihm öffnete* [10, S. 51]. – (5а) *Они следили, чтобы **никто не увидел**, когда он тайком приходил и она открывала ему дверь* [11].

(6) *Sie wartete, bis der Empfang vorbei war, auf dem Herbert umschwärmt war und die Gläser auf Deutschland [...] und auch auf ihn **gehoben wurden*** [10, S. 83]. – (6а) *Потом она дождалась окончания приема, на котором все поздравляли Герберта и **поднимались тосты** за Германию [...], а также за Герберта* [11].

(7) *Bei einer Rast **wurde er von einer Schlange ins Bein gebissen*** [10, S. 75]. – (7а) *Однажды на привале его **укусила змея*** [11].

По нашим наблюдениям, пассивная концептуализация выполняет разные функции в зависимости от замысла автора. В романе Г. Шлинка «Ольга» в идейном смысле важен концепт СВЕРХЧЕЛОВЕК, который проявляется в ситуациях, когда главный герой чувствует себя вправе планировать в императивном плане изменение жизни завоеванного африканского народа. Ср.

(8) *Manchmal musste Herbert gefangene Herero bewachen und er fragte sich, ob sie zur Arbeit gezwungen und erzogen werden könnten* [10, S. 64]. – (8а) *...и он задавался вопросом, можно ли воспитать гереро для использования на работах* [11].

Таким образом, исследованный материал позволяет сделать вывод об этноспецифике немецкого пассива, которая отвечает особенностям немецкого менталитета и проявляется в морфологии, синтаксисе и приоритетном использовании при концептуализации определенного типа ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2013. 240 с. (Материалы ко Второму Всероссийскому совещанию славистов 5–6 ноября 2013 г.).
2. Бартминьский Е. В какой степени этнолингвистика как дисциплина реализует определенную научную парадигму? // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. сер. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2021. Вып. 63. С. 4–39.
3. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М. : Гнозис, 2006. 208 с.
4. Бабенко Н. С. Феноменология безличности и ее синтаксические проекции в немецком языке // Русская германистика : ежегодник Рос. союза германистов. 2022. № 19. С. 29–49.

5. Die ZEIT (1946–2018) // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/d/korpora/zeit>.
6. DWDS-Kernkorpus 21 (2000–2010) // DWDS. URL: <https://www.dwds.de/d/korpora/korpus21>.
7. Зеленецкий А. Л., Новожилова О. В. Теория немецкого языкознания. М. : Академия, 2003. 400 с.
8. Hall E. Beyond Culture. Garden City, New York : Anchor Press/Doubleday, 1981. 298 p.
9. Гришаева Л. И. Диалоги о межкультурной коммуникации. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. 677 с.
10. Schlink B. Olga : Roman. Zürich : Diogenes Verl., 2018. 311 S.
11. Шлинк Б. Ольга / пер. Г. В. Снежинской. М. : Иностранка, 2018. URL: <https://litmore.ru/15087-olga.html>.

Михалькова Н.В., к. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

доцент кафедры теории и практики китайского языка

Mikhalkova N.V., Cand. of Sc. (Philology)

(Minsk, Belarus)

MSLU

Associate professor of the Department of Theory and Practice of Chinese

e-mail: nadezhdakr@yandex.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕТЕРМИНАТИВОВ В КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В работе рассматривается лингвокультурологический характер оснований семантической организации детерминативов в китайской иероглифической письменности, выявляются группы смысловых компонентов, их количественные и качественные свойства.

Ключевые слова: детерминатив; семантика; иероглиф; лингвокультурология; китайский язык.

LINGUOCULTURAL FOUNDATIONS OF RADICALS' SEMANTIC ORGANIZATION IN THE CHINESE WRITING

Linguocultural nature of the foundations of radicals semantic organization of in the Chinese writing are revealed, groups of semantic components are identified, their quantitative and qualitative properties described.

Key words: determinative; semantics; character; linguoculturology; Chinese.

Универсальность оснований организации представлений об окружающей человека действительности с помощью иероглифики проявляется в диахронически стабильном, лингвокультурологически панхроничном семантическом составе ядра системы детерминативов, в основу которого положены параметры мироздания древней философии *Усинь* (五行 (огонь (火), вода (水), дерево (木), металл (金) и земля (土)), представляющие собой номинации важнейших сфер жизнедеятельности человека [1-4].

Устоявшийся состав детерминативов китайской иероглифики количественно представлен следующим образом. Наибольшую семантическую группу составляют детерминативы-номинации объектов неживой природы (82 единицы), например, детерминативы-номинации инструментов (刀 (刂, 刀) 'нож', 匕 'кинжал', 干 'щит', 弓 'лук', 戈 'копье', 斤 'топор', 殳 'бамбуковая пика', 矛 'копье', 矢 'стрела', 网

‘сеть’, 耒 ‘плуг’, 聿 ‘кисть для письма’); детерминативы-номинации жилищ и их частей (宀 ‘крыша’, 广 ‘убежище’, 穴 ‘пещера’, 門 ‘ворота’); детерминативы-номинации предметов мебели (几 ‘столик’, 几 ‘лавка’); детерминативы-номинации природных объектов (日 ‘солнце’, 山 ‘гора’, 月 ‘луна’, 谷 ‘долина’, 貝 ‘раковина’, 阜 (阝, 阜) ‘холм’, 雨 ‘дождь’, 風 ‘ветер’, 厂 ‘обрыв’, 田 ‘рисовое поле’, 阡(阡) ‘пограничные пустынные земли’, 川 (川, 川) ‘река’); детерминативы-номинации контейнеров и посуды (匚 ‘ящик’, 皿 ‘миска, блюдо’, 缶 ‘кувшин’, 臼 ‘ступка’, 豆 ‘жертвенный сосуд’, 鬲 ‘котелок’, 凵 ‘вместилище’, 斗 ‘черпак’, 鬲 ‘котелок-треножник’) и др. [5–8].

Менее многочисленны номинации объектов живой природы (37 единиц): 1) детерминативы-номинации лиц, например, 人 (亻) ‘мужчина; человек’, 儿 ‘ребенок’, 士 ‘воин’, 女 ‘женщина’, 子 ‘сын’, 母 (母, 母, 母) ‘мать’, 父 ‘отец’, 王 ‘государь’, 臣 ‘чиновник’, 身 ‘тело’; 2) детерминативы-фитонимы, например, 屮 ‘росток’, 木 ‘дерево’, 瓜 ‘тыква; дыня’, 禾 ‘зерно; злак’, 竹 (竹) ‘бамбук’, 米 ‘рис’, 艸 (艸, 艸, 艸) ‘трава’, 韭 ‘лук-порей’, 麥 ‘пшеница’, 麻 ‘конопля’, 黍 ‘просо’; 3) детерминативы-зоонимы, например, 虫 ‘насекомое’, 鱼/魚 ‘рыба’, 鸟 ‘птица’, 犬/狗 ‘собака’, 鼠 ‘мышь’, 豸 ‘барсук’, 隹 ‘короткохвостная птица’, 牛 ‘корова’, 羊 ‘баран’, 马 ‘лошадь’, 鹿 ‘олень’, 豕 ‘свинья’, 虎 ‘тигр’, 黽 ‘лягушка’, 龍(竜) ‘дракон’, 龜(亀) ‘черепаха’.

Семантическая группа номинаций процессов и действий различного характера, а также семантическая группа обозначений различных свойств и характеристик объектов окружающей человека действительности составили по 27 единиц, например, детерминативы-номинации движений человека в различных направлениях (夂 ‘шагать вперед’, 入 ‘входить’); детерминативы-номинации движений по скорости (夂 ‘медленно идти; волочить ноги’, 夂 ‘тянуться’, 夂 ‘ходьба’, 止(止) ‘останавливаться, стоять’, 夂 ‘шагать’, 立 ‘стоять’, 行 ‘идти’, 走 ‘ходить’, 走 ‘быстро идти’, 飞 ‘летать’); детерминативы-номинации движений человека с помощью рук (扌 ‘оборачивать’, 扌 (扌) ‘бить; ударять’, 交 ‘смешивать’, 隶 ‘ловить, хватать’); детерминативы-номинации размера, например, 大 ‘большой’, 小 ‘маленький’, 么 ‘крохотный’, детерминативы-номинации цвета, например, 白 ‘белый’, 青 ‘зеленый’, 黄 ‘желтый’, 黑 ‘черный’, 赤 ‘красный’ и др.

Наименее распространены в системе детерминативов обозначения абстрактных сущностей (14 единиц), например, 灃 ‘рукоделие’, 工 ‘труд’, и обозначения веществ (16 единиц):

1) детерминативы-номинации видов жидкостей и их состояний,

например, 冫 (氷) 'лед', 水 (水) 'вода', 氣 (氣) 'пар; воздух', 酉 'вино', 鬯 'ритуальное вино', 血 'кровь';

2) детерминативы-номинации огня, например, 火 'огонь';

3) детерминативы-номинации твердых веществ, например, 金 'металл', 革 'сыромятная кожа', 瓦 'черепица', 石 'камень', 糸 (糸) 'шелк; нить', 肉 'мясо', 韋 'дубленая кожа';

4) детерминативы-номинации сыпучих веществ, например, 鹵 'соль', 土 'земля'.

Наименее многочисленные семантические группы детерминативов, номилирующие:

1) числительные (一 'один', 二 'два', 八 'восемь', 十 'десять'),

2) административные единицы (阌 'город', 里 'деревня').

Таким образом, семантический анализ детерминативов китайского иероглифического письма показал, что данная система единиц представляет собой не только количественно, но и качественно-семантически неоднородную систему графем, ядро которой составляют обозначения объектов живой и неживой природы (56 %), периферию образуют номинации действий, веществ, абстрактных сущностей, административных единиц, свойств и качеств объектов (44 %).

ЛИ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Готлиб О. М. Основы грамматики китайской письменности. М. : АСТВосток-Запад, 2007. 284 с.

2. Кондрашевский А. Ф. Знаки первоначальных категорий китайской письменности и система ключей "Шовэня" : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22. М., 1982. 27 с.

3. Пруцких А. А. Структурно-семантический анализ иероглифов с ключом "женщина" : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22. М., 2003. 141 л.

4. Резаненко В. Ф. Семантическая структура иероглифической письменности. Киев : КГУ, 1985. 132 л.

5. Иероглифический словарь китайского языка = 汉字字典. URL: <https://www.zdic.net/> (дата обращения: 02.02.2021).

6. 宗慧坚 : 字典编撰中的异体字整理和研究. URL: <http://www.gzpopss.gov.cn/n190/20220511/i2719.html> (accessed: 13.04.2022).

7. 碑刻异体字研究的新成果. URL: <http://www.nopss.gov.cn/GB/219506/219508/219527/14640244.html> (accessed: 25.01.2023).

8. 异体字字典. URL: <https://dict.variants.moe.edu.tw/variants/rbt/home.do>. (accessed: 25.01.2023).

Москалюк Л.И., д. филол. наук
(г. Барнаул, Россия)

Лингвистический институт АлтГПУ
профессор кафедры немецкого языка

Москалюк О.С., к. филол. н.
(г. Барнаул, Россия)

Алтайский государственный технический университет
им. И.И. Ползунова

доцент кафедры «Иностранные языки»

Moskalyuk L.I., Dr of Sc. (Philology)
(Barnaul, Russia)

Linguistic Institute of AltSPU

Professor of the Department of German

Moskalyuk O.S., Cand. of Sc. (Philology)
(Barnaul, Russia)

Altai State Technical University named after I.I. Polzunov

Associate Professor of the Department of Foreign Languages

e-Mail: omoskalyuk@yandex.ru

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *TEUFEL*
В ТЕКСТОВОМ КОРПУСЕ ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТОВ**

В данной статье исследуются фразеологизмы с компонентом *Teufel* в островных немецких диалектах. Авторы обращают внимание на диалектное фонетическое и грамматическое оформление, а также на использование диалектной лексики в данных фразеологизмах. Рассматривается их расширение с помощью дополнительных словосочетаний или предложений, а также их функционирование в усеченном виде по сравнению с литературным немецким языком.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент, *Teufel*, российско-немецкие диалекты, островные диалекты, функционирование.

**STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS
OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT *TEUFEL*
IN THE TEXT CORPUS OF INSULAR GERMAN DIALECTS**

This article examines phraseological units with the component *Teufel* in insular German dialects. The authors pay attention to dialectal phonetic and grammatical design, as well as to the use of dialectal vocabulary in these phraseological units. Their expansion with the help of additional phrases or sentences is considered, as well as their functioning in a truncated form in comparison with the literary German language.

Key words: phraseology, component, *Teufel*, Russian-German dialects, insular dialects, functioning.

Данная статья посвящена исследованию фразеологизмов, содержащих компонент *Teufel*, входящих во фразеологический фонд островных российско-немецких диалектов. Понятие «островной диалект» предполагает сохранение родного языка меньшинством, отделенным от своей прародины и окруженным большинством, отличающимся в языковом и этническом плане. Исследуемые фразеологизмы широко представлены в речи российских немцев, родным языком которых являются островные немецкие диалекты, служащие для них до настоящего времени средством коммуникации наряду с русским языком.

В нашем исследовании рассматриваются фразеологизмы, которые являются устойчивыми выражениями, в состав которых входит лексема *Teufel*, ее синонимы, или сложные слова, содержащие указанную лексему.

Фразеологизмы с компонентом *Teufel* характеризуются диалектным фонетическим и грамматическим оформлением, а также использованием диалектной лексики. Например: *Hot dr Teifel die Ammi geholt, mag er aach den Motzen hole*: 'не сожалеть о мелочах, если лишился чего-либо важного', ср.: *снявши голову, по волосам не плачут* (букв. 'Если черт унес Анну, он может забрать также и куртку').

Диалектные фразеологизмы могут быть расширены дополнительными словосочетаниями или предложениями, уточняющими высказывание и/или усиливающими его выразительность, экспрессивность. Например: *Bis dr Teifl vreckt, un der hot noch ka Kopweh*: 'man muss noch lange warten'; 'ожидаемое событие произойдет еще не скоро'. Расширение в виде второй части сложного предложения *un der hot noch ka Kopweh* уточняет высказывание и служит средством выражения иронии (букв.: 'Пока еще черт умрет, а у него даже и голова не болит').

Фразеологизмы литературного немецкого языка могут функционировать в островных говорах в усеченном виде. Например: *In dr Not frisst dr Teifel Flieje*, ср.: лит. нем. *In der Not frisst der Teufel Fliegen und fängt sie auch noch selber*: 'wenn es denn gar nicht anders geht; manchmal muss man sich mit wenigem begnügen'; в трудной ситуации совершают вещи, которые в другом случае никогда бы не сделали; иногда нужно удовлетвориться малым (букв.: 'в нужде черт жрет мух'). Расширение разговорного варианта *und fängt sie auch noch selber* (букв.: и сам же их ловит), конкретизирующее более общую первую часть высказывания, опускается в диалекте. Объясняя значение поговорки, можно предположить, что черт, который питается человеческими душами, будет питаться мухами только в крайнем случае. Кроме того, одно из имен черта – *Beelzebub* – переводится с еврейского как "Повелитель мух", т.е. при необходимости черт поедает своих подданных.

Следующая группа представлена фразеологизмами, имеющими региональную окраску. Среди них можно выделить, с одной стороны, фразеологизмы, восходящие к базисным диалектам, принесенным российскими немцами из Германии. Например:

Der fercht sich drvor, wie dr Deiwel vorm Kreuz (ср.: *Der fercht s Feier wie der Teufel s Kreuz*): 'etwas fürchten, scheuen, große Angst vor etwas haben; etwas umgehen, vermeiden'; 'пугаться, бояться, избегать чего-либо' (букв. он боится этого, как черт креста).

В эту же группу входят немецкие фразеологизмы, появившиеся уже на новой родине. Например:

Vrklag moult dr Teufel bei sei Groußmodder: 'aussichtslos', 'это безнадежное дело' (букв.: 'пожалуйся-ка на черта его бабушке').

Это могут быть также фразеологические выражения-кальки и фразеологизмы, содержащие заимствования из русского языка, языка окружения. Например: *faul wie dr Teifl*, рус. *ленивый как черт*, ср.: разг. нем. *faul wie die Sünde* (букв.: *ленивый как грех*);

Der hot boitze kan Deiwel: 'ничего не боится', рус.яз. *он и черта не боится*. В состав фразеологизма входит заимствование из русского языка *боится*.

Чтобы получить более точное представление о фразеологизмах с компонентом *Teufel* в островных российско-немецких говорах, представляется целесообразным рассмотреть синонимический ряд с лексемой *Teufel*. В качестве синонимов лексемы *Teufel* в исследуемых говорах выступают *Beelzebub*, *Satan*, *Drachen*.

Teufel – bis dr Deiwel vrrecks, un dr hot nouch kaa Kopweh: 'lange warten'; 'очень долго ждать' (букв. Пока черт помрет, а у него еще и голова не болит).

Beelzebub – den Teufel mit Beelzebub austreibe: 'ein Übel durch ein noch schlimmeres Übel beseitigen'; 'избавиться от одной беды при помощи другой еще большей' (букв.: выгнать черта при помощи Вельзевула).

Satan – Du Satanskerl! 'Fluch', 'ругательство; так говорят о злом человеке или обращаются к нему' (букв.: Ты сатана-парень!)

Drachen – Schad drvor, dass der Drach scheel is 'so sagt man, wenn jemand hässlich aussieht', 'так говорят о ком-то, кто выглядит страшным' (букв. Жаль, что дракон (дьявол) косо).

Фразеологизмы с компонентом *Teufel* относятся к активно употребляемому фразеологическому запасу российских немцев. Обозначения имен черта могут выступать как в прямом, так и в переносном значении, актуализируя свой оценочный потенциал. Входя в состав фразеологизмов, они характеризуют человека и его окружение, служат для оценки поведения человека, а также для оценки определенных жизненных ситуаций. Метафорические значения и оценочные характеристики, которые свойственны фразеологизмам с компонентом *Teufel*, находят свое выражение в следующих случаях:

– название персон, напр.: *Satansbraten; des is n Stick vun Deiwel*: 'ein böser Kerl', 'о злом человеке', служит для выражения отрицательного отношения (букв.: Жаркое сатаны, сатана-парень; это кусок дьявола);

Satanskerl; is e guter Deiwel 'ein guter Kerl' (букв.: хорош дьявол), используется для выражения одобрительного отношения, восхищения.

– характеристика человека, напр.: *vum Teifel besesse sei*: 'unbeherrscht, temperamentvoll sein', 'быть необузданным, несдержанным' (букв.: быть одержимым дьяволом).

– оценка поведения человека, напр.: *ferchte wie der Teifel das Weihwasser*: 'etw. sehr fürchten', 'очень сильно бояться' (букв.: бояться как черт святую воду).

– описание и выражение эмоций: напр.: *der Teufel soll mich hole*: 'als Versicherung und Bekräftigung der Wahrheit', 'в качестве подтверждения правдивости своего высказывания' (букв.: черт меня возьми).

– характеристика и оценка человеческих действий, напр.: *Dahinter her sei wie der Teifel nach einer armen Seel*, нем. *wi der Dübel up de arm Seel*: 'auf etw. gierig sein, meist aufs Geld', 'страстно желать чего-либо, хотеть непременно получить что-либо, часто деньги, преследовать кого-либо' (букв.: гоняться за чем-то, как черт за бедной душой). В этом выражении страстное желание получить что-то сравнивается с желанием дьявола победить в борьбе за обладание душой, которую он ведет с ангелом.

– оценка ситуаций: *Der Teifel ist los!*: 'da herrscht Zank, Unfriede, Ausgelassenheit', 'тут царят ссоры, недовольство, распущенность' (букв.: черт вырвался из преисподней). В устойчивом выражении отражается старое библейское представление, что черт лежит связанным в аду.

Фразеологизмы с компонентом *Teufel*, представленные в диалектном текстовом корпусе российских немцев, отражают диалектные особенности островных немецких говоров, показывают сохранение богатого диалектного фразеологического запаса. При этом наряду с сохранившимися фразеологизмами, унаследованными от исходного языкового коллектива, в островных диалектах появились и продолжают параллельно существовать фразеологизмы, характерные только для российских немцев, появившиеся уже на новой родине. Благодаря своему частому использованию и своей значимости исследуемые фразеологические единицы могут выступать в роли символов. Они характеризуют человека, его внешность, характер, поведение, его окружение, служат для оценки определенных бытовых ситуаций. При этом передаются чувства и оценки, которые связаны со значениями лексемы *Teufel* в лингвокультуре российских немцев.

Никитина М.С., к. филол. н.
(г. Москва, Россия)
Университет науки и технологий МИСИС
доцент кафедры ИЯКТ

Nikitina M. S., Cand. of Sc. (Philology)
(Moscow, Russia)
National University of Science and Technology MISIS
Associate Professor of the Department of
Modern Languages and Communication
e-mail: mariasergnik@gmail.com

МЕЖДОМЕТИЕ «АЙ-ЯЙ-ЯЙ» В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Автор анализирует влияние этнических ценностей на употребление междометий в Мексике, Колумбии и Аргентине. Благодаря анализу изучаемого материала определена значимость национально-культурной специфики и ценностных представлений латиноамериканцев, и показано, в чем это проявляется.

Ключевые слова: междометие; ценности; испанский язык; национальный вариант; латиноамериканцы.

THE INTERJECTION “AYAYAY” IN THE NATIONAL VARIANTS OF SPANISH LANGUAGE

The author analyzes the influence of ethnic values on the using of the interjections in Mexico, Colombia and Argentina. Owing to the above-mentioned material analysis it is determined the significance of the cultural identity and valuable submissions that define Latin Americans and it is shown its determination.

Key words: interjection; values; Spanish language; national variant; Latin Americans.

В связи с повышенным интересом в последние десятилетия к проблемам межкультурной коммуникации, изучение которых представляется возможным только на основе междисциплинарных исследований, особо актуальным становится рассмотрение национально-культурных особенностей вербального речевого поведения различных этносов. Как известно, один из главных залогов успешного межкультурного коммуникативного акта – это владение информацией о национально-культурной специфике употребления языковых единиц. На материале испанского языка отдельного внимания заслуживает как межъязыковая национально-культурная специфика реализации языковых единиц, так и их межвариантная национально-культурная специфика [1, с. 76; 180]. Особый интерес в этом плане представляют междометия по причине богатой вариативности их функционирования в

латиноамериканских вариантах испанского языка. Стоит отметить, что на сегодняшний день данная тема до сих пор еще очень слабо разработана в области испанистики. В связи с этим цель нашего исследования заключается в том, чтобы выделить национально-культурные особенности и ценности испаноговорящих народов и рассмотреть реализацию ценностных представлений на уровне междометий. Материалом исследования являются междометия, наиболее часто используемые в речи латиноамериканских этносов. В исследовании использованы методы лингвистического наблюдения и описания, позволившие нам установить значимость ценностных представлений для латиноамериканских этносов, и метод сплошной выборки при сборе языкового материала из телетекстов (телесериалы, фильмы).

Теперь обратимся к междометиям. Вслед за И. Н. Кручининой в настоящем исследовании мы будем понимать под междометием «класс неизменяемых слов, служащих для нечленораздельного выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность» [2, с. 290]. В современной лингвистике существуют многочисленные классификации междометий с учетом разных подходов (структурный, синтаксический, семантический, функциональный). Мы более подробно остановимся на семантическом подходе, при котором междометия рассматриваются с точки зрения их значения [3, с. 81]. Так, И. Н. Кручинина разделяет междометия на три группы: 1. обслуживающие сферу эмоций/эмоциональных оценок (*ай-ай-ай, ах, ох*); 2. обслуживающие сферу волеизъявления и выражающие обращенные к людям призывы (*тсс, цыц*); 3. обслуживающие сферу этикета, традиционные изъявления благодарности, приветствия, прощания [2, с. 290].

Любопытно отметить, что многие междометные слова в испанском языке имеют контекстуально-обусловленное значение, которое зависит от определенного контекста или определяется конкретной ситуацией их употребления. При этом главным фактором в данном процессе выступает национально-культурная специфика. Таким образом, можно сделать вывод, что «междометное высказывание представляет собой речевой акт, с помощью которого могут реализовываться различные коммуникативные функции» [4, с. 438], а также ценностные представления коммуникантов. В качестве примеров обратимся к отрывкам из песни “Corazón Espinado” мексиканской группы Maná и “El Merengue” колумбийского исполнителя Мануэля Турисо: 1) *Ah-a-ah-ay, corazón espinado* ‘Ай-яй-яй, раненое сердце’; *Cómo duele, me duele, mamá!* ‘Как больно, как мне больно, мама!’ *Ah-a-ah-ay, cómo me duele el amor* ‘Ай-яй-яй, какую боль причиняет любовь’ [5]; 2) *Dije que te olvidé* ‘Я говорил, что забыл тебя’ *Pero no te había olvidado* ‘Но я тебя не забыл’ *Ay, ay, ay, también dije que te superé* ‘Ай-

йй-йй, также я говорил, что ты – пройденный этап’ *Y no te había superao* ‘Но я тебя не забыл’ [6]. Как видно из примеров, говорящие рассказывают о чувстве неразделенной любви и неудачах в любви, рассчитывая на сопереживание и сочувствие со стороны партнеров по общению, а, как известно, всем латиноамериканцам присущи такие черты, как экспрессивность и эмоциональность. Таким образом, можно заключить, что ценность «делиться проблемами и рассчитывать на понимание» детерминирует употребление междометия «ай-йй-йй» в данных коммуникативных ситуациях.

В следующих примерах мы будем наблюдать обратную коммуникативную ситуацию. В качестве иллюстративного материала рассмотрим отрывки из песни мексиканской группы Los Lobos “Canción del mariachi”, звучавшей в фильме «Отчаянный» “Desperado”, и “Se pegó en mi piel” из аргентинского телесериала «Дикий ангел» “Muñeca Brava”: 1) *Ay, ay, ay, ay Ay, ay mi amor* ‘Ай-йй-йй, ай, йй моя любовь’ *Ay, mi morena De mi corazón ¡Ay-ay-ay-ay!* [7] ‘Ай, смуглянка моего сердца. Ай-йй-йй!'; 2) *Ay, ay, ay, ay, ay Quiero ir contigo a las estrellas* ‘Ай-йй-йй хочу отправиться с тобой к звездам’ *Ay, ay, ay, ay, ay Y quiero ponerme a soñar...* ‘Ай-йй-йй и я хочу снова начать мечтать’ [8]. Анализируя примеры, можно заключить, что в семантике данных высказываний коммуниканты говорят о своем восторге и удовольствии, которые им доставляет чувство любви и тем самым предьявляют ценность «гедонизм», которая определяет использование междометия «ай-йй-йй» в речевых актах.

Подводя итоги настоящего исследования, мы приходим к выводу, что ценностные представления главным образом оказывают влияние на употребление междометий в национальных вариантах испанского языка. При этом мы показали возможность междометий отражать национально-культурную специфику латиноамериканского этноса. Ценности «делиться проблемами и рассчитывать на понимание» и «гедонизм» являются одними из главных для мексиканцев, колумбийцев и аргентинцев, что проявляется в ходе коммуникативного акта и детерминирует употребление междометия «ай-йй-йй». Данное междометие наиболее часто встречается в устной речи (в телетекстах), что указывает на то, что ценностные представления определяют речевую деятельность коммуникантов и выбор их речевых средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фирсова Н. М.* Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 352 с.
2. *Кручинина И. Н.* Междометия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 81.

3. *Никитина М. С.* Оценочная лексика в вариантах полинационального языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Мытищи, 2022. 165 л.
4. *Топоркова Ю. А.* Использование междометий в испанском языке: коммуникативно-прагматический аспект // *Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы : материалы III Междунар. науч. конгр., Симферополь, 2–20 апр. 2018 г. / под ред. Е. В. Полховской. Симферополь, 2018. С. 437–441.*
5. Maná. URL: <https://www.mana.com.mx/> (accessed: 04.10.2023).
6. Marshmello logra su primer No. 1 en el Latin Airplay con 'El merengue' con Manuel Turizo. URL: <https://www.billboard.com/espanol/noticias/marshme-lllo-primer-no-1-latin-airplay-el-merengue-manuel-turizo-1235346535/> (accessed: 04.10.2023).
7. Los Lobos. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Los_Lobos (accessed: 07.10.2023).
8. Muñeca Brava. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Mu%C3%B1eca_Brava (accessed: 07.10.2023).

Поражинская И.Л.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

старший преподаватель

кафедры теории и практики немецкого языка

Porazhynskaya I.L.

(Minsk, Belarus)

MSLU

Senior Lecturer of the Department

of Theory and Practice of German

e-mail: irons24091976@gmail.com

ТВОРЧЕСТВО Э. ЕЛИНЕК В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

В данной статье рассматриваются особенности произведений австрийской писательницы Эльфриды Елинек, лауреата Нобелевской премии по литературе, которые относятся к постмодернизму. Эстетика безобразного и восприятие писательницей действительности *ex negativo* находят отражение в ее постмодернистских произведениях. Для создания характеров Э. Елинек активно использует приемы коллажа, монтажа, интертекстуальность, мотив двойничества и другие постмодернистские стратегии письма.

Ключевые слова: постмодернистские стратегии письма, интертекстуальность, эстетика безобразного, метод монтажа и коллажа.

WORK OF E. JELINEK IN THE CONTEXT OF POSTMODERNISM

This article examines the features of the works of the Austrian writer Elfriede Jelinek, winner of the Nobel Prize in Literature, related to postmodernism. The aesthetics of the ugly and the writer's perception of reality *ex negativo* are reflected in her postmodern works. To create characters, E. Jelinek actively uses the techniques of collage, montage, intertextuality, the motive of duality and other postmodernist writing strategies.

Key words: postmodern writing strategies, intertextuality, aesthetics of the ugly, montage and collage methods.

В 1960-е – 1990-е гг. в австрийской литературе модернизм при помощи эксперимента боролся с реализмом и активно отвоевывал у него право на изображение жизни своими методами. Постмодернизм, становление которого тоже пришлось на эти десятилетия, требовал признания его философии искусства и новой поэтики.

Тематика австрийской литературы 1960-х – 1990-х гг. разворачивалась от мотива неискупленного прошлого к самопознанию и самоидентификации, к взаимоотношению полов, вплоть до мотивов отчуждения и смерти. Из них и выросла проблематика прозы, интерпретация характеров и их отношений.

Проблематика австрийской литературы второй половины XX века отразила жестокость и насилие в семье, в социальной среде, реакционность и антигуманизм современного мира. Писательское понимание характера было многогранным и противоречивым. Цель состояла в показе внутреннего мира индивида, самоопределяющегося относительно общества и государства.

Центральными вопросами дискуссии в разных сферах жизни и искусства Австрии стали попытки предать забвению вину за национал-социалистическое прошлое. Эта дискуссия формировала идейные позиции писателей, в том числе и заметного на этом фоне автора – Э. Елинек, чье творчество экспериментально вплоть до провокации.

Дегуманизация и ее инструментарий находятся в центре сюжета романа «Дети мертвых» («Kinder der Toten», 1995) Э. Елинек, представляющего собой антипатриотический роман, а также историю жизни после смерти. Произведение повествует о символическом мире привидений, о мертвых и их возвращении в мир живых, о преступлениях и вине национал-социализма. В этом произведении Елинек вновь свела воедино центральные темы и мотивы своего творчества. Главным лейтмотивом произведения стала метафора оживших мертвых. Разнообразный языковой материал писательница брала из религии, литературы и массовой культуры.

Главной темой романа «Дети мертвых» является забвение фактов истории, связанных с национал-социалистическим прошлым Австрии. Незаконченная работа по сохранению памяти – причина пробуждения мертвых. Второстепенными, но подчиненными основной теме, являются различные варианты отношений власти и зависимости, представленные в романе: неравные отношения матери и дочери, отношение полов как вариант властных отношений, низведение женщины до объекта сексуальной эксплуатации, всемогущество средств массовой информации, эксплуатация природы человеком путем организованного туризма, спорт и его смертельные последствия.

Произведение Э. Елинек можно охарактеризовать как постмодернистское. Данный роман считается центральным произведением Э. Елинек. Пролог и эпилог образуют формальную рамку повествования. События разворачиваются в Австрии: в пансионате «Альпийская роза», в Штирии. Рассказчик комментирует происходящее от первого лица, а многоголосый, анонимный хор поддерживает его. Понятие «ужасного» выступает в качестве концептуальной основы произведения, действие соткано из природных катастроф, несчастных случаев и убийств. К читателю обращены библейский и мифологический дискурсы, автобиографически-аллюзивный срез материала, комментарии к вопросам истории и политики. Это многообразие перспектив доводит вопрос о «говорящем», реальном или фиктивном субъекте, до абсурда.

Текст отличается многочисленными обращениями к известным источникам, пародийностью, игрой слов, меткими замечаниями относительно тех или иных событий и языковыми повторами. Посредством принципа редупликации вновь затрагиваются такие актуальные темы, как память, забвение, вытеснение. Повествование изобилует эпизодами, в которых открывается правда об ужасающих происшествиях, связанных с мотивами кровного родства, смерти и насилия. В ужасных, жестоких, особенно гротескных и вызывающих отвращение сценах автор словно расчленяет тело и дух читателя.

Тремя главными фигурами в книге являются вампиры, живые мертвецы, явившиеся с того света. Они умерли, чтобы восстать. Все они – гости пансионата «Альпийская роза»: Гудрун Бихлер – студентка философии, 5 лет назад вскрывшая себе вены. Она все еще продолжает готовиться к экзаменам. Эдгар Гштранц – подававший надежды спортсмен, который погиб в автокатастрофе за два года до описанных событий. В настоящее время он играет роль молодого политика. Вдова Карин Френцель – бывшая секретарша и вечно зависимая от матери дочь, которая по-настоящему и не жила. Причиной ее смерти стало падение в горный поток. Эту группу «не живых и не мертвых» аллегорично дополняют миллионы погибших. Сюда, например, могут быть причислены жертвы Холокоста, символическими принадлежностями которых можно считать очки, волосы, челюсти, а также ожившие жертвы эвтаназии с сосудами, наполненными формалином.

События «Детей мертвых» развернуты в атмосфере страха и написаны с использованием элементов готической прозы. Трое главных персонажей бродят по летней Штирии и творят зло. Поскольку скоростная смерть вырвала их из жизни, не дав закончить земные дела, они наверстывают упущенное. Действуя бессердечно и в высшей степени жестоко, они совершают преступления, насилуют, убивают, глумятся над останками, пытаясь таким образом возвратиться в мир живых в образе вампиров-невидимок. Мертвые хотят освободиться и отвоевать свою жизнь, а для этого, по замыслу автора, им приходится убивать живых.

Во время работы над романом Э. Елинек использовала различные источники, среди которых фильм ужасов «Карнавал духов» («Carnival of soul», 1962) режиссера Герка Харви, а также роман «Волчья шкура» Ганса Леберта, признанного одним из зачинателей антипатриотической литературы.

Э. Елинек позаимствовала многое из произведений Э.Т.А. Гофмана. Параллели заметны в принципе постоянных повторений и в мотиве двойников. Особое влияние на создание «Детей мертвых» оказал роман «Эликсиры сатаны» («Die Elixiere des Teufels», 1815/16). Писательница использовала элементы известного сюжета и обогатила их. Живые персонажи в «Детях мертвых» то появляются, то куда-то исчезают, а в момент смерти сталкиваются со своими двойниками, которые начинают

действовать вместо них. Понятие двойничества, таинственные появления и исчезновения, сверхъестественные персонажи (вампиры, оборотни) характерны для готической литературы. Более того, мотив вины и возмездия за преступления, совершенные в прошлом, является центральным для готической прозы.

В творчестве Э. Елинек получил отражение эксперимент с формой и языком, а также исторически сложившаяся в австрийской литературе второй половины XX века проблематика литературного процесса. Для создания характеров Э. Елинек активно использует приемы коллажа, монтажа, интертекстуальность и другие постмодернистские стратегии письма

Художественные произведения Э. Елинек иллюстрируют восприятие писательницей действительности *ex negativo*. В эстетике автора центральное место занимает категория безобразного, за которой она признает право изображения в искусстве.

Сытько А. В., к. филол. н.
(г. Минск, Беларусь)
МГЛУ

зав. кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка

Sytko A. V., Cand. of Sc. (Philology)
(Minsk, Belarus)
MSLU

Head of the Department of Phonetics and Grammar of German
e-mail: sytko.mglu@gmail.com

ДЕОНТИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ
КАК МЕТАТЕКСТОВЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ
(на материале русского и немецкого языков)

В работе рассматривается роль деонтического высказывания в реализации метатекстовых характеристик. Выявляются задачи, которые осуществляет в рамках данной функции каждый компонент модального высказывания.

Ключевые слова: деонтический перформатив; коммуникативный глагол; факультативный компонент; информационная важность.

DEONTIC STATEMENT AS METATEXTUAL INDICATOR
(based on the material of the Russian and German languages)

The paper deals with the identifying metatextual role of deontic utterance. The tasks are identified that each component of the utterance carry out within the framework of a given function.

Key words: deontic performative; speech verb; optional component; informational importance.

Деонтические высказывания, выражающие долженствование и реализованные модально-глагольным комплексом (деонтической конструкцией) с субъектом 1-го лица и коммуникативными глаголами (представленными неспециализированным глаголом *сказать/sagen*, собственно иллокутивами, а также ментальными иллокутивами), составляют особый класс высказываний – деонтические перформативы. Их основная коммуникативная задача состоит в актуализации информационной значимости сообщения, а в случае с собственно иллокутивами – в выражении различных репрезентативных иллокуций. В исследованиях нередко отмечается, что модализованные перформативы как высказывания о текущей речи выполняют метатекстовую функцию, помогая адресату ориентироваться в текстовом пространстве.

Источником материала послужили Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и справочный подкорпус (охватывающий материал 1900–2010 гг.) в цифровом словаре немецкого языка (DWDS).

Осуществление деонтическим перформативом метатекстовой функции, иными словами, помощь в распределении внимания адресата при восприятии сообщаемой информации, становится возможным вследствие основной его прагматической характеристики, которая заключается в маркировании информационной важности сообщения.

Установлено, что метатекстовая функция осуществляется модальным перформативом благодаря таким компонентам деонтической конструкции, как коммуникативный глагол и вспомогательный компонент, которые выполняют разные задачи в рамках одной функции: текстовая vs. структурно-когезионная. При этом определенные факультативные компоненты могут поддерживать прагматическую роль коммуникативного глагола, а также участвовать в интенсификации/деинтенсификации информационной важности.

Коммуникативные глаголы, прежде всего ментальные иллокутивы, позволяют выражать при помощи деонтического перформатива различного рода речевые комментарии (уточнение, замечание, напоминание, повтор, дополнение, добавление, объяснение, предупреждение, утверждение и т.п.), устанавливая таким образом (квази-)эквивалентность внутри текста.

Так, например, деонтические перформативы вводят дополнительную информацию (*я должен дополнить, добавить; ich muss ergänzen, hinzufügen*) и позволяют говорящему сосредоточить внимание на второстепенной информации, которая развивает и конкретизирует основную; актуализируют уже сказанную/известную информацию (*я должен напомнить; ich muss erinnern* и т. п. Деонтическая конструкция с такими коммуникативными глаголами, как *пояснить, разъяснить, объяснить/erklären* позволяет говорящему регулировать процесс понимания, разъясняя информацию для правильной интерпретации:

(1) «...*тоталитаризм – это вы. [В интересах объективности должен **пояснить**: Довлатов обращается в данном случае не к советским вождям, а к владельцу «Нового русского слова».] Тоталитаризм – это цензура, [...]* (Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999–2000)).

(2) *Ich muss erklären: Mexico, Missouri, ist eine Kleinstadt östlich von Kansas City und westlich von St. Louis* (Die Zeit, 30.10.1970, № 44). ‘Я должен объяснить: Мексико, штат Миссури, это маленький городок к востоку от Канзас-Сити и к западу от Сент-Луиса’.

Такие коммуникативные глаголы, как *затронуть вопрос, остановиться на чем-л. (вопросе, возражении, замечании* и т. п.) позволяют деонтическому перформативу осуществлять тематическую организацию, актуализировать тему, вводить новый топик: *я должен остановиться на ...*. В корпусе немецкого языка коммуникативных

глаголов, актуализирующих тему, в деонтических конструкциях не зафиксировано. В данной роли выступают, как отмечают исследователи, волитивные конструкции, указывающие на то, что говорящий считает правильным введение некоторого сообщения [1, с. 320].

Факультативные компоненты способствуют встраиванию деонтического перформатива в структуру текста, а) маркируя логическую последовательность (*прежде всего/zunächst, vorab, vor allem; в завершение, наконец/zum Schluss, schließlich, abschließend, am Ende* и т. п.), б) участвуя в тема-рематической организации (указательные наречия *здесь/hier*); в) эксплицируя анафорические и катафорические связи между фрагментами, что происходит благодаря 1) разнообразным метатекстовым элементам (*вместе с тем, в то же время/gleichzeitig, zugleich, dabei; к тому же/dazu; при этом, кроме этого(того), помимо этого/außerdem, zudem; дополнительно, вдобавок/im Übrigen* и т. п.), 2) маркерам повтора (*еще раз, опять, снова/wieder, immer wieder*); 3) ретроспективно отсылочным показателям (*возвращаясь к, оглядываясь назад/rückblickend (betrachtet), rückschauend, im Nachhinein, im Rückblick, in der Rückschau, im Nachgang*), а также 4) единицам противительности, например: *в заключение* должен повторить, что ...; *man muss abschließend bemerken, dass...*; *оглядываясь назад, я не могу не добавить, что...*; *вместе с тем* я должен подчеркнуть, что...; *außerdem muss ich sagen, dass* ‘кроме того, должен сказать’; *aber rückblickend muss ich sagen, dass...* ‘но, оглядываясь назад, должен сказать, что...’.

При этом вспомогательные компоненты *дополнительно, вдобавок/im Übrigen; также/auch; еще/noch* поддерживают семантику дополнения коммуникативных глаголов, позволяя перформативу осуществлять внутритекстовую когезию: *ich muss noch hinzufügen, dass...* ‘я должен еще добавить, что ...’. В свою очередь такие элементы, как *прежде всего/zunächst, vorab, vor allem*, а также маркеры повтора одновременно участвуют в интенсификации информационной значимости.

В определенных случаях факультативные компоненты также реализуют речевые комментарии, указывая с точки зрения прагматики на коммуникативное качество речи, на соблюдение категории способа Дж. Грайса (реже качества). Речь идет о таких достаточно десемантизированных клише, как *для ясности, объективности ради, в обоснование, убедительности ради; der Vollständigkeit halber* ‘полноты ради’, *der Gerechtigkeit halber/der Fairness halber* ‘справедливости ради’: *но, объективности ради, следует привести мнение; der Gerechtigkeit halber muss ich aber festhalten, dass...* ‘однако в интересах справедливости я должен заявить...’.

Таким образом, осуществление метатекстовой функции деонтическим перформативом оказывается возможным благодаря коммуникативным глаголам определенного типа, а также факультативным, вспомогательным компонентам, прежде всего метатекстовым элементам. Факультативные компоненты позволяют перформативу осуществлять логическое структурирование текста, коммуникативные глаголы – нюансировать логическое структурирование

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gloning Th. Modalisierte Sprechakte mit Modalverben. Semantische, pragmatische und sprachgeschichtliche Untersuchungen // Untersuchungen zur semantischen Entwicklungsgeschichte der Modalverben im Deutschen / ed.: G. Fritz, Th. Gloning. Tübingen, 1997. S. 307–437.

Сяо И
(г. Минск, Беларусь)
МГЛУ
аспирант

Xiao Yi
(Minsk, Belarus)
MSLU
PhD student
e-mail: xiao.eric@yandex.by

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ПОСТРОЕНИЯ ИДЕОГРАММ 会意字 В КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В работе анализируется наиболее широкая семантическая группа идеограмм китайской иероглифической письменности 会意字, в состав которых входят графемы со значением человека или части его тела.

Ключевые слова: идеограмма; иероглиф; смысловый компонент; антропоцентризм; китайский язык.

ANTHROPOCENTRISM OF IDEOGRAM 会意字 CONSTRUCTION IN THE CHINESE WRITING

The paper analyzes the widest semantic group of ideograms 会意字 of the Chinese characters' writing, which include graphemes with the meaning of a person or part of his body.

Key words: ideogram; character; semantic component; anthropocentrism; Chinese language.

Идеограммы 会意字 в китайской иероглифической системе представляют собой сложносоставные логограммы, созданные из двух или более смысловых компонентов. Смысл идеограммы отличается от значений смысловых компонентов, из которых она составляется, однако очень близко оказывается связан с ними. Например, иероглиф 搗 'разорвать' образован путем соединения компонентов 扌 'рука' и 爲 'делать'.

Грамматологический анализ 332 идеограмм китайской письменности отобранных путем сплошной выборки из словарей «汉语大字典» (Словарь общеупотребительных антонимов китайского языка) и «国语辞典» (Словарь государственного языка) показал, что идеограммы китайского языка очень часто могут быть созданы на основе смысловых компонентов со значением человека и частей его тела. Это в какой-то степени

свидетельствует и подтверждает антропоцентрический характер китайской письменной системы.

В частности, значительно распространенной (129 идеограмм, 33,9 %) является тенденция иероглифической номинации через смысловые компоненты «человек / часть тела», например, идеограмма 信 ‘искренность’ в чей состав смысловые компоненты 亻 ‘человек’ и 言 «изображение рта человека и звука оттуда – речь». Соединение данных компонентов в осознании древних китайцев дало понятие «искренность», потому что в древней китайской культуре речь хорошего человека должна быть искренней, как написано в работе «*Лунь Юй*» (Беседы и суждения): 人无信不立, то есть «человек без добросовестности, как те, кто не может устоять на ногах» [1, 2, 4].

Смысловой компонент 亻 (人) ‘человек’ в структуре идеограмм часто является репрезентантом субъекта для выражения движений или атрибутов человека. Например, 仰 ‘выпрямиться’ – идеограмма в чьем составе смысловые компоненты 亻 (人) ‘человек’ и 卬 ‘смотреть вверх’, использование данных знаков при создании идеограммы 仰 ‘выпрямиться’ в осознании носителей китайского языка выполнило функцию номинации соответствующего понятия. Идеограмма 僞 ‘ложный’ создана из смысловых компонентов 亻 ‘человек’ и 爲 ‘делать’, соединение элементов в структуре данной идеограммы дает нам дословное понятие «сделанный человеком», а далее выражает понятие «ложный». Смысловой знак 亻 ‘человек’, введенный в структуру идеограммы 僞 ‘ложный’, репрезентирует субъект относительно которого описывается атрибут. См. также 仲 ‘центральное положение’ = 亻 ‘человек’ + 中 ‘центр’, 仙 ‘человек с вечной жизнью’ = 亻 ‘человек’ + 山 ‘гора’, 佰 ‘чиновник, управляющий людьми’ = 亻 ‘человек’ + 百 ‘сто’ и др.

Смысловые компоненты со значением частей тела человека также могут использоваться в образовании идеограмм. Они могут представлять собой репрезентант инструмента для выражения атрибутов или движений человека. Например 君 ‘монарх’ – идеограмма, в составе которой имеет место письменный знак 尹 ‘правая рука с ручкой’ со значением гражданской администрации, а смысловой компонент 口 ‘рот’ в осознании древних китайцев является символом командных властей. Соединение смысловых компонентов идеограммы 君 дает нам абстрактное понятие о власти монарха. См. также 武 ‘боевой способный’ = 止 ‘ступня наверх’ + 戈 ‘клевец – оружие’, 叟 ‘старший мужчина’ = 又 ‘правая рука’ + 宀 ‘крыша’ + 火 ‘огонь’, 塞 ‘блокировать’ = 塞 ‘заполнить двумя рук’ + 土 ‘земля’, 眾 ‘народ’ = 目 (目) ‘глаза’ + 衆 (众) ‘группа людей’, 死 ‘смерть’ = 死 ‘кость с щелью’ + 匕 ‘человек, стоящий к правой стороне’ и др. [1, 4, 5].

Смысловые компоненты со значением частей тела человека могут репрезентировать объект для номинации других частей тела, артефактов, веществ или предметов. Например, логограмма 冎 ‘мясо между костями’ состоит из смысловых компонентов 肉 (月) ‘мясо’ и 冎 ‘скрытие’. Данное соединение смысловых компонентов дало древним людям понятие «мясо между костями». См. также 肱 ‘плечо’ = 又 ‘правая рука’ + 厶 ‘личная сторона’, 筆 ‘ручка’ = 聿 ‘правая рука инструментом писания’ + 竹 ‘бамбук’, 丈 ‘единица длины’ = 又 ‘правая рука’ + 十 ‘десять’ и др.

Таким образом, письменность китайского языка, будучи логографической, может выполнить номинацию понятий путем создания идеограмм, соединяющих различные смысловые компоненты. Анализ материала исследования показал, что антропоцентризм является основной тенденцией в выборе смысловых компонентов при создании идеограмм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой словарь китайских иероглифов / редкол.: Сюй Чжоншу, Ли Гэфэй, Чжао Чжэньдо [и др.]. Ухань : Чунвэнь, 2010. 5727 с. = 汉语大字典/汉语大字典编委会: 徐中舒、李格非、赵振铎等, 学术顾问组: 于省吾、王力等. 武汉: 崇文书局, 2010. 5727页。

2. 国语辞典 (Словарь государственного языка). URL: <https://github.com/racklin/moedict-desktop/> (accessed: 10.10.2023).

3. Сяо И., Михалькова Н. В. К анализу этимологических значений китайской логограммы 匕 // Пути Поднебесной : сб. науч. тр. Вып. 8 : в 2 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: А. Н. Гордей (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2022. Ч. 1. С. 36–41.

4. Цзоу Сяоли. Объяснения форм и значений основных китайских иероглифов. Пекин : Чжун Хуа Шу Цзюй, 2007. 246 с. = 邹晓丽. 基础汉字形意释源。北京 : 中华书局, 2007. 246页。

5. Этимология иероглифов / редкол.: Ли Сюэцинь [и др.]. Тяньцзинь : Древняя книга, 2013. 1420 с. = 李学勤. 字源。天津: 天津古籍出版社, 2013. 1420页。

Шевцова В.А., к. филол. н.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

доцент кафедры теории и практики немецкого языка

Панасенко А.С.

(г. Минск, Беларусь)

МГЛУ

студент магистратуры

Shautsova V.A., Cand. of Sc. (Philology)

(Minsk, Belarus)

MSLU

Associate Professor of the Department

of Theory and Practice of German

e-mail: schewzowa_w@mail.ru

Panasenko A.S.

(Minsk, Belarus)

MSLU

Master student

e-mail: pas031998@gmail.com

ЭПИДЕЙКТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ, ЕЕ ХАРАКТЕРИСТИКА И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье представлен жанр «благодарственная речь», ее содержательная характеристика и структура. Предлагается поэтапное исследование текстов немецких и русских благодарственных речей в лингвопрагматическом аспекте.

Ключевые слова: благодарственная речь; характеристика; лингвопрагматический аспект; методология.

EPIDEICTIC SPEECH, ITS CHARACTERISTICS AND RESEARCH METHODOLOGY

This article presents the genre of “Thank You Speech”, its content characteristics and structure. A step-by-step study of the texts of German and Russian thank-you speeches in the linguo- pragmatic aspect is proposed.

Key words: thank you speech; characteristics; linguo- pragmatic aspect; methodology.

Эпидейктическая речь является одним из важнейших жанров риторического искусства, который используется для выражения эмоций, создания положительной психоэмоциональной атмосферы и убеждения аудитории. Главными разновидностями эпидейктической речи являются похвала человеку по особому случаю (юбилеи, тосты) и хула (осуждение, порицание) человека или его взглядов, ценностей. В данном исследовании

рассматривается жанр «благодарственная речь», которая наследует и сохраняет традиции других типов торжественных речей.

Современные благодарственные речи обладают определенной степенью дейктивности, поскольку всегда содержат указание на адресанта и адресата, место, время и ситуацию проведения торжественного события.

С композиционной точки зрения эпидейктическая речь представляет трехкомпонентную структуру, в первой части которой указывается повод, случай, событие, обусловившее выступление. Содержание основной части определяется событием, в связи с которым речь произносится. Это могут быть интересные факты, экскурс в историю, размышления оратора об актуальных проблемах и его взгляды по какому-либо вопросу. Оригинальность, яркость и выразительность зависят как от создателя речи, так и от контекста, тематики речи. Завершаются эпидейктические речи по-разному, но по правилам жанра заключение должно содержать разнообразные пожелания: успеха, процветания, творческих достижений, реализации идей, укрепления позиций, плодотворной работы и т.п. Специфика структуры эпидейктической речи особенно проявляется в ее заключительной части. Это могут быть пожелания адресату всяческих благ, вытекающих из содержания речи, речь-поздравление, похвальное слово, торжественное слово, благодарственная речь, речь по поводу знаменательного события.

Эпидейктические речи всегда соответствуют торжественности момента, поэтому характеризуются наличием определенной стратегии, например, стратегии восхваления по заслугам. Эта стратегия реализуется благодаря речевым тактикам утверждения, сопоставления, обобщения и др. Ораторы активно используют в своих речах лексические повторы, клише, олицетворения, сравнения, а также приемы диалогизации, метафоризации и сентенции.

Исходя из структуры и качественной характеристики благодарственной речи, были отобраны соответствующие этому жанру тексты. Так, основой для данного научного исследования послужили тексты публичных выступлений лауреатов премии Фридриха Гундольфа с 1990 по 2022 гг. и литературной премии Александра Солженицына с 1999 года по 2014 гг. Всего было отобрано 20 текстов, из них 10 на русском и 10 на немецком языке. Это речи известных лингвистов и культурных деятелей во время проведения церемонии награждения: советских и российских литературоведов, историков, лингвистов, поэтов, прозаиков, публицистов, критиков и искусствоведов, а также чешских, датских и турецких германистов, французских, венгерских и румынских философов, литературных критиков и переводчиков.

Исследование эпидейктической речи (или дискурса в широком понимании) требует использования специальных методологий, которые позволяют выявить особенности жанра, его функциональную нагрузку и эффективность воздействия на аудиторию. В этой связи видится

целесообразным использование авторской методики анализа дискурса в лингвопрагматическом аспекте, которая включает четыре этапа, каждый из которых имеет свою подструктуру [1, с. 60–63].

Первый этап «Предварительное описание немецко- и русскоязычного эпидейктического дискурса через благодарственные речи» включает в себя следующие компоненты:

1) внешняя причина (повод), которой (-ым) обусловлен тот или иной текст, в нашем случае благодарственная речь;

2) интертекстуальность благодарственной речи (данный пункт подразумевает актуальность темы, поставленную проблему и дискуссионность текста, предусматривающую наличие связей и ссылок (цитат) в речи на другие тексты;

3) рецепция и интерпретация текста (здесь учитывается специфика воздействия текста / речи на адресата, его ориентированность и особенности восприятия текста адресатом (в основном степень сложности).

На втором этапе лингвопрагматического исследования «Анализ смысловой организации и структуры выступления» необходимо изучить следующие аспекты:

1) пространственно-временные рамки благодарственной речи: время и место выступления;

2) событийный аспект благодарственной речи;

3) участники коммуникативного процесса;

4) роли участников в коммуникативном процессе;

5) социальные отношения между участниками коммуникативного процесса;

б) схематическая структура благодарственной речи и ее элементы.

Третий этап анализа «Характеристика лингвистического аспекта текста» отличается своей многослойной архитектурой, объединяющей в себе целый ряд задач:

1) дейктическое поле (дейктические местоимения (личные и притяжательные), имена собственные, наречия времени и места);

2) символическое поле, выраженное через доминирующие языковые средства, а именно определенные части речи (существительные, прилагательные, глаголы и т.п.);

3) семантическое поле, выявляющее степень частотности определенных лексических единиц;

4) коннотативная маркированность наиболее важной информации в тексте (положительная или отрицательная), порядок слов;

5) категоризация реальности – структурирование и обобщение сходных понятий и характеристик, соответствующих установленной действительности (в нашем случае временному периоду выступления). Основные средства: «стереотипы», фразеологизмы и их функциональность, профессиональная лексика;

б) синтаксическая структура предложений: типы (вопросительные, побудительные, утвердительные), полные неэллиптические или эллиптические предложения;

7) модальность: модальные глаголы и конструкции, частицы, прилагательные;

8) стилистическая характеристика: риторические фигуры (антитеза, гипербола, эпитет, обращение и восклицание, метафора, метонимия, сравнение и т.д.).

На четвертом заключительном этапе «Анализ сообщения и его смысла» рассматриваются наиболее частотные коммуникативные стратегии и тактики, которые используют ораторы в текстах благодарственных речей.

Таким образом, применение лингвопрагматического анализа позволяет комплексно изучить особенности текстов благодарственных речей на материале двух неродственных языков (русского и немецкого) с точки зрения семантики, грамматики, стилистики, прагматики, а также с учетом экстралингвистических факторов. Следующий шаг для данной научно-исследовательской работы предполагает описанный выше детальный поэтапный анализ практического материала с установлением сходств и различий в немецкой и русскоязычной лингвокультурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шевцова В. А.* Лингвопрагматический анализ политического дискурса // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 марта 2020 г. / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2020. С. 60–63.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ДИНАМИКЕ

Артёмова О.А. ДЕЙКТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ БЕЛОРУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	4
Булгакова М.П. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ТЕМПЕРАТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ДЕРИВАЦИОННОМ АСПЕКТЕ	7
Горожанов А.И. ДИНАМИЧЕСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОРПУС КАК ИНСТРУМЕНТ КОМПАРАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (на материале тестов немецкоязычных СМИ)	10
Кохнович Т.К. СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА	13
Лапицкая И.А., Скалабан А.И. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШВАБСКОГО ДИАЛЕКТА	17
Овсейчик Ю.В. УПОТРЕБИТЕЛЬНОСТЬ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ В СРЕДНЕФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	20
Паремская С.В. ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НЕМЕЦКОГО ПРЕДЛОГА <i>AUS</i>	24
Петракова Ю.И. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЫБОРА ПРОИЗВОДЯЩИХ БАЗ ВО ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ	27
Тимофеева О.М., Сидоренко А.С. ДИНАМИКА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ ЗНАКОВ ПРЕПИНАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	30

СИСТЕМНЫЕ ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

Белютин Р.В. ДИСКРИМИНИРУЮЩИЕ МЕТАФОРЫ В ДИСКУРСЕ СПОРТИВНЫХ ФАНАТОВ (на материале немецкого языка).....	34
Белютина Ю.А. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ ИДИОСТИЛИЯ (на материале англоязычных выступлений Барака Обамы).....	38
Богданова Н.А. ВОЗМОЖНОСТИ САТМА 6 ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ.....	42

Губанова К.А. ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ОБРАЗ КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ «ТИФЛО-ЭКСКУРСИЯ» (на материале немецкого языка).....	46
Задворная Е.Г. АКТУАЛИЗАЦИЯ РЕЛЕВАНТНОСТИ/НЕРЕЛЕВАНТНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАТИВНОЙ АДАПТАЦИИ	50
Зуевская Е.В. ОСОБЕННОСТИ ИМПЛИЦИТНОГО ВЫРАЖЕНИЯ УСЛОВИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	54
Задобривская О.Ф. КЛАССИФИКАТОР И КЛАССИФИКАТИВНОСТЬ.....	58
Ильянкова Д.О. ТРАДИЦИОННЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ (на основе предвыборных плакатов партий)	62
Ключенович С.С. (НЕ)ОБЫЧНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ	65
Колмак А.А. СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ И АСПЕКТУАЛЬНОСТИ ГЛАГОЛАМИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	69
Кондракова С.В. СУБСТАНТИВИРОВАННЫЕ ПРИЧАСТИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ	73
Кравцова Т.А. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЪЯВЛЕНИЯХ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	76
Курбаленко Н.В. К ФУНКЦИОНИРОВАНИЮ ЭМОТИВНЫХ КАУЗАТИВОВ (на материале немецкого и русского языков).....	79
Куценко Н.В. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НАПОМИНАНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	83
Кушнерук Н.Н. СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (на материале поэмы «Песнь о Нибелунгах»).....	87
Лавринович Н.В. АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ КОСВЕННОГО ОТКАЗА (на материале немецкого языка)	91
Леус А.М. СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ (на материале немецкого языка)	94
Луцинская О.В. МЕДИАТЕКСТ КАК СИСТЕМНАЯ ЕДИНИЦА МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА.....	98

Неборская Л.Н. АФИНИТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТЕКСТАХ ПРОТОКОЛОВ ДОПРОСА «ВЕДЬМ» (1627 г.)	102
Олейник М.А., Калинина А.Г. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИЧАСТΙΑ I И ПРИЧАСТΙΑ II В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	107
Писарик О.И. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОДЪЯЗЫКА СТРОИТЕЛЬСТВА КАК ОСОБАЯ ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ (на материале английских текстов пояснительных записок к проектам)	111
Плавинский Р.А. ОСНОВНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА «ДРУЖБА» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (на материале анализа паремий)	114
Поражинская И.Л. КОМПОЗИТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭЛЬФРИДЫ ЕЛИНЕК	118
Рымкевич О.Е. МОДАЛЬНЫЙ ФАКТОР В РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ (на материале современных немецких медиатекстов)	122
Садовникова Е.В. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОЧНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ	125
Угринович А.Н. К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «СРАВНЕНИЕ» И «КОМПАРАТИВНОСТЬ» В ЯЗЫКЕ	129
Shautsova V.A. KOMMUNIKATIVE PHRASEOLOGISMEN: TYPEN UND FUNKTIONEN	133
Якубёнок Л.М. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЪЮНКТИВА II В УБЕЖДАЮЩЕЙ РЕЧИ	137

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Барычэўская Т.Г. ГЕРМЕНЕЎТЫЧНАЯ П'ЕСА Ў ТВОРЧАСЦІ СЯРГЕЯ КАВАЛЁВА	140
Витченко Л.В. ИМПЕРАТИВНЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В АНГЛО- И ИТАЛОЯЗЫЧНОМ ДИАЛОГЕ	143
Внук Т.В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА С НЕСКОЛЬКИМИ КОМПОНЕНТАМИ ОДНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОДА	147

Гибкий П.В. ВОСПРИЯТИЕ ФЕНОМЕНА ВРЕМЕНИ НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА	150
Иванова М.А. ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА NETZFREUNDSCHAFT (дружба в социальных сетях)	154
Кострова О.А. НЕМЕЦКИЙ ПАССИВ КАК ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	157
Михалькова Н.В. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕТЕРМИНАТИВОВ В КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ	161
Москалюк Л.И., Москалюк О.С. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ <i>TEUFEL</i> В ТЕКСТОВОМ КОРПУСЕ ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТОВ.....	164
Никитина М.С. МЕЖДОМЕТИЕ «АЙ-ЯЙ-ЯЙ» В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА	168
Поражинская И.Л. ТВОРЧЕСТВО Э. ЕЛИНЕК В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА	172
Сытько А.В. ДЕОНТИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК МЕТАТЕКСТОВЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ (на материале русского и немецкого языков).....	176
Сяо И АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ПОСТРОЕНИЯ ИДЕОГРАММ 会意字 В КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ	180
Шевцова В.А., Панасенко А.С. ЭПИДЕЙКТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ, ЕЕ ХАРАКТЕРИСТИКА И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	183

Научное издание

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА :
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы круглого стола,
посвященного памяти доктора филологических наук,
профессора Тамары Степановны Глушак

Минск, 30 ноября 2023 г.

Ответственный за выпуск *Е.В. Зувская*

В авторской редакции